

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1
2020

ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Борисенко Е.Ю.</i> (Москва). О понятии «украинизация»	3
<i>Джурджевич Б.</i> (Белград). Первые попытки экспорта югославской системы самоуправления (1954–1956)	16
<i>Шахин Ю.В.</i> (Севастополь). Национальная политика Югославии и словенское сопротивление культурной интеграции во второй половине 1950-х годов	32
<i>Энгельгардт Г.Н.</i> (Москва). Послания сербского патриарха Павла патриарху Алексию II в октябре 1993 года	42

КОНЦЕПТ ВОЛИ В СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ

<i>Филатова Н.М.</i> (Москва). Польская историография о добровольном сотрудничестве с Российской властью в «эпоху неволи»	49
<i>Яблоков Е.А.</i> (Москва). Формула «любви» И.С. Тургенева: воля и принуждение	54
<i>Чепелевская Т.И.</i> (Москва). Школьная программа Антона Мартина Сломшека и проблема конфессиональной и культурной идентификации словенцев в XIX веке	57
<i>Куренная Н.М.</i> (Москва). Национальная идентичность в поэзии Янки Купалы	61
<i>Злыднева Н.В.</i> (Москва). Авангард в «оковах» воли: супрематизм Казимира Малевича и зенитизм Любомира Мишича	64
<i>Красовец А.Н.</i> (Москва). Провозглашение диктатуры «ничевочества» в сборнике манифестов «Собачий ящик» (1922)	67
<i>Семенова А.В.</i> (Москва). Современная кашубская проповедь как директивный речевой акт....	71

СООБЩЕНИЯ

<i>Матвеев О.В.</i> (Краснодар). Кавказский период жизни и творчества белорусского просветителя И.Д. Горбачевского	74
<i>Перевошиков Д.В.</i> (Ижевск). Из истории пребывания венгерских военнопленных в Удмуртии в 1943–1949 годах	83
<i>Таранец С.В.</i> (Киев). Полевая археология в Московском университете им. М.В. Ломоносова в области изучения старообрядчества в 60–90-е годы XX века	89

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Колмакова М.В., Чернышенко Д.Ю.</i> (Санкт-Петербург). Словенистика из личной библиотеки И.А. Бодуэна де Куртэнэ в Славянском фонде Библиотеки Российской Академии наук	101
<i>Аристов Л.Ю.</i> (Москва). Фрагмент личной библиотеки О.М. Бодянского в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН	110

РЕЦЕНЗИИ

<i>Силкин А.А.</i> Я. Вишняков, А. Тимофеев, Г. Милорадович. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917	120
<i>Лабаури Д.О.</i> Г.Н. Георгиев. Българо-албански политически отношения (1908–1915)	123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Задорожник Э.Г.</i> Трансформационные революции: начало и итоги	128
--	-----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Григория Куприяновича Венедиктова	133
<i>Толстая С.М.</i> К 70-летию Александра Викторовича Гуры	134

НЕКРОЛОГИ

<i>Широкова Л.Ф.</i> Памяти Светланы Александровны Шерлаимовой (1927–2019)	136
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

О ПОНЯТИИ «УКРАИНИЗАЦИЯ»

© 2020 г. Е.Ю. Борисенок

*Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.**vostslav@yandex.ru*

В статье анализируются принятые в современной историографии интерпретации понятия «украинизация», тесно связанные с пониманием и оценкой происходивших на украинских землях политических и культурных изменений первой половины XX в.

The article analyses the conventional for modern historical writing notions of «Ukrainisation» which are tightly interwoven with the understanding of political and cultural changes in the Ukrainian lands in the first half of the twentieth century

Ключевые слова: украинизация, национальная политика, современная историография.

Keywords: Ukrainisation, national policy, modern historiography

DOI: 10.31857/S0869544X0008108-1

В современных исследованиях в области украинской истории и культуры проблеме украинизации отведено немало места. В научном сообществе, а также среди неспециалистов, интересующихся историей, сложилось определенное представление о сути этого явления, причем в большинстве случаев украинизация ассоциируется с советской политикой, которая проводилась в УССР в 1920–1930-е годы. Между тем история применения понятия достаточно интересна. Об украинизации более или менее активно стали писать лидеры украинского национального движения в начале XX в. Так, принято указывать, что М.С. Грушевский писал о необходимости «введения украинских дисциплин, украинизации высшей школы на Украине», имея в виду перевод части учебных заведений на украинский язык обучения [1. С. 178]. Противники Грушевского придавали понятию «украинизация» негативный оттенок [2. С. 144]. Например, С.Н. Щеголев в работе «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма» писал об «украинизаторских подкопах» «под южнорусское народное строительство» [3. С. 398]. Известный борец с украинской национальной идеей, Щеголев предложил всю «работу украинской партии называть, ради краткости выражения, украинизацией», обозначая деятельность указанной партии «по воспитанию населения в украинском национальном духе» как «украинизацию южнорусского населения» [3. С. 73, 272, 333–334].

Особенно широкое распространение слово «украинизация» получило в период революции и гражданской войны на Украине. В протоколах заседаний Центральной Рады оно употреблялось регулярно, особенно когда речь шла о делопроизводстве, школах, прессе, армии. Более того, в апреле 1917 г. Центральная Рада прямо заявила, что придерживается принципа «украинизации всей жизни на Украине» [4. С. 70].

Слово «украинизация» оказалось чрезвычайно живучим и не исчезло после крушения Украинской Народной Республики (УНР), а вошло в большевистский лексикон. После XII съезда РКП(б) 1923 г., на котором было принято известное постановление о необходимости «укоренения» партийного и государственного аппарата в национальных республиках, украинизация стала обозначать региональную форму политики коренизации. Первоначально употреблявшееся понятие «национализация государственных и партийных органов» не прижилось, поскольку ассоциировалось с передачей в собственность государства различных экономических объектов (см. [2]), а слово «украинизация», напротив, стало широко использоваться в 1920–1930-е годы. В «Толковом словаре русского языка», вышедшем под редакцией Д.Н. Ушакова в 1934–1940 гг., украинизация трактуется как «внедрение украинской культуры и языка», причем с пометкой «новое» — «слово или значение возникло в русском языке в эпоху мировой войны и революции (т.е. с 1914 г.)». В качестве примеров приведены столь характерные для Советской Украины выражения: «украинизация аппарата» и «украинизация школы» [5]. Длительное и частое употребление подобных словосочетаний в межвоенной УССР обусловило ассоциативную связь понятия «украинизация» прежде всего с «коренизацией», проводившейся советской властью в УССР. В современной гуманитарной науке попытки толкования понятия «украинизация» стали предприниматься именно в связи с разработкой проблем советской национальной политики.

В современной историографии взлет исследовательского интереса к национальной проблематике приходится на рубеж 1980–1990-х годов. В Советском Союзе исследователи не могли рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривала актуальная на тот момент версия истории КПСС. Поэтому в советской историографии проблема украинизации оставалась малоизученной, хотя и появились отдельные интересные работы. Так, А.Б. Слущкий в своей монографии, посвященной советскому и культурному строительству на Украине, понимал под украинизацией систему мероприятий, направленных на овладение украинским языком и культурой широкими массами работающего на Украине неукраинского пролетариата, а также работниками партийных, советских, профсоюзных, комсомольских, кооперативных и общественных организаций [6. С. 68]. С другого ракурса рассматривал проблему украинизации известный диссидент, литературовед и публицист И.М. Дзюба. В написанной в 1965 г. работе «Интернационализм или русификация»¹ он интерпретировал украинизацию с точки зрения протекания процессов русификации/дерусификации: «На Украине КП(б)У в течение 20-х годов, как известно, проводила согласно постановлениям Коминтерна, VII, VIII, X, XII и других съездов РКП(б)—ВКП(б), съездов КП(б)У огромную национально-воспитательную работу, которая вошла в историю партии и Украины под названием “украинизации” (или “дерусификации”)» [7. С. 76].

¹ Книга впервые была издана не в Советском Союзе, а в Мюнхене, и была переиздана на Украине только после провозглашения независимости.

За рубежом процесс украинизации оказался в центре внимания, прежде всего, историков украинского происхождения, а также советологов. Впрочем, фокус внимания последних был часто сосредоточен на общих, а не региональных аспектах. Общим местом для работ представителей украинской диаспоры стало критическое изложение политики Москвы в отношении Украины и повышенное внимание к национальным факторам. Так, С. Николишин указывал, что «москальи» использовали украинизацию, чтобы «через украинский язык легче донести до украинского рабочего, крестьянина и интеллигента [...] свои имперские идеи», чтобы «убаюкать взбудораженную революцией украинскую мысль» [8. С. 42]. Итогом подобного рода размышлений стала большая статья под названием «Украинизация» в 9-м томе словарной части «Энциклопедии украиноведения», изданном в 1980 г.: «Украинизация, временная политика ВКП(б), осуществляемая в 1920 — начале 30-х годов ЦК КП(б)У и правительством УССР с целью укрепления советской власти на Украине средствами уступок в виде введения украинского языка в школе, прессе и других областях культурной жизни, а также в администрации — как государственного языка республики». Автор статьи, соредактор энциклопедии, украинский историк и общественный деятель А.И. Жуковский подчеркивал, что политика украинизации, противоречившая «великодержавным устремлениям ВКП(б)», стала вынужденным шагом, поскольку была обусловлена враждебным отношением к советской власти населения Украины, национальное сознание которого возросло за предыдущие десятилетия и особенно в ходе национальной революции 1917–1920 гг., а также «угрозой интервенции Польши, поддерживаемой Антантой». Поэтому большевистская партия «вынуждена была пойти на уступки национальным движениям, прежде всего украинскому», и пошла на введение в школе и администрации родного языка национальных республик при одновременном увеличении удельного веса местных кадров во всех областях экономики и культуры [9]. Особо подчеркивается, что украинизация всегда наталкивалась на враждебное сопротивление русских великодержавных шовинистов на Украине, «поддерживаемых московской и ленинградской прессой и особо настойчивыми украиножерами на высоких должностях (Ю. Ларин, В. Ваганян и др.)». Большинство же КП(б)У было «безразлично, а то и враждебно украинизации», сторонниками украинизации являлись только украинцы-коммунисты, особенно бывшие боротьбисты [9].

Как уже упоминалось, с рубежа 1980–1990-х годов интерес к теме значительно увеличивается. Среди зарубежных исследований наибольшую популярность приобрели несколько работ. Прежде всего, это труд канадского историка украинского происхождения О. Субтельного [10]². В разделе о Советской Украине историк выделяет главу «Украинизация», причем указывает, что последняя была украинской разновидностью политики коренизации. По его мнению, Украина составляла «слабое звено советской власти», и поэтому, «когда нэп успокоил крестьянство, партия начала кампанию, направленную на расширение поддержки со стороны нерусских народов». Партийное руководство стремилось, «чтобы в партию и государственный аппарат шли нерусские, чтобы служащие изучали и пользовались местными языками, чтобы государство поддерживало культурное и социальное развитие других народов» [11. С. 337].

Другие, не менее популярные работы, принадлежат канадскому историку с русинскими корнями П.-Р. Магочи [12–14]. Рассматривая советскую

² Этот труд уже в 1991 г. был опубликован на украинском языке, а затем неоднократно переиздавалась на Украине.

украинизацию, ученый указывает, что с ее помощью КП(б)У надеялась легитимизировать свою власть на Советской Украине, привлекая в свои ряды широкие слои местного населения и одновременно содействуя развитию украинского языка и культуры [14. С. 524].

Наконец, большое внимание проблеме украинизации отведено в труде американского ученого Т. Мартина, который рассматривает ее в рамках стратегии положительной деятельности как региональный вариант коренизации. Лучшим синонимом слова «коренизация» является, по его мнению, «индигенизация» («отуземливание»). Оно образовано «от прилагательного с этим корнем — “коренной”, употребляемого в словосочетании “коренной народ”», а «в национальных республиках проводимая политика называлась по имени титульной национальности: “украинизация”, “узбекизация”, “ойротизация”» [15. С. 23] (это издание является переводом на русский язык [16]). При этом коренизация «имела две основные цели: создание национальных элит (положительная деятельность) и утверждение господствующего положения языков коренных народов на национальных территориях (коренизация языковой сферы)» [15. С. 108].

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными, особенно активно занимавшимися разработкой проблемы советской украинизации в 1990-е и 2000-е годы: изданный в 2003 г. в Киеве библиографический указатель по этой проблеме насчитывает 219 страниц [17]. Украинизация рассматривается как вынужденная политика, направленная на укрепление советской власти в республике. Г.Г. Ефименко подчеркивает: «Политика украинизации была одной из национальных разновидностей политики коренизации, проводимой руководством ВКП(б) с 1923 г. Целью политики коренизации в общесоюзном масштабе было завоевание доверия нерусского населения, втягивание его в орбиту властных интересов и активное участие националов в модернизационных процессах. Задачи стояли сугубо практические, необходимые как для укрепления власти в обществе, так и для создания возможностей для ускоренного экономического развития» [18. С. 355].

Подобный подход прочно вошел в современную украинскую историографию и представлен в обобщающих трудах украинских ученых. Так, в издании «Национальный вопрос на Украине XX — начала XXI в.» соответствующий раздел, написанный Г.Г. Ефименко и Л.Д. Якубовой, носит название «Национальные отношения в Советской Украине (1923—1938)». По мнению авторов, «извне политика коренизации/украинизации имела определенные признаки (многими так и воспринималась) содействия развитию подавленных ранее культур [...]. Однако не только в Кремле, но и среди подавляющей части большевистской номенклатуры на Украине задачи политики коренизации ограничивались намерениями активного использования языков нерусских народов (на Украине — прежде всего украинского) в коммунистическом строительстве и широкого привлечения к этому процессу местных кадров» [19. С. 212].

В то же время украинские ученые подчеркивают, что «украинизация» не синонимична «коренизации». Г.Н. Васильчук замечает: «Термин “украинизация” был перенесен в УССР под давлением социально-политических обстоятельств, обусловленных инерционными силами украинской революции, который большевики трансформировали в конкретную политику в соответствии с собственной политико-идеологической доктриной развития социалистического строя. Он означал введение украинского языка в государственных, культурно-образовательных и общественных учреждениях. Историки разграничивают понятия

“украинизация” и “коренизация”, которые отличались по смыслу и назначению. Первое, по мнению некоторых авторов, является функциональной составляющей “политики коренизации”, ее исторической формой» [20. С. 214].

В данном случае Васильчук ссылается на авторов труда «“Украинизация” 1920–1930-х годов: предпосылки, приобретения, уроки». Пытаясь разобраться в форме и содержании советской украинизации, последние предлагают рассматривать ее как национальную реформу: «Среди многих реформ, которые сопровождали внедрение нэпа, была и национальная. В масштабах многонациональной страны она вкладывалась в формулу “политика коренизации”, а на Украине за ней закрепилось название “украинизация”» [21. С. 5]. По мнению авторов, «термин “национальная реформа” точнее, нежели понятие “политика коренизации”, передает суть начатого XII съездом партии поворота в национальном вопросе» [21. С. 23]. При этом обращается внимание на необходимость «разграничить национальную реформу, которая проводилась центром, и национально-культурное движение масс, подчиненное задачам национального возрождения» [21. С. 7]. С этой точки зрения, украинизация была «мощным средством этнонациональной мобилизации той части этнической общности, которая утратила (или не приобрела) свою идентичность», т.е. это была своеобразная модель мобилизации. С другой стороны, это была мобилизация с характерной модернистской установкой, направленной на формирование «современного национального сообщества» [21. С. 179].

О связи коренизации и модернизации речь идет и в уже упомянутой обобщающей работе «Национальный вопрос на Украине XX – начала XXI в.». Г.Г. Ефименко и Л.Д. Якубова указывают: «Коренизация имела две основные взаимосвязанные составляющие, predeterminedные потребностями модернизации страны и необходимостью усиления влияния власти на общество: широкое привлечение местных кадров к управленческим структурам и перевод на язык местного населения значительной части культурно-образовательной, административной и агитационно-пропагандистской работы» [19. С. 196]. Одновременно в современной украинской историографии проводится параллель между украинизацией и нэпом. Я.В. Верменич, например, указывает: «крутым поворотом была вся стратегия нэпа, в которую вписывались и маневры “коренизации”. В контексте либерализационных мер новой экономической политики национальная реформа возникает как важное звено, назначением которого была, прежде всего, минимизация опасностей, вытекающих из необходимости управлять в полиэтнической, в значительной степени враждебной среде» [22. С. 210].

Суть происходивших изменений нередко трактуется как дерусификация. Подобная интерпретация не нова, достаточно вспомнить, например, приведенное выше высказывание И.М. Дзюбы. «Политика коренизации, – пишет В.М. Даниленко, – получила на Украине [...] неудачное и исторически неоправданное название “украинизации”. Это название никак не отвечало процессам, происходившим в сфере общественной и культурной жизни Украины как в период Центральной Рады, Гетманата, Директории, так и в период большевистского правления» [23. С. 67]. Историк замечает, что обращение народа к своей государственности, своим корням, своей культуре и историческим традициям не может быть украинизацией. Это был процесс, «который с полной уверенностью можно назвать “дерусификацией”» [24. С. 98]. Параллель между украинизацией и дерусификацией проводится достаточно часто. Так, по мнению авторов обобщающего издания «Государство и цивилизация в истории

Украины», политика коренизации «значительно повлияла на развитие нерусских народов тогдашнего СССР, в частности украинского, поскольку на практике она означала дерусификацию» [25. С. 542].

Интересный подход к проблеме украинизации демонстрирует М.Н. Кузьменко. Ученый считает украинизацию методом советизации духовной жизни украинского общества путем идеологической адаптации национальных символов и идей к условиям советской (большевистской) модели социализма. Из объекта национального возрождения на Украине ее превратили в способ модернизации общества по основным принципам большевизма — монопартийная система власти и унифицированная духовная жизнь, утверждение единой (государственной) формы собственности и временность каких-либо социокультурных сообществ, идеализация и обожествление вождя и растворение личности в коллективе [26. С. 96].

Несмотря на попытки разобраться во всех аспектах такого сложного явления, как советская украинизация, определение этого сложного понятия в большинстве случаев сводится к тезису о том, что это была политика укрепления советской власти в национальных республиках. С.В. Кульчицкий в монографии «Коммунизм на Украине: первое десятилетие (1919–1928)» разъясняет, что «украинизация была политикой коренизации, осуществляемой партией для укрепления правительственных структур в национальных республиках и автономиях» [27. С. 380]. В одной из своих статей украинский историк подчеркивает: «Суть такой политики заключалась в укоренении советской власти в нерусской среде. Представители этой власти должны были овладевать языками и культурными традициями местного населения, а сама власть — пополняться за его счет. Политика коренизации превращала контроль центра над периферией с внешнего, который осуществлялся исключительно силой, во внутренний, осуществляемый административно политическими средствами. Советская власть коренизировалась, т.е. лишалась ореола оккупационности. Так же важным было и то, что осуществляемая местными языками идеологическая работа становилась более эффективной. В партийных документах декларировалось, что целью политики коренизации является содействие развитию культур и языков коренных национальностей. В этой сфере достижения советской Украины были весомыми» [28. С. 64].

Г.Н. Васильчук дал определение украинизации согласно этой точке зрения: «Самым верным, на наш взгляд, будет под украинизацией понимать процесс, который был объективно обусловлен общественно-политическим и экономическим положением Украины в 20-х годах, проводился согласно канонам большевистской национальной политики, был направлен на овладение украинской освободительной идеей и приближение советской власти к украиноязычному населению республики» [29. С. 196]. Определение, данное Васильчуком, передает осмысление украинизации в ее советском варианте согласно принятой в современной украинской историографии концепции национальной истории.

Итоги изысканий современных украинских ученых нашли отражение в энциклопедических статьях. Следует, прежде всего, обратить внимание на статью В.М. Даниленко «Коренизация» в «Энциклопедии истории Украины» (том 5, выпущенный в 2008 г.). Коренизация представляет собой «название политики, проводимой в 1920-х — начале 1930-х гг. в СССР правящей партией большевиков с целью укрепления влияния центральной власти в национальных окраинах через уступки в употреблении там национальных языков в сферах образования, культуры, государственном управлении, в социально-экономической

и общественной жизни. Такая политика, по мнению большевиков, должна была повсеместно сделать советскую власть “родной”, “народной” и “понятной” – воспринимаемой не как навязанная извне, а как коренная. Для этого создавались национальные управленческие элиты, которые знали местный язык, быт, обычаи и традиции, и через них в сознание населения внедрялись идеалы и ценности коммунистической идеологии. На местах такая политика приобретала соответствующие национальные формы – “украинизации”, “белорусизации”, “татаризации” и тому подобное». Таким образом, в современной украинской энциклопедии, как и в «Энциклопедии украиноведения» 1980 г., основной акцент делается на необходимости укрепления СССР, в связи с чем власть шла на «уступки национальным политическим силам, которые во время развала Российской империи добились собственной государственности, но в результате большевистской интервенции потеряли ее) и в то же время обеспечивала “встраивание” в советскую систему этничности (это позволяло погасить мобилизационный потенциал последней, направив его в русло национально-коммунистического строительства)» [30].

В других современных украинских энциклопедических изданиях при определении понятия «украинизация» вполне отчетливо указывается на то, что это была политика, проводимая в Украинской ССР, причем акцент делается на ее языковом аспекте. Так, «Украинский язык: энциклопедия» дает следующее определение украинизации: «Украинизация – расширение общественных функций украинского языка, внедрение его в официальное употребление в государственных, политических, общественных и культурно-просветительных учреждениях и организациях в 20-е годы на территории УССР и в местах компактного проживания украинцев в др. республиках СССР» [31. С. 699]. В юридической энциклопедии украинизация трактуется как «государственно-партийная политика в УССР, направленная на введение украинского языка в государственных учреждениях, образовательной и культурной сферах республики». Поскольку речь идет о юридических основах украинизации, в статье перечисляются постановления республиканских властей в области украинизации [32].

Таким образом, проблеме украинизации в современной историографии уделяется немало внимания. В 2008 г. Г.Н. Васильчук даже счел нужным подчеркнуть, что тема украинизации методологически и тематически исчерпала себя и нуждается в новых подходах, в частности в контексте истории повседневности [33. С. 347]. Однако анализ историографии позволяет не согласиться с тем, что проблема получила должное всестороннее освещение. Несмотря на обилие появившихся работ, обобщающих фундаментальных исследований по проблеме мало. Через несколько лет после заявления Васильчука, в 2014 г., С.В. Кульчицкий вынужден был признать: «На украинскую тему мы имеем два исследования: коллективная монография «“Украинизация” 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», изданная Институтом истории Украины НАНУ в 2003 г., и монография Е. Борисенко [...] “Феномен советской украинизации”, которая появилась в Москве в 2006 г. Имеем также фундаментальный труд потомка украинских меннонитов, которые эмигрировали в Канаду, гарвардского профессора Т. Мартина «Империя “положительной деятельности”: Нации и национализм в СССР, 1923–1939». Эта книга увидела свет в 2001 г.». Рассматривая историографию «кампании коренизации 1920–1930-х годов», украинский специалист подчеркивает, что «сугубо с событийного взгляда она освещена в достаточной степени. Однако связь с другими аспектами внутренней политики Кремля в существующей литературе не

прослеживается. Авторы предпочитают определенные аспекты кампании, не обращая пристального внимания на их совокупность» [34. С. 218–219].

За время, прошедшее после заявления украинского историка, историография проблемы пополнилась (в том числе [35; 36]), однако нельзя не согласиться с тем, что настало время обобщения накопленных фактов, дабы рассмотреть проблему украинизации во всей ее полноте, выделить специфические признаки и дать более точное определение этому сложному понятию. Г.Г. Ефименко признает, что «много дискуссий, например, вызвал термин “украинизация” [...]. Взгляды украинских историков различаются как насчет самой правомерности употребления такого термина (предложение брать в кавычки, заменить его другим — *дерусификация*, *национальная реформа* (здесь и далее выделено Г.Г. Ефименко. — *Е.Б.*), ничего не меняет), так и относительно его содержательного наполнения. Вследствие этого появляется немало недопониманий и в работах, где выяснению непосредственного содержания термина “украинизация” не уделяется специального внимания» [18. С. 355–356]. В свою очередь, Ефименко подчеркивает, что он «различает понятие “*политика украинизации*” и “*украинизация*”». Наиболее уместным автор считает «отделение *политики украинизации*, осуществлявшейся компартийным руководством с целью “укоренения” в среде украинцев, от украинизации как естественного процесса в украинском обществе на пути возрождения украинской нации, как проявления трансформированной энергии украинского народа. И если на определенном этапе украинизация как процесс не имела непреодолимых противоречий с большевистской политикой, то это вовсе не означает, что большевики пытались способствовать украинскому возрождению» [18. С. 355].

Учитывая сложный путь формирования понятия, его применения и интерпретации, следует обратить особое внимание на предложение украинского историка четко разграничить понятия украинизации как политики («политика украинизации»), осуществлявшейся большевиками, и украинизации как процесса укрепления национального самосознания («процесс украинизации»). Однако, рассматривая происходившие на советском пространстве события, становится очевидным, что в УССР политика украинизации и процесс украинизации взаимосвязаны. Безусловно, на национальное самосознание может оказывать влияние множество факторов, однако позиция государства — далеко не последний из них. Политика украинизации — при помощи протекционизма и в культурно-языковой, и в кадровой сфере — была направлена на фиксацию в сознании представителей титульной нации республики украинской идентичности. Прежде всего, на официальном уровне за населением было закреплено наименование «украинец». Так, в составленном к переписи 1926 г. перечне народностей под вторым номером (вслед за русскими) значились украинцы, а по словарю народностей наименование «малорусы» относились к многочисленным конкретным наименованиям и должны были быть отнесены ко второму пункту перечня, т.е. украинцам. О том, насколько внимательно советская власть относилась к проблеме фиксации национальной принадлежности, свидетельствует то обстоятельство, что в условиях украинизации национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Поэтому, вряд ли удастся жестко разграничить украинизацию, осуществлявшуюся в УССР, на две отдельные части — «политику» и «естественный процесс», поскольку в реальной жизни обе стороны были тесно связаны между собой.

Таким образом, в современной украинской историографии украинизация рассматривается, прежде всего, как региональная форма коренизации. При

этом в определении данного понятия фигурируют положения, ведущие свое происхождение от тезисов, распространенных преимущественно в работах оппонентов или, по крайней мере, критиков советской власти: «овладение украинской освободительной идеей», «укрепление правительственных структур в национальных республиках», «дерусификация». Однако при определении понятия «украинизация» как проводимой государством политики стоит учитывать наличие нескольких ее вариантов: политика украинизации проводилась не только советской властью. Таким же словом обозначается и политика формирующихся национальных украинских государств в революционный период. Например, С.В. Кульчицкий заявляет: «Политику украинизации проводили правительства Центральной Рады, Украинской Державы, УНР времен Директории. Она была средством пробуждения национального самосознания украинского народа. Украинизацию, однако, проводила и советская власть, которая уничтожила УНР и вернула Украину в лоно империи, восстановленной под другим названием. Поэтому словосочетание “советская украинизация” кажется некоторым исследователям сочетанием несочетаемых понятий, оксимороном. Они берут в кавычки такую украинизацию, будто подчеркивая, что речь идет о явлении, которого на самом деле не существовало» [28. С. 64].

По словам другого специалиста, В.Ф. Шевченко, политика украинизации была стержнем, главным направлением революции на Украине: «В 1917–1921 гг. шла речь об украинизации т.е. прекращении искусственной подмены его собственного естества русским (или каким-либо другим) языком, культурой, государственностью и тому подобное, а о приведении в соответствие с национальной сущностью подавляющего большинства населения — украинства — содержания и форм деятельности тех институций, которые его обслуживают, — соборного государства, его структур, должностных лиц, политических и общественных организаций, учреждений образования, науки, разных видов искусства, средств массовой информации, и тому подобное» [37. С. 111–112].

Учитывая особенности развития национальных процессов на украинских землях, вполне можно говорить не только о советской политике украинизации, но и о других ее вариантах: об украинизации, проводившейся в 1917–1920 гг., причем как правительствами Украинской Народной Республики, Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского, так и Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), а в конце 1938 — начале 1939 г. — лидерами Карпатской Украины. Однако наличие «разных» украинизаций ставит вопрос об их сходстве и различиях.

Так, в издании «История государственной службы на Украине» С.В. Кульчицкий и Г.Г. Ефименко, написавшие раздел «Структура государственной власти в условиях формирования тоталитарного строя», указывают: «Одновременно с образованием СССР главным средством решения национального, в том числе и украинского, вопроса стала политика коренизации, украинская разновидность которой получила название “украинизации”. Эту политику не следует идеализировать. Главным в ней было укоренение советской власти в украиноязычной среде. [...] Однако советская коренизация не могла не сблизиться в определенных измерениях с украинизацией, которую осуществляли национальные правительства. Общим знаменателем для обоих типов украинизации — национального и советского — была дерусификация. Преследуемый сотни лет родной язык украинцы слышали в школах и учреждениях культуры. Это способствовало укоренению советской власти в массах» [38. С. 232].

Безусловно, идеалы деятелей украинского движения были связаны в первую очередь с национальной государственностью, а для советского украинского руководства первостепенное значение имели социальные преобразования. Тем не менее, различия в проведении украинизации были обусловлены во многом временным фактором: лидеры формирующихся национальных государств просто не имели ни времени, ни возможности для полного внедрения в жизнь своих намерений, и поэтому в развернутом виде был воплощен в жизнь советский вариант украинизации. В то же время, как и любая власть, и лидеры формирующихся государств, и украинское советское руководство были заинтересованы в укреплении своего положения.

Главное, на что следует обратить внимание при анализе той или иной политики украинизации, это, прежде всего, стремление лидеров вышеупомянутых государств официально определить украинскую национальную территорию, что было чрезвычайно важно в период трансформации геополитического пространства бывшей Российской империи. Например, Центральная Рада, заявившая в своем III Универсале 7 ноября 1917 г. об образовании УНР, «не отделяясь от республики Российской и сберегая ее единство», сразу же объявила, что к ее территории относятся земли, «заселенные преимущественно украинцами: Киевщина, Подолье, Волинь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное определение границ Украинской Народной Республики, касательно присоединения частей Курщины, Холмщины, Воронежчины и смежных губерний и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено с согласия организованной воли народов» [4. С. 400].

Провозгласив Украину Социалистической Советской республикой, большевистское руководство также определило Украину территориально, причем пытаясь максимально (насколько, с их точки зрения, это было возможно с учетом интересов союзного государства) подогнать границы республики к этническим. Большевики фактически осуществили давнюю мечту о соборной Украине, и украинские земли были объединены в едином государственном пространстве. Накануне Второй мировой войны к Советской Украине были присоединены территории Восточной Галиции, Западной Волини, Северной Буковины и Бессарабии, а в результате войны – склоны Карпат, и, таким образом, все украинские земли были объединены в составе УССР. В итоге политика украинизации продолжилась на землях, которые в межвоенный период находились в составе Польши, Чехословакии и Румынии. Украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов, проживавших в УССР, оказались в роли национальных меньшинств. Эта территория в 1991 г. обрела государственную независимость.

Важно подчеркнуть, что определение территориальных границ позволяло возникнуть взаимосвязи «между этнической идентичностью и административным контролем над территорией» [15. С. 63]. Как замечает Т. Мартин, в народе укреплялось «представление о национальной территории как о своей собственной», т.е. принадлежащей «титульной нации». Таким образом, украинцы стали обладателями государственного образования, носящего их имя, а представители других этносов оказались в роли национальных меньшинств.

Решения территориального вопроса и признание за украинцами статуса титульной нации повлекли за собой меры, направленные на реконструкцию общественной жизни украинского государства: расширение сферы употребления украинского языка и введение его в официально-деловую, научную,

образовательную, просветительскую сферы; поддержка украинской культуры; протекционистская кадровая политика. Если в культурно-языковой сфере правительствам УНР, ЗУНР, Украинской Державы, Карпатской Украины удалось предпринять определенные шаги, то в полной мере произвести запланированные преобразования в кадровой сфере в условиях нестабильной ситуации им не удалось. Однако советская украинизация имела возможность проявить себя и включала в себя меры, направленные на развитие социальной структуры украинского общества. Прежде всего, создавались приоритетные возможности для профессионального и карьерного роста представителям «коренной национальности». Кроме того, развитие промышленности должно было повлечь за собой сдвиги в социальной структуре украинского населения и увеличение численности украинцев среди пролетариата, поскольку естественным источником пополнения рабочей силы для фабрик и заводов было сельское население. Важно подчеркнуть, что украинизация создала условия для формирования украинской советской элиты.

Стоит отметить, что протекционизм и в культурно-языковой, и в кадровой сфере логично вытекал из определения части бывшей Российской империи как украинской территории. Украинизация была средством управления национальными процессами на территории, которая была обозначена как украинская, что особенно очевидно проявилось в УССР. Если говорить только о большевиках, то, безусловно, они стремились укрепить свое положение как в центре, так и в республиках. Однако укрепление/укоренение власти было именно одной из целей, но не содержанием политики советской украинизации. Сущность же украинизации как таковой определялась общим контекстом нацистроительства, «территориализацией» нации (если воспользоваться термином Р. Кайзера (см. [39]). Исходя из вышесказанного, имеется основание утверждать, что политика украинизации тесно связана с проблемой роли и места государства в процессе трансформации этноса в нацию в современном понимании этого термина. Можно говорить о том, что *украинизация представляет собой метод национального строительства, целенаправленный курс по утверждению украинского характера социокультурного пространства той или иной территории путем специальной языковой, культурной и кадровой политики.* При этом имеется основание говорить о целенаправленном *государственном* курсе, поскольку украинизация в полной мере могла реализоваться только как политика государства: именно последнее обладало достаточными возможностями, в том числе административным ресурсом, в отличие от общественных, культурных и политических организаций, действовавших в рамках украинского национального движения на территории империй Романовых и Габсбургов, межвоенной Польши и др.

Представляется, что подобное определение украинизации в должной мере отражает суть этого непростого явления, помогает понять природу происшедших изменений в сфере межнациональных отношений, оценить сложность происходивших на украинских землях социокультурных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907.
2. *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 1999. Вип. 3.

3. *Шеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912.
4. Українська Центральна Рада: док. і мат. у 2 т. Київ, 1996. Т. 1: 4 березня – 9 грудня 1917 р.
5. Украинизация [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4: С – Ящурный. М., 1940. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (Время доступа: 02.07.2019).
6. *Слуцький О.Б.* Радянське і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну індустріалізацію країни (1926–1929 рр.). Київ, 1957.
7. *Дзюба І.М.* Інтернаціоналізм чи русифікація. Мюнхен, 1968.
8. *Николишин С.* Культурна політика більшовиків і український культурний процес. Б.м., 1947.
9. *Жуковский А.* «Українізація» [Електронний ресурс] // Енциклопедія українознавства. Словникова частина (ЕУ-II). Париж; Нью-Йорк, 1980. Т. 9: Тимофеев Валентин – Хмельницький Богдан. Режим доступа: <http://izbornyk.org.ua/encycl/euui260.htm> (Время доступа: 15.02.2019).
10. *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988.
11. *Субтельний О.* Україна: історія / Пер. з англ. Київ, 1991.
12. *Magocsi P.R.* The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. London; Cambridge, 1978.
13. *Магочий П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Пер. з англ. Ужгород, 1994.
14. *Магочий П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів / Пер. з англ. Ужгород, 2012.
15. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М, 2011.
16. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca; London, 2001.
17. Політика коренізації в радянській Україні (1920–30-і рр.). Науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ, 2003.
18. *Єфіменко Г.Г.* Сталінська національна політика серед українців Росії в 1930-ті рр.: правило чи виняток? // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2004. Вип. 11.
19. *Єфіменко Г.Г., Якубова Л.Д.* Національні відносини в радянській Україні (1923–1938) // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. Київ, 2012.
20. *Васильчук Г.М.* Обов'язок чи право: історико-правовий дискурс щодо виконання «Закону про мови» // Наук. зап. Ін-ту політолог. і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2007. Вип. 34.
21. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.
22. *Верменич Я.В.* Національна реформа 20–30-х рр. в Україні: підсумки, політичні наслідки, уроки // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2004. Вип. 11.
23. *Даниленко В.М.* «Українізація» 1920-х рр. і сьогодні // Другий міжнародний конгрес українців. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Доповіді і повідомлення. Історія. Львів, 1994. Ч. 2.
24. *Даниленко В.М.* Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Київ, 1996. Вип. 2.
25. *Горелов М.Є., Моця О.П., Рафальський О.О.* Держава і цивілізація в історії України. Київ, 2009.
26. *Кузьменко М.М.* Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20–30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004.
27. *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996.
28. *Кульчицький С.В.* Першопочатки радянської українізації // Світогляд. 2011. № 4.
29. *Васильчук Г.М.* Причини та мета українізаційної кампанії на Україні (II десятиріччя ХХ ст.) // Наук. пр. іст. ф-ту Запоріж. держ. ун-ту. 2004. Вип. 18.
30. *Даниленко В.М.* «Коренізація» [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України. Київ, 2008. Т. 5: Кон–Кю. Режим доступа: <http://www.history.org.ua/?termin=Korenizatsiya> (Время доступа: 15.02.2019).
31. «Українізація» // Українська мова: Енциклопедія. 2-е вид., випр. і доп. Київ, 2004.
32. *Чехович В.А.* «Українізація» [Електронний ресурс] // Юридична енциклопедія: в 6 т. [Б. м.], 2004. Т. 6: Т – Я. Режим доступа: <http://leksika.com.ua/10940407/legal/ukrayinizatsiya> (Время доступа: 15.02.2019).

33. *Васильчук Г.М.* «Радянська інтелігенція»: сучасні тлумачення і аксіологічні орієнтири // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. 2008. Вип. 37.
34. *Кульчицький С.В.* Рец. на кн.: Борисєнок Ю.А. На крутих поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX в. М., 2013. 352 с. // Український історичний журнал. 2014. № 6.
35. *Борисєнок Е.Ю.* «А что мы знаем о лице Украины?» Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017.
36. *Борисєнок Е.Ю.* Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. М., 2018.
37. *Шевченко В.Ф.* До питання про українізацію доби визвольних змагань і відродження національної державності та соборності (1917–1921 рр.) // Україна у світовій історії. 2014. № 4.
38. *Кульчицький С.В., Єфіменко Г.Г.* Структура державної влади в умовах формування тоталітарного ладу // Історія державної служби в Україні: у 5 т. Київ, 2009. Т. 2.
39. *Kaiser R.J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ЭКСПОРТА ЮГОСЛАВСКОЙ СИСТЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ (1954–1956)

© 2020 г. Борислав Джурджевич

Магистр истории, докторант Белградского университета

borislavdj@gmail.com

В статье рассматривается формирование представлений руководства СКЮ после преодоления конфликта с СССР о возможности экспорта системы самоуправления в другие социалистические страны и их идеологические основания.

The article considers the attitude of the League of Communists of Yugoslavia's leadership to the possibility of export of the system of self-management to other Socialist countries and their ideological justifications after the resolving of the conflict with the USSR

Ключевые слова: идеология КПЮ/СКЮ, система самоуправления, югославо-советские отношения, Йосип Броз Тито, Югославия.

Keywords: ideology of the Communist Party of Yugoslavia / League of Communists of Yugoslavia, self-management system, Yugoslav-Soviet relations, Josip Broz Tito, Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0008109-2

Система самоуправления развивалась в Югославии с начала 1950-х годов. В этот период Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) предпринимала попытки идеологически обосновать свою позицию в конфликте со странами социалистического лагеря. В руководстве КПЮ в этот момент появилась идея так называемого югославского пути строительства коммунизма, который представлялся как возвращение к исходным ценностям марксизма-ленинизма, извращенных Сталиным. Таким образом, самоуправление изначально задумывалось как альтернатива советской системе и имело для КПЮ, прежде всего, идеологическое значение. Она сменила название¹ и смягчила курс, но не отказалась от своей роли в обществе. Историк Бранко Петранович писал еще в социалистические времена, что институциональный порядок самоуправления был установлен за сравнительно короткое время с 1950 по 1954 г., но долгое

¹ В 1952 г. Коммунистическая партия Югославии сменила название на «Союз коммунистов Югославии» (СКЮ), чтобы таким образом указать на ее трансформацию в более широкое объединение в соответствии с идеей К. Маркса о постепенном отказе от классической политической организации [1. С. 529].

время он существовал формально, не предполагая возможности принимать решения по значимым экономическим вопросам самими работниками [1. S. 535].

В период формирования доктрины строительства социализма на принципах самоуправления, югославская партия находилась в изоляции от политических процессов в большинстве социалистических стран, поэтому разрабатывала ее в условиях недостатка информации, что позволило связать проблему укрепления своего положения на Востоке с возникшими противоречиями между СССР и Китаем и ослаблением политического и идеологического единства Восточного блока.

После конфликта с Советским Союзом (1948 г.) югославские коммунисты были изгнаны из мира, к которому они идейно принадлежали и с которым они хотели сохранить отношения. Поэтому, несмотря на все перемены, произошедшие в связи с началом сотрудничества со странами Запада, КПЮ искала союзников на Востоке. В этом смысле она возлагала большие надежды на Китайскую народную республику (КНР), считая, что Китай не может быть обычным советским сателлитом². Так же считали многие и на Востоке, и на Западе, однако то, что в других странах рассматривалось в качестве возможности, в Югославии стало фундаментом, на котором политика по отношению к государствам социалистического лагеря базировалась. Самоуверенность Белграда еще ярче ощущается, если учитывать, что югославы практически не владели информацией о ситуации в Китае. В феврале 1950 г. в призыве к признанию северовьетнамского правительства Хо Ши Мина в Белgrade увидели «сигнал из Пекина», т.е. начало «титовского поворота КНР», о котором Владимир Попович³ сообщил американскому послу. Более того, Моша Пияде⁴ укорил посла за то, что США не поступили в Китае так же, как в Югославии, когда они вместо поддержки Михайловича признали Тито [3. S. 143–144].

Аргументы, указывавшие на наличие предпосылок советско-китайского конфликта, были сформулированы в феврале 1951 г., а возможно и раньше, и в последующие годы часто появлялись в различных документах. Аналитики КПЮ писали, что еще в 1935 г. Мао вынужден был отклонить директивы Москвы, что китайцы осуществили свою революцию без советской помощи, что СССР сотрудничал с Чан Кайши, грабя Маньчжурию, и что за счет Китая Советский Союз хочет сохранить и укрепить позиции, которые он достиг на Ялтинской конференции в 1945 г. Однако в документе, датированном февралем 1951 г., указано, что о характере и масштабах советско-китайских противоречий «трудно говорить из-за отсутствия у нас достоверной информации». То же относится и к предположению о расколе в китайских верхах. В документе есть отсылка на информацию о том, что в ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) появились расхождения и что некоторые ее члены выступили против подчинения СССР, однако об этом нет никакой достоверной информации [2. СКЖ. IX60/I-10]. Тот факт, что представления руководителей Федеративной

² Самый ранний обнаруженный югославский документ, в котором содержится информация о том, что Мао Цзэду отказывается следовать в русле политики СССР, относится к июню 1949 г. Это телеграмма из Москвы с информацией о том, что СССР потребовал у Китая передать права на добычу полезных ископаемых в Синцзяне, где может находиться месторождение урана. Мао отверг это требование, объяснив, что «обещал китайскому народу добиться отмены всех ограничений его суверенных прав, наложенных иностранными державами» [2. СКЖ. IX. 119/I-47].

³ Владимир Попович (1914–1972) – югославский военный и политический деятель. Дипломат. Посол в США (1950–1954).

⁴ Моша Пияде (1890–1957) – югославский политический деятель, революционер, член Политбюро ЦК КПЮ.

народной республики Югославии (ФНРЮ) о взаимоотношениях внутри советского блока не имели прочной фактической основы, не было тайной для западных дипломатов. Американский посол еще в 1950 г. писал, что югославы основывают свои прогнозы отчасти на вере в то, что проблемы в отношениях СССР и Китая нарастают, а отчасти — просто потому, что им бы этого хотелось [4. S. 122].

Отношение к Китаю поменялось в середине 1950-х годов, когда между двумя государствами были установлены дипломатические отношения, и в Белград начала поступать информация непосредственно от югославских дипломатов в Пекине. Но к тому времени СКЮ изменил и свою оценку ситуации в социалистическом лагере. Эти новые представления формировались, помимо других важных обстоятельств, под влиянием развития советско-югославских отношений и перемен, наступивших после смерти И.В. Сталина.

В начале 1953 г. дипломатическое представительство ФНРЮ в Москве еще не могло предоставить Белграду достоверные данные о событиях, происходивших в СССР⁵. Когда стало известно, что Берия арестован, в Белграде могли только догадываться об обстоятельствах этого события. Основное предположение Государственного секретариата иностранных дел (ГСИД) сводилось к тому, что верхушка КПСС разделена на две противостоящие группы: «либеральную» и «консервативную». Аналитическая записка, датированная июлем 1953 г. показывает, что ГСИД не мог определить, был ли Берия ликвидирован как носитель более либерального курса или нет, и задавались вопросом о возможности дальнейшего обострения кризиса в СССР⁶. В материале, написанном, вероятно, несколько позднее, неизвестный автор утверждал, что направления политического развития СССР определяются не на основе фактической информации, а с помощью «анализа и дедукции». Он пришел к выводу, что власть в Москве захватили реформаторы (в том числе и Берия), которые начали проводить политику либерализации, что привело к беспорядкам в Восточной Германии, в результате чего «сталинисты» осуществили переворот, направленный против «реформаторов и соглашателей» и арестовали Берия [5. ПА. 1953. Ф-84. 418221]. В мае 1953 г. западные дипломаты отмечали, что взгляды югославских руководителей на изменения, происходившие в СССР, противоречивы [3. S. 477]. В августе того же года английское посольство в Белграде сообщило в Лондон, что югославы имеют очень мало конкретной информации о последних событиях и процессах в СССР и Восточной Европе и что их оценки являются скорее результатом абстрактного марксистского анализа, а не вытекают из конкретных данных [6. S. 518].

В октябре 1953 г. представительство ФНРЮ в Москве вновь получило статус посольства, а на должность посла был назначен Добриное Видич⁷, и в Белград стала поступать более качественная информация о ситуации в СССР. Материалы ГСИД не основывались больше «на анализе и дедукции», но все равно югославское руководство не было достаточно информировано о событиях в СССР. В марте 1954 г., в то время, когда в КПСС разворачивался конфликт,

⁵ Об этом свидетельствует тот факт, что в связи с «делом врачей» в Белграде было высказано предположение, что произошел конфликт по линии армия — НКВД [5. ПА. 1953. Ф-84. 45308].

⁶ «Процесс разложения сталинизма будет продолжаться и дальше, независимо от того, кто гибнет, а кто побеждает, поэтому падение Берии означает не прекращение противостояния, но дальнейшее его обострение, независимо от того, какую линию представлял Берия». [5. ПА. 1953. Ф-84. 417917].

⁷ Добриное Видич (1918—1992) — политический деятель, дипломат, посол в СССР (1953—1956 и 1965—1969).

в том числе в связи с вопросом об отношениях с Югославией, ГСИД продолжал отталкиваться от предположения, что беспорядки в Восточной Германии и возможность их повторения в других странах советского лагеря — самое важное событие в СССР после смерти Сталина [5. ПА. 1954. Ф-85. 17314]. Аналитики ГСИД не замечали раскола в советской верхушке и исходили из того, что «коллективное руководство» едино во главе с Маленковым. В целом, предположения о конфликте между «сталинистами» и «реформаторами» в Кремле, о которых сообщалось в Белграде после ареста Берии, носили спекулятивный характер. Югославская сторона не могла соотнести две эти группы конкретно ни с кем из советских руководителей.

В мае Видич считал Хрущева не лидером какой-либо политической линии, но человеком, который обязан своим положением происхождению⁸. Более того, югославский посол отрицал возможность раскола в советском руководстве⁹.

В том же мае месяце Хрущев навязал Политбюро свою концепцию нормализации отношений с Югославией, а в июне направил письмо Тито. В отношении нормализации советско-югославских отношений руководство ФНРЮ занимало сдержанную позицию. С одной стороны, в Белграде считали, что соответствующее советское предложение в основе своей не было дружественным, а «мирное наступление» СССР представляло собой не более чем изменение тактики, вызванное трудностями во внешней и внутренней политике. Считалось, что Советский Союз стремится отделить Югославию от Запада и ликвидировать или ослабить Балканский пакт [5. ПА. 1954. Ф-88. 17427]. Однако, с другой стороны, Белград в этот период стремился избежать увеличения односторонней зависимости от Запада, влияние которого позволяло оказывать все большее давление на югославское руководство. Особенно актуальным этот вопрос стал после того как США начали реализовывать стратегию, предполагавшую постепенное включение Югославии в НАТО [4. S. 172]. Кроме того, отдаление от социалистического лагеря влияло и на внутреннюю политику ФНРЮ. В конечном итоге, установление сотрудничества с СССР рассматривалось как противовес давлению Запада, которое сказывалось как на внешней, так и на внутренней политике Югославии.

По сути, в СКЮ не стремились добиться взаимопонимания с руководством СССР, но пытались использовать его для реализации своей программы. С одной стороны, Белград стремился уменьшить давление Запада на ФНРЮ таким образом, чтобы не поставить под угрозу их взаимоотношения, особенно в сфере экономического сотрудничества. С другой стороны, югославы пытались использовать установление сотрудничества с СССР для распространения своего влияния в социалистических странах. В материале ГСИД, датированном апрелем 1954 г. указывалось: «В наших интересах было бы развивать широкое сотрудничество (торговое, экономическое, культурное и спортивное) с другими странами Информбюро и таким образом влиять на развитие противостояния между ними и СССР» [5. ПА. 1954. Ф-88. 17427]. Похожая позиция выражена и в документе, посвященном развитию торговых отношений

⁸ Укрепление позиции Хрущева, которого Видич считал украинцем, а также включение Кириченко в Президиум ЦК КПСС и передачу Крыма Украине, югославский посол объяснял стремлением «развеять сомнения, связанные с чувством подчиненности» республики. Он полагал, что Хрущев является значительно менее видной политической фигурой по сравнению с Молотовым, Маленковым, Ворошиловым и другими [5. ПА. 1954. Ф-86. 46051].

⁹ «На основании доступной сейчас информации сложно говорить о противостоянии. Это относится к сфере домыслов» [5. ПА. 1954. Ф-86. 46051].

с СССР: «У нас нет какого-то особого интереса в торговле с СССР. Наши экономические и торговые интересы распространяются, прежде всего, на соседние информбюровские страны, а затем на Чехословакию и Польшу». Согласно документу, эта торговля принесла бы Югославии «политические выгоды» [5. ПА. 1954. Ф-88. 17535].

Уже в этот период руководство СКЮ стремилось подчеркнуть свою международную роль и авторитет в мире¹⁰, однако эта репутация еще не была связана с концептуальными решениями СКЮ и особым положением Югославии среди социалистических стран. Все изменилось, когда советская сторона сделала следующий шаг, т.е. когда Хрущев отправил письмо Тито.

К письму Хрущева от 22 июня 1954 г. и последовавшей переписке руководство СКЮ относилось как к своему триумфу, считая, что Югославии без отступления от своих принципов удалось добиться нормализации отношений с СССР, благодаря чему ее политика получила признание среди социалистических стран. С этого момента Югославия стала считаться одним из идеологических центров мирового социализма. Возросшие амбиции проявились 26 ноября 1954 г. на V пленуме ЦК СКЮ, где утверждалось, что СКЮ является лидером мирового коммунистического движения, что он должен способствовать тем процессам, которые сейчас начались в СССР, что задача югославских коммунистов состоит в том, чтобы помочь КПСС выйти на единственно истинный путь социалистического строительства и что нормализация отношений с Советским Союзом выходит далеко за рамки противостояния с Коминформом и существенно влияет на общее направление мирового развития [7. S. 162/3]. Тито и раньше видел свою политическую роль в рамках, выходящих за пределы границ Югославии, что и стало одной из причин конфликта с СССР, но с этого момента, с середины 1950-х годов, югославское руководство начало формулировать свои политические цели в глобальном общемировом контексте.

Символическим началом формирования нового внешнеполитического курса ФНРЮ стала поездка Тито в Индию и Бирму в 1954–1955 гг.,¹¹ в которую югославский лидер отправился всего через четыре дня после окончания V пленума ЦК СКЮ. Визит имел значение и с точки зрения развития отношений с ведущими социалистическими державами — СССР и Китаем. На важность Индии в контексте развития отношений Югославии с СССР впервые указал в ноябре 1953 г. Добривое Видич, всего через месяц по прибытии в Москву. Содержание сообщений югославского посла, также как и значительной части источников за рассматриваемый период, объяснялось идеологическими причинами, причем возникавшие из этого противоречия в расчет не принимались¹². Однако, интересен его анализ внешней политики СССР и Китая.

¹⁰ В январе 1954 г. аналитики ГСИС отмечали, что Советский Союз начал нормализацию отношений с Югославией потому, что эта инициатива делала советское «мирное наступление» более убедительным в глазах мировой общественности [5. ПА. 1954. Ф-85. 4709]. В апреле того же года они уже указывали, что СССР стремится наладить отношения с Югославией из-за давления мировой общественности, а также из-за того, что Москва хочет заставить СКЮ прекратить критику своей политики [5. ПА. 1954. Ф-88. 17427].

¹¹ Югославия еще с начала 1950-х годов предпринимала попытку укрепить связи с Индией, однако ей удалось усилить свое присутствие в этом регионе только после возобновления сотрудничества с СССР. До этого момента в Индии считали, что Югославия принадлежит к западному блоку, отношение к которому в Дели было сдержанным в связи с созданием СЕАТО и Багдадским пактом [8. S. 93].

¹² Договор о помощи Китаю (согласно которому СССР брал на себя обязательство принять на обучение китайских студентов и построить 91 новое промышленное предприятие в дополнение к 50 ранее согласованным) Видич оценивал не как свидетельство укрепления советско-китайского

Видич считал, что Китаю удалось укрепить позиции в отношениях с СССР, и между двумя странами произошел раздел сфер влияния. Китай приобрел статус азиатской региональной державы, Дальний Восток и Южная Азия отошли в сферу его интересов, в Корею сохранилось влияние СССР, однако и там Китаю удалось добиться, чтобы его позиция учитывалась. Советский Союз, согласно интерпретации Видича, сохранил положение мировой сверхдержавы, но на Дальнем Востоке действовал совместно с Китаем, а в других регионах выступал самостоятельно. При этом Видич считал, что СССР не отказался от статуса великой азиатской державы и связывал свои интересы с Южной Азией, особенно с Индией. Из этого он делал вывод, что Индия — это место, где пересекаются интересы СССР и Китая [5. ПА. 1953. Ф-84. 416098 и 416096].

Дальнейший интерес к этому вопросу связан с визитом в Индию Чжоу Эньлая¹³ в июле 1954 г. По этому поводу посольство ФНРЮ в Дели подготовило аналитический документ, где отмечалось, что Китай выступает как независимое от СССР государство, стремящееся укрепить свое положение в Юго-Восточной Азии. Опираясь на заявления китайского министра, который накануне поездки в Индию упоминал о «совместных мерах» и «взаимных обязательствах по обеспечению мира в Азии», югославский посол Гойко Николиш¹⁴ сделал вывод, что Чжоу Эньлай, вероятно, имеет в виду создание пакта. Он оценивал это как важную новость, не столько из-за самого пакта, в создание которого Николиш не верил, сколько в связи с изменениями в политике Пекина. По мнению посла, они указывали на то, что хорошие отношения с Западом не могут быть помехой развитию сотрудничества с Китаем. В этом он видел возможность для Югославии, считая, что Пекин не откажется от своего намерения втянуть Индию в союз, а сейчас Чжоу Эньлай «тактически вовремя и мудро отступил» [5. ПА. 1954. Ф-75. 410314].

В то же время ГСИД с недоверием отнесся к укреплению советско-индийского сотрудничества, полагая, что оно направлено против Китая¹⁵.

Проблема взаимоотношений Индии с СССР и Китаем легла в основу переговоров Тито с премьер-министром этой страны Дж. Неру¹⁶. О намерениях югославского лидера в отношении Индии сербский историк Драган Богетич писал: «Недавно освободившиеся от колониальной зависимости страны на первых

сотрудничества, а как предпосылку обострения отношений. По его мнению, СССР «завтра столкнется с экономически более сильным Китаем, с которым справиться будет сложнее, чем с нынешним». В предоставлении большей помощи он увидел не изменение политики Кремля, а «результат объективных обстоятельств». По его мнению, Китай «своими силами, или даже используя некоторые другие возможности» все равно начал бы строительство собственной промышленности, поэтому Советский Союз предоставил помощь для того, чтобы иметь возможность контролировать этот процесс [5. ПА. 1953. Ф-84. 416098].

¹³ Чжоу Эньлай (1898–1976) — политический деятель Китая, министр иностранных дел КНР (1949–1958), премьер Госсовета КНР (1945–1976).

¹⁴ Гойко Николиш (1911–1995) — политический деятель, дипломат, историк. В то время посол Югославии в Индии.

¹⁵ «Русские проводят активную политику в Азии. Интересно, что они все больше подчеркивают свою роль как великой азиатской державы. Складывается впечатление, что русские опасаются того, что Китай однажды оспорит такой их статус. По этой причине они проводят курс на сближение с Индией, Бирмой и рядом других стран региона. Индия также видит себя в роли регионального центра силы, поэтому ей в отношениях с Китаем очень важна поддержка СССР. Русские поддерживают превращение Индии в региональную азиатскую державу, они хотят максимально приблизить ее к себе и создать с ее помощью такой баланс сил в Азии, чтобы дать китайцам понять, что они не единственный в Азии центр силы» [5. ПА. 1954. Ф-88. 17747].

¹⁶ Джавахарлал Неру (1889–1964) — премьер-министр и министр иностранных дел Индии (1947–1964).

этапах самостоятельного развития не видели в СССР и Китае такую же опасность для своих безопасности и суверенитета, какую они видели в колониальных державах и в их главном союзнике США. Поэтому Тито поставил перед собой сложную задачу убедить лидеров азиатских государств в том, что подобное положение в международных отношениях не может быть долгосрочным: мир во всем мире и национальный суверенитет возможно обеспечить только в случае соблюдения баланса в отношениях с обеими конфликтующими военно-политическими блоками и применения принципов сосуществования» [9. С. 45].

Здесь следует уточнить, что югославское руководство не считало, будто Китай представляет такую же угрозу независимости Индии, как СССР. В Белграде полагали, что среди государств социалистического лагеря отсутствует согласованный подход к отношениям со странами Юго-Восточной Азии, каждая из них проводит свою политику и следует своим интересам¹⁷. Создается впечатление, что Тито в ходе визита в Индию задался целью убедить азиатских лидеров в том, что сближение с Москвой угрожает независимости и безопасности их стран¹⁸. Судя по всему, такая позиция была отражением политики «влияния на развитие противостояния между ними и СССР», которую Белград начал проводить параллельно с развитием внеблокового сотрудничества.

Таким образом, поездка Тито в Индию ознаменовала перелом в югославской политике в отношении стран социалистического лагеря. В это время руководство СКЮ предприняло первые попытки сближения со своими предполагаемыми союзниками в восточном блоке. С этого момента в документах и прессе стали появляться первые свидетельства о попытках экспорта системы самоуправления, что было непосредственно связано с возвращением Тито из азиатского турне в феврале 1955 г.

В январе 1955 г., пока югославский президент еще находился в Азии, в СССР со своих должностей был снят председатель Совета министров Г.М. Маленков. Критическая кампания в его адрес началась 24 января, когда редактор «Правды» Дмитрий Шепилов в статье «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма» осудил политику ускоренного развития легкой промышленности как капитулянтство перед Западом. Днем позже на январском пленуме ЦК КПСС деятельность Маленкова также была подвергнута критике, а развязка наступила спустя две недели, на февральском заседании Верховного Совета СССР. Маленков подал в отставку, а на его место по предложению Н.С. Хрущева был назначен Н.А. Булганин.

Поначалу югославская сторона интерпретировала изменения в СССР как серьезный сдвиг в политике Кремля. 9 февраля, сразу же после окончания заседания Верховного Совета, Видич указал в донесении, что СССР отказался от политики ослабления напряженности и всерьез готовится к войне. Он полагал, что после решения Запада начать вооружение Западной Германии Москва ожидает нападения, направленного на восстановление капитализма [2. СКЖ IX. 119/II-39]. На следующий день в здании ГСИД перед дипломатическими представителями западных стран была озвучена югославская позиция, согласно которой предполагалось, что победа Хрущева над Маленковым приведет к радикализации внешней политики СССР [3. С. 673]. Однако следующие несколько дней в руководстве ФНРЮ преобладало мнение, что советская

¹⁷ В этом смысле особенно любопытна беседа Тито с Дж. Неру о китайской политике, состоявшаяся 20 декабря 1954 г. [8. С. 98].

¹⁸ См., например, речь Тито в индийском парламенте от 21 декабря 1954 г. [8. С. 99–100].

внешняя политика не претерпела существенных изменений — это югославский историк Дарко Бекич связывал с возвращением в страну Тито 11 февраля [3. С. 674]. Это также подтверждает и объемный аналитический материал, отправленный 17 февраля Видичем. В нем не просто по-другому объяснялись перемены в советском руководстве, но и делались смелые далеко идущие выводы об изменениях в СССР¹⁹, хотя всего несколькими днями ранее посол давал совершенно другую оценку основных политических тенденций.

В аналитической записке от 17 февраля Видич снова утверждал, что ЦК КПСС был вынужден идти на уступки. Он указал, что Кремль не может должным образом реагировать на требования перемен в стране, что является основной причиной нестабильности в СССР. По мнению Видича, все действия правительства Маленкова были направлены на привлечение симпатий масс, но так как были недостаточными и неполными, к цели не привели: «На протяжении всего рассматриваемого периода мы понимали (как это следует из наших писем и устных бесед) рамки этих явлений, технократический характер “антибюрократических кампаний”. Но в то же время мы осознавали их важность, считая их проявлением основополагающих законов диалектического процесса. Мы видели и видим в них вызовы неизбежного развития. Особо отметим, что ЦК, как коллективный субъективный фактор, находится вне объективного процесса. Непонимание и сопротивление ЦК тормозит и связывает этот процесс» [5. ПА. 1955. Ф-62. 42199. С. 7].

Таким образом, согласно новой оценке, дело было уже не только в изменении политической линии и конфликте между сторонниками развития легкой или тяжелой промышленности (что расценивалось как ограниченное явление, имеющее «технократический характер»). На повестке дня стоял вопрос об отношении властей к более широкой демократизации общества («неизбежном развитии», близость которого стала очевидна в условиях перемен, происходивших в СССР) и к изменению системы, созданной Сталиным (что является «объективным процессом», который «непонимание и сопротивление ЦК тормозит и связывает»). Видич связал перемены в руководстве ЦК с «процессом поиска новых путей выхода из кризиса, охватившего СССР, который произошел в результате конфликта со сталинистской системой». Однако эти новые пути на деле не были новыми, так как речь шла о доктринарных предпосылках системы самоуправления. Видич писал об управлении страной «массами», о «праве на критику снизу» и в конечном итоге о «введении рабочих советов в СССР», что он, по его собственным словам, обсуждал с Молотовым [5. ПА. 1955. Ф-62. 42199. С. 17–18]. Видич видел решение проблемы демократизации советского общества в использовании югославского опыта.

Одновременно в СКЮ рассчитывали распространить югославский опыт и на Востоке. 12 января 1955 г. по предложению Чжоу Эньлая между КНР и ФНРЮ были установлены дипломатические отношения. В мае 1955 г. югославские профсоюзные деятели получили приглашение посетить Китай.

¹⁹ Видич по-прежнему считал, что в Советском Союзе чувствуют угрозу в связи с агрессивной политикой Запада, однако теперь предполагал, что Москва пытается повлиять на мировое общественное мнение и правительства западных государств, для того чтобы добиться прекращения поставок вооружений в Германию. Согласно его оценкам, СССР стремился к переговорам, но «демонстрировал силу» для укрепления своей переговорной позиции. Внутриполитические перемены в СССР (курс на приоритетное развитие тяжелой промышленности) Видич теперь трактовал не как «наиболее очевидное свидетельство подготовки к войне», но как подкрепление «позиции силы» во внешней политике [5. ПА. 1955. Ф-62. 42199. С. 24–25].

15 апреля в Комиссии по международным отношениям ЦК СКЮ, которую возглавлял Велько Влахович²⁰, состоялась встреча с тремя членами профсоюзной делегации: Драго Стаменковичем, Альфредом Егером и Влайко Беговичем. Членам делегации сообщили, что с осени было отмечено увеличение контактов между Китаем и СССР (имелся в виду визит Хрущева в октябре 1954 г. и заключенные соглашения), однако «отношения довольно сложны и не могут быть оценены однозначно». Комиссия особо отметила проблему советско-китайских взаимоотношений. Однако об истинных целях югославской делегации больше говорит другое. Среди прочего члены делегации получили инструкцию обратить внимание на то, «какие (в Китае. — Прим. перевод.) существуют традиции самоуправления и проводятся ли дискуссии между рабочими об их участии в управлении производством» [2. СКJ IX. С/а-38].

Представляется, что основную задачу ЦК СКЮ видело в определении возможности применения опыта югославского самоуправления в Китае и наличия там предпосылок для отказа от советской системы и обращения к югославской модели.

Попытки экспорта идеи самоуправления были естественным продолжением ранее утвердившихся у партийной верхушки представлений о ведущей роли СКЮ в коммунистическом движении. Югославское руководство намеревалось экспортировать в самую густонаселенную страну мира свою систему, которую оно рассматривало как воплощение идей Маркса, хотя в то время в ФНРЮ не удалось даже прокормить свое население без иностранной помощи. Перед делегатами, несмотря на все недостатки страны, которую они представляли, ставилась задача получить от Китая подтверждение «великой миссии СКЮ» в социалистическом мире. При этом партийное руководство в глубокой самоиндоктринации закрывало глаза на то, что даже в самой Югославии никакие «дискуссии среди рабочих» не повлияли на введение самоуправления, потому что оно было введено сверху.

Югославское руководство находилось в состоянии эйфории. Визит Тито в Индию и Бирму, активность делегации югославских профсоюзов в Китае означали начало участия ФНРЮ в мировой политике. В подобных условиях перемены в Кремле не могли рассматриваться СКЮ иначе, кроме как в контексте «демократизации» советского общества, также как и результаты Бандунгской конференции не могли интерпретироваться иначе, чем начало ожидавшегося конфликта между Китаем и СССР²¹.

Ранее югославы отмечали раскол в руководстве КПСС: Молотов считался носителем консервативного курса, а Хрущев его противником. Однако эти выводы не оказали существенного влияния на интерпретацию советской политики. В Белграде не доверяли первому секретарю ЦК КПСС и его намерениям, связанным с нормализацией отношений. В СКЮ ожидали визита Хрущева с прежними подозрениями в существовании враждебных намерений СССР и вынужденных перемен, происходивших в этой стране (Советский Союз хочет возвратить ФНРЮ в социалистический лагерь и, если этого не удастся, ослабить ее связи с Западом; Югославии переговоры открывают возможность сотрудничать с социалистическим лагерем, сохраняя связи с Западом [10. S. 12; 11. S. 368–369]).

²⁰ Велько Влахович (1914–1975) — югославский общественно-политический деятель, член ЦК СКЮ (1948–1974), член Президиума Социалистического Союза трудового народа Югославии.

²¹ Об оценках советско-китайских отношений ГСИД в мае 1955 г., после Бандунгской конференции, см. [5. ПА. 1955. Ф-50. 18107].

Хрущев, со своей стороны, действительно намеревался вернуть Югославию в советский блок или, по крайней мере, направить ее по пути нейтралитета, но при этом для него вопрос преодоления конфликта с Белградом имел и серьезное внутривластное значение. Поэтому он был готов сделать значительные уступки. Эти обстоятельства позволили руководству СКЮ недвусмысленно выразить свои амбиции в совместной декларации от 2 июня 1955 г. Воспоминания Карделя²² и Влаховича, участвовавших с югославской стороны в составлении этого документа, ясно указывают на устремления партийной верхушки. Кардель утверждал, что Политбюро СКЮ разрабатывало Декларацию «так, чтобы она стала Magna carta во взаимоотношениях не только социалистических, но и других стран» [12. S. 146]. И прямо заявлял: «В дискуссиях с советской делегацией мы проявили твердость и негибкость, потому что хотели подписать декларацию о взаимоотношениях не просто между нами и Советским Союзом, но в целом между социалистическими и другими странами» [12. S. 147]. Влахович также указывал на широкое значение, придававшееся документу: «Советские руководители настаивали, чтобы в декларацию вошел пассаж о вековой дружбе наших двух славянских стран. Сейчас, когда китайцы осуществили свою революцию, нам это казалось еще более абсурдным и нелогичным, чем раньше» [10. S. 54].

С другой стороны, визит Хрущева в Белград означал открытие стран социалистического лагеря для Югославии. В этот момент произошло знакомство и первые переговоры лидеров СКЮ с новым советским руководством. Кроме того, только с этого времени в ФНРЮ начали поступать донесения из Пекина, и югославы получили серьезные представления о политической линии Китая²³. Только в этот момент югославские власти столкнулись с настоящей политикой Москвы и Пекина, и их видение социалистического лагеря не могло не измениться.

Первые встречи с китайскими чиновниками показали, что в этой стране позиция СКЮ не встретит понимания и поддержки. Югославские профсоюзные деятели, вместо идеологической близости и понимания, натолкнулись на недоверие китайской стороны. Вместо того чтобы обсуждать «югославский опыт», им было предложено определить свои позиции по основным идеологическим проблемам, начиная с того, какая сверхдержава выступает в качестве агрессора: СССР или США [2. СКJ. IX. Ц/а – 34]. Такая позиция КПК вскоре была подтверждена отчетами посла Поповича. 30 июня в беседе с Мао Цзэдуном югославский дипломат несколько раз пытался убедить своего собеседника как-то высказаться о разногласиях между Китаем и СССР и агрессивной политике Москвы. Однако Мао говорил о единстве социалистического лагеря и совместном противостоянии империализму. Он призвал ФНРЮ проявить как можно больше терпения и понимания в оценке политики СССР [5. ПА. 1955. Ф-50. 48810]. 8 июля на встрече с Лю Шаоци²⁴ Попович попытался начать разговор о самоуправлении, рабочих советах, югославском опыте и строительстве социализма в Китае. Однако тот отказался осудить антиюгославскую брошюру,

²² Кардель (1910–1979) – общественно-политический деятель. В то время – член Политбюро СКЮ, заместитель председателя правительства Югославии.

²³ Двусторонние дипломатические отношения были установлены 12 января 1955 г., однако китайский посол прибыл в Белград лишь 24 мая 1955 г., за два дня до визита Хрущева. Югославский посол в Пекине Владимир Попович передал китайскому руководству свои аккредитивы 30 июня того же года.

²⁴ Лю Шаоци (1898–1969) – китайский политический и партийный деятель. Председатель КПК (1959–1968). В то время – председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1954–1959).

составленную им в 1948 г., и заявил, что, по его мнению, Югославия также несет ответственность за конфликт с СССР, и продемонстрировал резкую позицию в отношении политики ФНРЮ [5. ПА. 1955. Ф-50. 49827]. 22 июля ГСИД поручил Поповичу проверить, является ли официальной позиция Китая, согласно которой Югославия несет часть вины за конфликт с СССР. 13 августа посол подтвердил это, добавив, что, по мнению китайцев, в Югославии в связи с этим произошел буржуазно-националистический поворот [5. ПА. 1955. Ф-50. 411463].

Позиция югославского руководства в отношении советской политики изменилась. 1 августа посольство ФНРЮ в Москве в донесении указало на то, что «в советских концепциях произошла эволюция», что перемены в СССР не просто носят тактический характер, а существует «настоящее желание добиться мира». Носителями новой политики посольство называло Хрущева и Булганина, продолжателей курса Маленкова, против которых выступали консерваторы во главе с Молотовым [5. ПА. 1955. Ф-62. 410481]. В конце сентября Тито заявил помощнику государственного секретаря США Роберту Мерфи, что изменения в СССР существенные и долгосрочные, а не просто тактические. В ноябре в разговоре с Даллесом²⁵ Тито упомянул о «новой ориентации» в отношениях между СССР и его сателлитами, предупредил о «сталинистских пережитках», все еще присутствовавших в советском руководстве, но при этом предположил, что Запад может уменьшить их влияние, оказав поддержку более умеренному курсу СССР. Более того, югославский руководитель выразил мнение, что в руководстве стран-сателлитов есть несколько сталинистов, но он ожидает, что население там будет форсировать смену власти силовым путем [4. S. 233–236].

На изменение позиции Югославии повлияло осознание, что кроме советского руководства, в особенности Хрущева, никто другой в социалистическом лагере не демонстрировал понимания позиции СКЮ. Однако это не означало, что ФНРЮ отбрасывала возможность развития сотрудничества с другими странами. В ходе упомянутого разговора с Даллесом Тито указал собеседнику, что относиться к Китаю как к советскому сателлиту было бы ошибкой. По его мнению, политика Пекина могла бы быть более гибкой, чем думает Даллес [4. S. 235–256].

В тот момент руководители СКЮ рассчитывали на начало изменений в советском блоке, в ходе которых «сталинизм», по примеру Югославии, будет отвергнут. Похоже, что предположения югославского посольства об «эволюции советской политики» подразумевали под собой именно это, а наибольшей активности югославы ожидали от Хрущева и КПСС.

В октябре 1955 г. ГСИД объяснял югославским влиянием перемены во внешней политике СССР (по австрийскому вопросу; отношению к внеблоковым странам; вопросу о ликвидации совместных экономических обществ; «первым проявлениям перемен в отношениях со странами лагеря») [5. ПА. 1955. Ф-63. 18527]. Визит Хрущева и Булганина в Индию в декабре 1955 г. в ГСИД оценили как подтверждение нового курса советской политики, подразумевающего сотрудничество с внеблоковыми странами [5. ПА. 1955. Ф-63. 417018]. Посол ФНРЮ в Нью-Дели Црнобрня писал об этом: «Визит в Азию поможет политической эволюции советского руководства, облегчит его адаптацию к мировым реалиям и ускорит отход от сталинизма. На наш взгляд, можно

²⁵ Джон Фостер Даллес (1888–1959) – американский политик, Государственный секретарь США (1953–1959).

сказать, что визит в определенной степени является следствием Белградской встречи и визита президента Тито в Азию (хотя об этом ничего не было сказано официально, в частных разговорах многие жители Индии, в том числе индийские дипломаты об этом упоминают)» [5. ПА. 1956. Ф-89. 4178. С. 1].

В конце декабря 1955 г. югославские аналитики зашли настолько далеко, что заявили о возможности «развития отношений» между странами Варшавского договора и Запада без участия СССР²⁶.

Сообщения, приходившие из Москвы, не способствовали неумеренному самовосхвалению югославов. 9 февраля 1956 г. Видич сообщил, что советское руководство считает ошибочными югославские концепции взаимоотношений социалистических стран и общественного развития, которые возникли во время и под влиянием конфликта, и будут исправлены в ходе дальнейшего развития двустороннего сотрудничества [5. ПА. 1956. Ф-87. 42173]. Однако подобная информация не изменила позицию Белграда.

В таких условиях Югославия наблюдала за XX съездом КПСС и теми переменами, которые последовали за ним.

XX съезд состоялся в Москве (14–25 февраля 1956 г.). После того как повестка дня была исчерпана и съезд официально закончил свою работу, Хрущев провел закрытое заседание, на котором осудил культ личности Сталина, чем спровоцировал бурю в социалистических странах. В первых югославских аналитических материалах, когда еще не было известно о закрытом заседании и секретном докладе, работа съезда была оценена положительно. Главная мысль состояла в том, что политический курс Хрущева получил поддержку, а «сталинистские концепции» были отвергнуты. В то же время югославская сторона сочла, что съезд проигнорировал ее роль в борьбе со «сталинизмом» и в международных отношениях в целом [5. ПА. 1956. Ф-88. 422856]. В последующих документах, которые, вероятно, появились уже после того как в Белграде ознакомились с содержанием секретного доклада, аналитики зашли еще дальше в оценке съезда и роли югославской стороны в произошедших изменениях. Недвусмысленно утверждалось, что возврата к прошлому больше не будет, что осуждение наследия сталинизма продолжится и что югославское революционное движение было «бабушкой нынешних позитивных изменений» [2. СКЖ. IX 119/II – 42. Преглед рада XX конгреса. С. 2].

Более развернутое свидетельство о том, как руководство СКЮ реагировало на события XX съезда КПСС оставил Велько Мичунович²⁷. В дневнике он записал, что 13 марта на ужине с «дюжиной товарищей, включая Карделя, Ранковича²⁸ и Кочу Поповича²⁹», они говорили о секретном докладе. Содержание разговора очень выразительно показывает отношение Белграда к этим событиям: «Сейчас некоторым кажется, что русские начинают идти тем путем, который давно уже проложили югославы. Есть среди нас люди, которые склонны

²⁶ «Анализируя развитие взаимоотношений восточноевропейских государств и стран Запада и отдельные инициативы с обеих сторон, реализуемые на нынешнем этапе, можно ожидать, что дальнейшее развитие будет направлено на поиск новых точек соприкосновения для сотрудничества [...], в первую очередь, на двусторонней основе, что неизбежно повлияет на более самостоятельное развитие этих стран, в том числе внутри нынешнего советского блока» [5. ПА. 1956. Ф-87, 4249. С. 7].

²⁷ Велько Мичунович (1916–1982) – югославский дипломат, посол в СССР (1956–1958 и 1969–1971).

²⁸ Александр Ранкович (1909–1983) – министр внутренних дел Югославии (1946–1966), заместитель председателя Союзного исполнительного вече (1956–1966).

²⁹ Константин (Коче) Попович (1908–1992) – союзный секретарь иностранных дел Югославии (1953–1965).

думать, что все дело, не только в наших отношениях с русскими, но и во всем “мировом коммунистическом движении”, теперь состоит в том, как мы, югославы, будем продолжать задавать ориентиры! [...] Мы довольно долго говорили о том, почему доклад Хрущева был закрытым, а не гласным [...]. Можно ли говорить о развороте в политике КПСС и руководства СССР, когда советская общественность не знает, ни того, что произошло на съезде, ни о том, в чем заключается этот самый разворот? И что на деле может означать тайное осуждение Сталина на закрытом заседании съезда КПСС, когда публично тот же съезд подчеркивает верность курса партии?» [13. S. 25].

Таким образом, югославское руководство оценивало XX съезд КПСС и доклад Хрущева не с учетом политических обстоятельств, сложившихся в СССР, а в рамках картины мира, которую они сами же и нарисовали. В этой картине Югославия была лидером. Она преодолела «сталинизм» и начала строить новый путь к коммунизму. Отсюда следовало, что возврата к старому больше нет и что СССР переживает сейчас процесс демократизации, через который некогда прошла Югославия. Если дела обстояли таким образом, то вопросы, почему доклад закрытый и можно ли говорить о переломном моменте в политике СССР, не удивительны.

Эти оценки происходили с самого верха партийного и государственного руководства, и критическое к ним отношение было недопустимо для дипломатии ФНРЮ. Об этом свидетельствует переписка, которая велась в связи с визитом Тито в СССР. В СКЮ считали, что жителям социалистических стран будет интересна эта поездка, так как от Тито, якобы, ждали «новых побед в общем деле строительства социализма». По этой причине ГСИД направил инструкции в югославские представительства в Восточной Европе, предписывающие обратить внимание на то, как там будет освещаться визит. В связи с этим 13 июня заместитель государственного секретаря иностранных дел Срджа Прица отправил зашифрованную телеграмму своему непосредственному руководителю Коче Поповичу, находившемуся в тот момент в СССР как член югославской делегации. В подчеркнутом от руки первом абзаце послания указано: «Восточно-европейская печать не уделила визиту президента Тито того внимания, какого он заслуживает. Она проигнорировала даже те положительные стороны визита, которые подчеркивались советской прессой. Замалчиваются важные позиции из заявлений президента Тито. Визиту посвящается меньше внимания, чем на страницах западной печати, поездка рассматривается в основном как манифестация обновления и дальнейшего укрепления советско-югославской дружбы, а тем самым и развития отношений с другими восточноевропейскими странами. В редакционных комментариях и колонках, которых было написано недостаточно, в основном подчеркивалось значение югославо-советской дружбы и Белградской декларации, или же использовались сообщения ТАСС (в частности болгары и албанцы, которые ограничились освещением официального хода поездки). Кроме того, восточноевропейская пресса избегает упоминаний о событиях прошлого, следуя советскому тезису, согласно которому “Запад будет разочарован, если он думает, что сделает из прошедшего конфликта политический капитал”» [5. ПА. 1956. Ф-91. 49027].

Отчет Прицы сложно назвать тенденциозным, но вызывает сомнение то, что отчеты посольств в восточноевропейских странах дают совершенно иную картину того, как освещался визит Тито. Так, в донесении из Будапешта от 8 июня указано: «Позицию печати можно оценить очень позитивно. Она ежедневно уделяет большое внимание визиту нашего президента. Все важнейшие

новости, например речи, заявления и т.д., печатаются полностью. Помимо этого, крупнейшие газеты, такие как “Сабад Неп”, “Непшава” и др., приводят весьма подробные сообщения их корреспондентов из Москвы, а также оригинальные статьи-комментарии, связанные с визитом. Кроме того, пресса публикует по этому поводу материалы из наших газет и журналов» [5. ПА. 1956. Ф-91. 48948]. Из Варшавы сообщали: «Польская пресса публикует на самых заметных местах обширные сообщения, иллюстрированные фотографиями [...]. Центральные газеты почти целиком перепечатали статью товарища Карделя» [5. ПА. 1956. Ф-91. 49018]. Но дальше всех пошли авторы отчета из Бухареста: «Проезд спецпоезда и визит Тито в Москву были восприняты в народе как событие необычайного значения. Фигура Тито – предмет оживленных обсуждений. О нем говорят как об одном из выдающихся вождей пролетариата, дипломате выдающихся способностей, успешно решающего задачу по нормализации отношений между Востоком и Западом и тем самым активно влияющего на устранение угрозы военной опасности. Все его путешествия по разным странам произвели на них большое впечатление. Влияние его политической активности ощущается в несомненно улучшившейся ситуации в Румынии после визита в Белград русских. От этого визита ожидается еще более глубокое и качественное улучшение» [5. ПА. 1956. Ф-91. 49000].

Хотя для оценки поездки Тито в СССР вопрос его восприятия в восточноевропейских странах не был существенным, в регулярной дипломатической переписке он не мог рассматриваться вне идеологических рамок. Суть в том, что представление о Тито как об «освободителе от сталинизма» и видение такой его роли в Восточной Европе были вне сомнений. Информация, не соответствовавшая такой картине, передавалась по другим каналам, в то время как регулярные отчеты не могли нарушить заданных рамок. Потому что, даже если бы кто-то, например, в Венгрии, и рассчитывал для себя на какую-то выгоду от поездки Тито в Москву, невозможно было ожидать, что о Югославии и ее политике положительно напишут в стране, где правит Матияш Ракоши.

Очевидно, что восприятие руководством СКЮ себя в качестве идеологического центра мирового социализма получило окончательный вид еще до визита Тито в СССР, и с тех пор оставалось неизменным в государственном аппарате ФНРЮ. Критическое отношение к этой догме допускалось только в узком кругу людей на вершине партийной иерархии, которые все более замыкались в своем кругу. В новых переговорах с Хрущевым и в кризисе, разразившимся впоследствии, СКЮ отталкивался от предрассудков, мешавших не только достижению понимания с СССР, но и критическому осмыслению собственной позиции.

Отстранение Молотова, что, по мнению Хрущева, могло отчасти компенсировать нанесенные оскорбления и обвинения в адрес Югославии, в СКЮ истолковали как попытку первого секретаря ЦК КПСС заручиться поддержкой Тито для расправы с бывшим советским министром иностранных дел [5. ПА. 1955. Ф-62. 18521]³⁰. Роскошный прием, оказанный югославской делегации в СССР, в СКЮ объясняли «политической активацией масс», которая «сблизила советских лидеров и народ» [5. ПА. 1956. Ф-91. 410656. С. 1]. Противостояние в польской партии СКЮ однозначно интерпретировал как борьбу за

³⁰ Приведенный документ в Дипломатическом архиве ошибочно датирован 1955 г. Из его содержания следует, что он был составлен незадолго до того как Молотов в начале июня 1956 г. подал в отставку.

введение в этой стране самоуправления [5. ПА. 1956. Ф-43. 416811]. Такой же была позиция югославской стороны по вопросу беспорядков в Венгрии, в которых она увидела кульминацию процесса «демократизации» по югославской модели и где развернула широкую деятельность, направленную против интересов СССР³¹. Ослепленное своим представлением о роли Югославии в социалистическом движении, руководство СКЮ не видело, или не хотело видеть истинной природы событий, происходивших в соседней стране. Образ сторонников «демократического социализма», борющихся против «сталинизма», сохранялся в Белграде до тех пор, пока в Венгрии не началось преследование коммунистов. Только после этого югославские власти были вынуждены пересмотреть свою политику и поддержать советскую интервенцию. И даже в этой ситуации в СКЮ не поставили под сомнение свои принципиальные позиции. Во время разговора о военном вмешательстве в Венгрии Тито убеждал Хрущева ввести в этой стране самоуправление³².

По сути, югославская сторона так и не смогла осознать свое реальное положение в социалистическом мире. Это было связано с внутренними ограничениями верхушки СКЮ, которая некритически выстроила свою новую идентичность. В первые годы после конфликта с СССР партийное руководство не связывало свое положение на Востоке идеологическими вопросами, но отношения между социалистическими странами оценивало односторонне – отталкиваясь от предположения о надвигающемся расколе между Китаем и СССР, который имел бы черты «титовского поворота». В последующие годы, с началом нормализации советско-югославских отношений, когда советское руководство продемонстрировало готовность признать свою вину за конфликт, создались условия, в которых амбиции руководства СКЮ могли удовлетвориться в полной мере. С этого времени в СКЮ рассматривали проблему системных изменений в социалистическом лагере, т.е. отказ от «сталинизма» и применение югославского опыта как ключевой вопрос его социального и политического развития. Под влиянием этого политические оценки ГСИД сводились к интерпретациям, направленным на приведение событий в странах социалистического лагеря в соответствие с партийными доктринами СКЮ.

Во всем этом сложнее всего определить, где и на каком уровне иллюзии или убеждения государственного руководства, перешли в сознательное введение в заблуждение. Два эти состояния легко различимы, но не сам переход. Вероятно, он произошел незаметно и для самих участников событий.

Перевод с сербского языка Б.С. Новосельцева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1981.
2. Архив Југославије.
3. *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikim silama 1949–1955. Zagreb, 1988.
4. *Lorejn L.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene države, Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2003.
5. Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије.

³¹ О югославской деятельности в Венгрии см. [14. № 27, 37, 42, 45, 49 и 53].

³² «В стране [новое венгерское правительство] обратится к революционным комитетам, рабочим советам и рабочему классу. Необходимо признать рабочие советы, ввести самоуправление» [2. К.П.Р. 1-3-а. СССР. Забелешка о разговорима другова Тита, А. Ранковића, Е. Кардеља са Н.С. Хрушчовом и Г.М. Мальенковом, у току ноћи од 2–3 новембра 1956. год. на Брионима. С. 6].

6. *Miloradović G.* Ljudi na strateškim mestima: uzroci, posledice i smisao sukoba Josipa Broza Tita i Milovana Đilasa na Trećem (vanrednom) plenumu CK SKJ 1954. godine // Tito – viđenja i tumačenja. Zbornik radova. Beograd, 2011.
7. *Dimić L.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u 1954. godini. Hronologija događaja // Balkan posle Drugog svetskog rata. Zbornik radova sa naučnog skupa. Beograd, 1996.
8. *Rajak S.* In Search Of A Life Outside The Two Blocs: Yugoslavia's Road To Non-Alignment // Velike sile i male države u hladnom ratu 1945–1955. Slučaj Jugoslavije. Zbornik radova sa međunarodne konferencije. Beograd, 2005.
9. *Bogetuh Đ.* Нова стратегија југословенске спољне политике 1956–1961. Београд, 2006.
10. *Vlahović V.* Strogo pov. 1955–1958. Neobjavljeni rukopis Veljka Vlahovića. Beograd, 1998.
11. *Luburić R.* Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 2007.
12. *Kardelj E.* Sjećanja. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije, 1944–1957. Ljubljana; Beograd, 1980.
13. *Mičunović V.* Moskovske godine 1956–1958. Zagreb, 1977.
14. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ И СЛОВЕНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ

© 2020 г. Ю.В. Шахин

Канд. ист. наук, доцент Севастопольского государственного университета

y-v-shahin@yandex.ru

Статья посвящена югославской культурной интеграции во второй половине 1950-х годов и словенской реакции на союзную культурную политику. Автор исследует официальную концепцию культурной интеграции в условиях возрастающих трений между центральной югославской властью и словенскими культурными деятелями, нашедшими поддержку у республиканской бюрократии.

The article is devoted to Yugoslavian cultural integration in the second half of the 1950s and Slovenian reaction to the federal cultural politics. The author examines official concept of cultural integration in conditions of increasing frictions between the central Yugoslavian authorities and Slovenian cultural figures supported by republican bureaucracy.

Ключевые слова: Югославия, Словения, югославизм, культурная интеграция, национализм.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, Yugoslavism, cultural integration, nationalism.

DOI: 10.31857/S0869544X0008110-4

В результате социально-экономических и политических реформ 1950–1953 гг. в Югославии были заложены основы новой общественной системы, известной как самоуправленческий социализм. Решив первоочередные задачи преобразования страны, союзная бюрократия начала уделять больше внимания культурному развитию, стараясь добиться в этом деле некоторой унификации. В 1954–1955 гг. соответствующие попытки были робкими и несистематическими. Но затем союзное руководство стало действовать целенаправленно. К изменению культурной политики подтолкнул экономический кризис 1955–1956 гг. Для выхода из него союзная бюрократия взяла курс на усиление центрального контроля за хозяйственной деятельностью, чтобы повысить ее управляемость и степень координации. Эти организационные принципы были распространены на управление наукой, культурой, искусством и литературой. Связь с экономической политикой хорошо прослеживается в мотивации соответствующих союзных инициатив: на первое место выдвигалась идея унификации с целью

экономии бюджетных средств и повышения рентабельности [1. S. 130, 310–311, 327, 343]. Однако это не был прямой возврат к эпохе административно-бюрократического управления.

Во-первых, унификация правил осуществлялась через издание новых союзных законов, во-вторых, координация возлагалась не на чиновников, а на общественные объединения заинтересованных субъектов деятельности, которые приобретали административные полномочия. Например, в феврале 1954 г. была учреждена межуниверситетская конференция, весной 1956 г. по указанию идеологической комиссии ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) она стала постоянным органом, а зимой 1956/1957 г. конференция превратилась в Обществе югославских университетов с собственным уставом и правом издавать директивы для университетов. Окончательному закреплению этого положения в данном случае помешала лишь позиция Люблянского университета, который в начале 1957 и в мае 1958 г. дважды настаивал на исключительно координационном статусе объединения [1. S. 312, 325–326].

Важнейшей поворотной точкой в культурной политике союзного центра стало заседание идеологической комиссии ЦК СКЮ 8–9 мая 1956 г., на котором выступил с докладом «О дальнейшем укреплении единства народов Югославии» член ЦК П. Стамболич. Он приветствовал существующие тенденции и призвал их укрепить [1. S. 318]. С этого началась кампания по углублению культурной интеграции страны и развитию общей югославской культуры. Для ее проведения в 1956–1957 гг. был выдвинут ряд практических предложений: создать новые совещательные органы для осуществления единой культурной политики во всем государстве, усилить центральные функции Совета культурно-просветительских обществ Югославии, не замыкать массовую культурно-просветительскую деятельность в республиканских рамках. Но едва этот курс на формирование единого югославского сознания и идентичности был взят, как он тут же столкнулся с сопротивлением. Его возглавили словенские литераторы.

Одним из первых на новые партийные установки отозвалось руководство Союза писателей Югославии. Там и раньше возникали предложения по углублению югославской интеграции. Уже в 1952–1953 гг. известный хорватский писатель М. Крлежа пытался преодолеть культурную замкнутость в национальных границах и утвердить концепт «югославской социалистической литературы», однако его усилия тогда не получили поддержки, отчасти из-за конфликта с сербскими писателями [2. С. 25, 27]. А в ноябре 1954 г. в Союзе писателей прошел дискуссионный пленум по проблемам единства и универсальности в югославской литературе [1. S. 320]. Теперь руководство союза постановило провести новый пленум на ту же тему, а в июле 1956 г. сразу после этого решения сербский литературный критик З. Мишич выдвинул идею «единого югославского критерия в литературе». Началась публичная дискуссия.

Идея Мишича сразу же встретила противодействие со стороны словенских культурных деятелей, у которых традиционно преобладала точка зрения, что в культурном плане словенцы значительно обособлены от других югославянских народов. Мишичу резко возразил в октябре 1956 г. редактор словенского журнала «Naša sodobnost» кино- и театральный критик Д. Шега. Он обозначил позицию Мишича как «обветшалые тезисы режимов, правивших после шестого января», имея в виду политику интегрального югославизма, которая проводилась после государственного переворота 6 января 1929 г. Другие словенские критики делали менее радикальные заявления, хотя и поддержки Мишичу не оказали.

Дискуссия фактически завершилась в феврале 1957 г. публикацией в сборнике «Современник» подборки высказываний из различных журналов о едином югославском критерии. Обзор завершался словами словенского писателя и партийно-государственного деятеля Й. Видмара, который был в тот момент председателем Союза писателей Югославии, «что в искусстве должен иметь силу критерий качества и ничего более» [3. S. 136]. Таким образом, первая же словенская контратака на попытку углубить югославскую интеграцию в сфере культуры увенчалась успехом.

Ниспровержение «югославского критерия» в культуре стало постоянной задачей словенских литераторов, они зорко следили за попытками его возрождения. В феврале 1958 г. словенский поэт М. Бор, критикуя сербского художника и искусствоведа М. Протича, указал, что югославская литература не является органическим целым [1. S. 323–324]. А в декабре 1961 г. словенский литературовед Д. Пирьевец обрушился на сербского писателя Д. Чосича с пространной критикой «югославского критерия» в культуре, хотя Чосич упомянул всего лишь мельком, что он за югославское утверждение всего качественного в культуре, независимо от языка народа, на котором это произведение было создано [4. S. 1102; 5. S. 1126–1129]. В сущности Чосич повторил формулировку Видмара, добавив лишь югославские рамки, и этого уже оказалось достаточно для нападков из Словении. Между тем, без «югославского критерия», осознается он или формируется стихийно, культурное единство Югославии становилось невозможным.

Сопrotивление курсу на югославскую культурную интеграцию проявилось в Словении и по другим направлениям. В 1956–1957 гг. словенские представители выступили против централизации Совета культурно-просветительских обществ Югославии, единого союзного совета по просвещению, унификации школьных учебных планов, централизации средств, выделяемых на кинематограф, а также против наделения Общества югославских университетов административными полномочиями, централизации кинематографического совета, централизации радиовещания [1. S. 320–322, 325–326, 327]. Когда же представители Словении не нашли поддержки в других республиках, они перешли к одностороннему бойкоту союзных инициатив. Так в феврале 1957 г. директор словенского кинематографического объединения «Триглав фильм» отказался посылать своего заместителя на союзное совещание по кинематографии. С ноября 1957 г. после успешной централизации культурно-просветительских обществ Югославии словенский Союз свободных искусств и просветительских обществ стал бойкотировать его заседания [1. S. 320–321, 325].

Словно в противовес союзному курсу, ответственные за культурную политику словенские чиновники развернули борьбу за последовательное внедрение словенского языка. Кампания началась со словенских титров в фильмах – по сложившейся в Югославии традиции звуковой дубляж в фильмах не практикуется. В первой половине 1950-х годов, когда изменились правила поставки фильмов в прокат, доля фильмов со словенскими титрами в кинотеатрах республики снизилась. Судя по тому, что кинотеатры закупали фильмы на сербскохорватском и македонском языках в течение нескольких лет, для словенского зрителя не возникало непреодолимых языковых барьеров или принципиальных дилемм: он шел и смотрел без дубляжа. Однако в декабре 1956 г. республиканский секретарь по культуре, образованию и науке Б. Зупанчич призвал бороться за словенские титры, предлагая кинопрокатчикам отбросить экономический расчет и пожертвовать несколькими тысячами динаров ради национальных прав словенцев [6. S. 1149–1150]. На протяжении

последующих шести лет словенские культурные и партийно-государственные деятели регулярно возвращались к этой проблеме.

Также в июле 1957 г. на заседании Сообщества деловых советов и других профсоюзных хозяйственных объединений по делам механизации и химизации сельского хозяйства ФНРЮ обсуждался вопрос публикации пособий для крестьян. Словенский представитель предложил, чтобы пособия печатали во всех республиках на всех языках, но секретарь сообщества это предложение сходу отверг [7. S. 190].

Высшее партийное руководство Словении длительное время избегало публичных заявлений, хотя на закрытых заседаниях ясно сформулировало свою позицию по культурным вопросам. Уже в январе 1957 г. идеологическая комиссия ЦК Союза коммунистов Словении (СКС) высказалась за минимизацию органов общественного управления на союзном уровне с сохранением для оставшихся только координационных функций. В июне 1957 г. на заседании той же комиссии партийный публицист Л. Моциц заявил, что база развития словенской культуры – социалистическая, а не какая-то общегославская культура, и что каждая национальная культура должна развиваться самостоятельно. А бойкотировать Культурно-просветительский союз Югославии в ноябре 1957 г. предложил лично И. Регент, член Исполкома ЦК СКС [1. S. 325, 326, 327]. Таким образом, словенская партийная верхушка уже в 1957 г. была против попыток централизации культуры и югославской интеграции, хотя и не говорила об этом публично.

В этих исторических условиях с января 1957 г. началась разработка новой программы Союза коммунистов Югославии, которую предполагалось вынести на рассмотрение ближайшего съезда. По уставу он должен был состояться в конце 1957 г., но осенью его перенесли на апрель 1958 г. Работу над проектом возглавил ведущий теоретик СКЮ Э. Кардель. В дневниках писатель Чосич утверждал, что предложил внести туда вопрос о югославизме. Предложение поддержал Й. Броз Тито, и уже в феврале Чосич обсуждал концепцию югославизма с Карделем [8. С. 117, 122–123]. В процессе работы над программой СКЮ Кардель, видимо, хотел более развернуто охарактеризовать межнациональные отношения в стране, для чего переиздал свою довоенную книгу «Развитие словенского национального вопроса», снабдив новым пространственным предисловием, датированным апрелем 1957 г. В нем также есть упоминание о событиях 1956 г. в Венгрии, что указывает на завершение работы после декабря 1956 г. Таким образом, Кардель написал этот текст в процессе разработки программы партии и обсуждения задач национальной политики в высшем руководстве страны, когда был взят курс на развитие югославизма, а в Словении ему уже было оказано сопротивление.

В исторической науке встречается точка зрения, что переизданием книги Кардель вновь поставил в Югославии национальный вопрос и ввел соответствующую проблематику в публичное пространство. Но сторонники такого подхода абстрагируются от словенской реакции на углубление югославской интеграции, отчасти потому что она не вся была публичной, а отчасти потому, что не используют данные историка А. Габрича, который исчерпывающе осветил вопрос о культурных трениях между словенскими и югославскими представителями. Так что предисловие Карделя следует рассматривать скорее как ответ на обострение национальных проблем. Да и содержательный анализ предисловия склоняет к совершенно другому выводу: Кардель старался закрыть национальный вопрос раз и навсегда, для чего попробовал выявить факторы,

мешающие позитивному развитию межнациональных отношений в Югославии, и наметить перспективы национально-культурного развития страны. Видимое противоречие заключалось в том, что национальный вопрос до этого рассматривался как решенный, несмотря на существующие проблемы. В интерпретации Карделя эти проблемы еще существуют, тогда как с высоты сегодняшнего дня следовало бы говорить «опять возникли». Похоже, о разнице этих наречий и забывают исследователи, когда хотят приписать Карделю «заслугу» возрождения национального вопроса. Но как бы там ни было, Кардель считался в это время наиболее авторитетным теоретиком правящей партии, а потому его взгляды заслуживают анализа.

В предисловии Кардель отметил «три фактора, которые еще достаточно долго будут создавать определенные национальные проблемы». Во-первых, это остаток классического буржуазного национализма. Однако они появляются не только как пережитки прошлого, но и как реакция на две внутренне присущие Югославии проблемы: неравномерное развитие и «великодержавный бюрократический централизм» [9. S. 37–39]. Кардель подчеркнул особую опасность национализма, и необходимость для словенцев бороться с его источниками и проявлениями. Но поскольку он считал одним из источников национализма бюрократический централизм, эта формулировка давала возможность словенским и другим республиканским политическим деятелям вести такую «борьбу» с национализмом, которая бы его и подпитывала.

Во-вторых, национальные проблемы создают бюрократический централизм и его идейные проявления – великодержавный шовинизм и интегральный югославизм, т.е. идею формирования особой югославской нации [9. S. 40–41]. Что характерно, Кардель не указал, что централизм способен развиваться не только на союзном уровне, но и на уровне отдельных республик.

В-третьих, существуют большие различия в степени экономического развития между регионами Югославии. Они порождают явления, противоречащие якобы господствующим в стране социалистическим отношениям, привилегированное положение экономически развитых регионов страны способно подорвать национальное равноправие [9. S. 42–44]. Однако политика развития остальных регионов вовсе не означает, что нужно остановить всякое развитие тех, кто находится впереди, так как там имеются наиболее благоприятные материальные условия для социалистического строительства.

Затем Кардель объяснил, что развивать отсталые регионы нужно не просто для ликвидации нищеты, а в первую очередь ради успешного развития социалистических общественных отношений [9. S. 44–45]. Таким образом, он пытался тесно связать политику выравнивания с социалистическим выбором Югославии. Но тем самым возникала идеологическая ловушка. Если материальные интересы развитых республик вызывают у них отвращение к помощи отсталым, то не логично ли им однажды отбросить идеологию, которой эта политика мотивирована? Таким образом, у бюрократии развитых республик возникает повышенная потребность в пересмотре и даже отказе от социалистической идеологии.

Кардель указывал, что мировые тенденции направлены на сближение наций. Однако условием этого процесса является самостоятельное свободное развитие каждой отдельной нации. А в будущем исчезнут и нации и национальное сознание в их современном понимании [9. S. 48–49]. Однако слияние языков Кардель отрицал. Эти общие соображения он попытался применить

к условиям Югославии и отметил, с одной стороны, полное равноправие и свободное развитие всех народов страны, а с другой — формирование единого югославского сознания на почве материальных интересов, которые связывают ее народы. Поскольку природу этих интересов Кардель оценивал как социалистические интересы трудящихся, он делал вывод, что югославское сознание носит социалистический характер, а культурное родство народов Югославии всего лишь важный, но не решающий фактор его развития, так как оно происходит на общечеловеческой, а не узкой национальной основе, и потому не может привести к формированию югославской нации [9. S. 52–54]. Саму идею о формировании югославской нации Кардель считал абсурдной и даже последовательно брал это выражение в кавычки.

Таким образом, по Карделю, югославское сознание это всего лишь региональное проявление мирового процесса слияния наций. Особенно важно подчеркнуть, что он мыслил это слияние не как ассимиляцию, а как сближение, при котором отдельные югославские нации сохраняют свою особость. Историк и социолог О. Милосавлевич отметила, что трактовка югославизма не как национального, а как общественно-политического явления вполне соответствует пониманию, утвердившемуся в КПЮ с 1945 г. [10. S. 427]. Таким образом, Кардель лишь развивал уже существующие взгляды.

В предисловии Кардель дал также ряд практических рецептов по оздоровлению межнациональных отношений в Югославии. Они сводились к тому, что союзный центр должен отстаивать и защищать национальное равноправие, а республики делать акцент на общечеловеческих ценностях и сближении народов Югославии друг с другом [9. S. 46–47].

В начале 1990 г. Чосич заявил, будто бы уже в 1957 г. в частном разговоре Кардель высказал антиюгославские настроения: для словенцев Югославия всего лишь форма перехода к самостоятельному государству. Получается, что Кардель в предисловии лицемерил. Однако в опубликованных позднее выдержках из дневника Чосич сам себя опровергает: 11 февраля 1957 г. Кардель говорил ему о югославизме как об идее, тождественной, изложенной в предисловии [8. С. 123; 10. S. 427]. Потому серьезных оснований сомневаться в его искренности пока нет.

В целом работа Карделя носила компромиссный характер. Он пытался удовлетворить всех: сторонников дальнейшего развития успешных регионов, и ускоренного развития отсталых, борцов за формирование общегославского сознания и слияние народов, и за сохранение своих наций, противников республиканского местничества и союзного централизма. Лишь сторонники единой югославской нации не могли взять Карделя в свои союзники — автор недвусмысленно отрицал ее возможность, а все остальные могли интерпретировать отдельные положения в выгодном для себя ключе, замалчивая одну сторону размышлений ведущего партийного теоретика и выпячивая другую. Но все же проведенный анализ предисловия позволяет считать, что идеи Карделя давали большее поле для маневра сторонникам республиканизма, а не приверженцам югославского единства. Во-первых, исклучалась возможность образования югославской нации, во-вторых, в конфликтах с союзным центром республиканская бюрократия могла свое националистическое поведение прикрывать ссылками на угрозу бюрократического централизма.

Противоречивые интерпретации идей Карделя начались сразу после публикации книги. Согласно данным М. Режек в Белграде общественное мнение

оценило предисловие негативно, усмотрев в нем проявление словенского национализма [3. S. 139]. В то же время в Словении бывший соратник Карделя по партизанской борьбе М. Микуж опубликовал рецензию, где проигнорировал все идеи о югославском сознании и подчеркнул, что отдельные нации отдельные нации сохранятся. Для него главным было, что словенская нация не исчезнет [11. S. 930–938]. А в Боснии вышла рецензия Э. Реджича, который усматривал главное достоинство предисловия в обосновании интернационализма и курса на слияние югославских наций [12. S. 218–225].

Официальная партийная линия в этом вопросе была закреплена на VII съезде СКЮ, который состоялся в апреле 1958 г. Местом его проведения стала Любляна, столица Словении. Именно там была утверждена новая программа партии, где нашлось место и для раздела о национальных отношениях. Программа провозгласила необходимость развития всесторонних связей народов Югославии с целью их сближения. Разумеется, эти процессы должны были протекать на социалистической основе. Благодаря развитию материальных интересов формируется общее югославское сознание, которое не отменяет, а дополняет национальное сознание народов Югославии. В программе даже использовался термин «социалистический югославизм». В то же время она прямо отрицала курс на создание некой новой югославской нации и брала это выражение в кавычки [13. S. 364].

Программа утверждала, что в Югославии отсутствует национальный вопрос, но вместе с тем отметила те же три фактора, негативно влияющие на межнациональные отношения, которые были указаны в предисловии к книге Карделя: остатки буржуазного национализма, тенденции бюрократического централизма и неравномерность развития отдельных частей Югославии. Со всеми этими явлениями надлежало бороться. Положительной задачей партии на ближайшую перспективу провозглашалось укрепление пролетарского интернационализма и сближение народов страны [13. S. 365–367].

Таким образом, программа СКЮ отразила основные положения книги Карделя. Теперь его концепция окончательно утратила статус частного мнения и приобрела официальный характер, а вместе с этим возросло и значение ее возможных интерпретаций для идеологического прикрытия конфликтов материальных интересов.

Знаменательно, что при обсуждении на VII съезде национального вопроса мнения делегатов из различных регионов разделились так же, как и оценка взглядов Карделя местными публицистами. Боснийские представители Ч. Капор и Н. Диздаревич выдвинули курс на будущее слияние наций без отрицания национальных прав, причем Капор предложил добиться этого результата через развитие коммунальной системы. А единственный, кто им посчитал нужным возразить, был словенский делегат писатель И. Потрч. Он призвал уважать самостоятельность культурного развития всех народов. В какой-то мере его поддержала македонский делегат Л. Чаловская. По ее словам, в процессах интеграции не надо смешивать межреспубликанские и межнациональные отношения: одно дело Сербия и Босния с единым языковым пространством, другое – Сербия и Македония [1. S. 329–332; 14. S. 386–387].

Непубличное сопротивление партийно-государственной бюрократии Словении югославской интеграции, публичная дискуссия о «югославском критерии» в литературе, реакция на книгу Карделя и дискуссии на VII съезде показывают, что в среде словенских литературных критиков, публицистов

и писателей ко второй половине 1950-х годов возникло отрицательное отношение к любому сближению на почве югославизма. Есть и свидетельства, что в отношениях словенцев и других народов Югославии к этому времени уже не все было благополучно, и в Словении получили развитие националистические настроения. Чосич в апреле 1958 г. записал в дневнике: «В Словении до критических, до очень критических размеров развит сепаратизм. Все подряд выражают презрение к ФНРЮ, Сербии, всем нациям [...] Это шовинизм огромных размеров. Они презирают сербский язык, убеждены, что имеют самую богатую культуру, ощущают себя под угрозой, обворованными и обманутыми. Так думают все – от официанта до Бориса Крайгера, от горничной до Йосипа Видмара» [8. С. 146–147].

Но ссылки на «Записки писателя» требуют критического подхода. Чосич не вел дневник регулярно, а делал хаотичные записи. В конце 1990-х годов он подготовил их к печати совместно с дочерью. Некоторые сербские историки поставили достоверность этих записей под сомнение, утверждая, что они редактировались автором в духе его позднейших взглядов [10. S. 427]. Заявления самого Чосича дают для этого известную пищу. Прежде всего, он разделял текст самих дневниковых записей и комментарии к ним. Последние были опубликованы в квадратных скобках, и их всегда легко отличить. Но он указывает, что выбрал записи из большого числа тетрадей и блокнотов и тематически сортировал их, т.е. имела место некая процедура отбора, и полнота отражения записей в публикации может быть нарушена. Наконец, отобранные дневниковые записи Чосич подверг стилистической правке и смягчил в них резкие оценки, т.е. текст в самом деле редактировался [8. С. 7, 12]. Таким образом, нельзя исключать влияния взглядов 1990-х годов на опубликованные записи 1950–1960-х годов. Потому использование его записок требует осторожности, пока не будет подготовлено строгое научное издание дневников.

Наконец, источникам подобного типа свойственен субъективизм. Он легко прослеживается и в «Записках писателя». Когда полностью читаешь дневниковые записи Чосича о VII съезде СКЮ, а не только цитату про сепаратизм и шовинизм в Словении, бросается в глаза общий раздраженный тон автора, когда он пишет о Тито, Крлеже, Видмаре, молодежи, музыке и т.д. Без негативных эмоций он упоминает только Ранковича и Карделя [8. С. 146]. В контексте этого раздражения резкая характеристика словенских общественных настроений выглядит как эмоциональное преувеличение. В этом еще более убеждают записи августа 1959 г. и февраля 1961 г. о национализме лидера Союза коммунистов Македонии Л. Колишевского. Чосич отметил, что Колишевский говорит только о Македонии, ее истории и даже доказывает автохтонность македонского народа! Тем не менее, Чосич достаточно спокойно, без осуждения констатировал своеобразие своего собеседника: «Я до сих пор не встречал коммуниста, превосходящего его по национальной исключительности». «Он обложен, заморожен македонством» [8. С. 159]. Никакого гнева македонский национализм у Чосича не вызывал, хотя Колишевский сделал ему несколько замечаний по трактовке общих страниц истории Сербии и Македонии.

Потому есть все основания думать, что Чосич драматизировал ситуацию, сгущая краски в Словении, но делал это не на пустом месте. В историографии уже приводились слова одного из чехословацких дипломатов, посетившего в январе 1957 г. Словению и Хорватию: «В Хорватии, особенно в Словении, имеются определенные националистические настроения. Мы встречались с такими высказываниями, что скоро в Югославии останется только сербская

и черногорская национальности. У людей, которые высказывают такие мысли, чувствовалась некоторая обида в связи с тем, что политику в Югославии направляют руководители – выходцы из Сербии и Черногории» [15. С. 696].

После завершения VII съезда СКЮ, подтвердившего необходимость развития единого югославского сознания и борьбы с национальной ограниченностью, словенское руководство стало менее активно противодействовать развитию югославской интеграции. Для периода 1958–1960 гг. мы имеем не так много примеров этого, и большинство из них не очень значительны. Наиболее масштабная борьба разыгралась в конце 1958 г., когда произошел публичный спор между словенскими и союзными представителями из-за учреждения словенского телевидения. В Белграде настаивали на создании единого общегославского телевидения и выступали против отдельных телевизионных станций в республиках. Словенские политики поддержали стремление RTV Любляны иметь собственную телевизионную программу, а Габрич со ссылкой на мемуарный источник утверждает, что на их стороне выступил лично Кардель [1. С. 333; 16. С. 453]. Если это так, то перед нами первый случай, когда он прямо поддержал словенскую линию культурной политики в противовес союзному курсу, взятому в мае 1956 г.

Затем, 17 февраля 1959 г. Б. Крайгер на заседании Исполкома ЦК СКС неожиданно выступил против школьной реформы и предусмотренного в ней способа унификации школьного дела по всей стране. Его поддержали еще четыре члена Исполкома – В. Томшич, М. Рибичич, Б. Зихерл, И. Регент. Словенское правительство стало придерживаться этой линии и внедрять реформу поверхностно [17. С. 94–95, 111]. Летом 1959 г. продолжилась борьба за словенские титры и киноафиши. Хотя словенский совет по культуре и образованию добился публичной поддержки Союзного исполнительного веча, дело не двигалось: законодательство не позволяло принудить кинотеатры, а сами они инициативу не проявляли.

В 1960 г. у словенских должностных лиц появились новые инициативы. В марте комиссия по идеологии ЦК СКС начала готовить проекты децентрализации зарубежных культурных связей. С июня республиканские чиновники стали критиковать распределение средств союзного научного фонда и предложили провести его децентрализацию. Но в целом в этот период можно говорить об известном спаде активности, направленной против югославской интеграции.

Причины спада связаны с последствиями одной из самых масштабных забастовок словенских шахтеров в январе 1958 г. 13–15 января остановилась шахта в Трбовле, а 16 января к ней присоединилась шахта в Загорье. Всего бастовали свыше четырех тысяч рабочих. Забастовка послужила толчком для критического анализа всех протекающих в Югославии процессов. Высшие партийные руководители Югославии, включая Тито, заявили, что возникшие проблемы связаны с шовинизмом, направленным против Белграда. Республиканские правительства подверглись критике за эгоистическое преследование своих узких интересов, особенно Словения, где в последнее время критиковали все, что поступало от союзных органов. Перед словенским руководством с жесткой речью выступил Кардель [3. С. 141, 142; 14. С. 383–385; 18. С. 84, 88, 89, 138, 140–142, 144]. Судя по всему, от внимания Белграда не укрылись и новые культурные веяния в руководстве республики. В публичном письме Исполкома ЦК СКЮ, обращенном ко всем парторганизациям, констатировалось: «Сильные партикуляристские тенденции [...] приобретают часто националистические

и даже шовинистические формы, вследствие того, что коммунисты, а зачастую и члены руководств Союза коммунистов не только не решительны в борьбе против этих тенденций, но и время от времени попадают под влияние остатков мешанско-националистических тенденций и так иногда и сами совершают националистические и шовинистические выпады» [19]. Вся эта критика касалась главным образом экономической политики, но она создала атмосферу, не позволявшую словенской партийно-государственной бюрократии в чем-либо открыто перечить общесоюзной линии.

Как бы там ни было, в политической культуре тогдашней Югославии считалось само собой разумеющимся, что ко всем субъектам федерации нужно подходить с единой меркой, они полагали, что степень единства федерации, в том числе и культурная, должна быть одинакова, а значит должна равняться на того субъекта, чья способность к интеграции минимальна. В области культуры в рассматриваемый период таким субъектом была Словения, поэтому интеграционные возможности этой республики задавали предел для степени углубления интеграционных процессов в других частях федерации, даже если там субъекты были готовы идти несравненно дальше. В силу особого положения Словении в составе Югославии уровень культурной интеграции, на который была готова местная бюрократия, имел тенденцию к снижению, тем самым Словения тянула вниз и общий уровень культурной интеграции Югославии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Gabrič A.* Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953–1962. Ljubljana, 1995.
2. *Пекович П.* Паралелна страна историје. Београд, 2009.
3. *Režek M.* «Jugoslovanstvo» in mednacionalni odnosi v Jugoslaviji v petdesetih letih 20. stoletja // Prispевki za novejšo zgodovino. 2005. № 2.
4. *Čosič D.* O sodobnem nesodobnem nacionalizmu // Naša sodobnost. 1961. № 12.
5. *Pirjevec D.* Slovenstvo, jugoslovanstvo in socializem // Naša sodobnost. 1961. № 12.
6. *Zupančič B.* Zapisek o filmski distribuciji // Naša sodobnost. 1956. № 12.
7. *Selinič S.* Suprotstavljeni interesi jugoslovenskih republika oko uvoza i podele poljoprivrednih mašina i sredstava 1957/58 // Tokovi istorije. 2006. № 3.
8. *Тосућ Д.* Пишчеви записи, 1951–1968. Београд; Нови Сад, 2000.
9. *Kardelj E.* Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd, 1958.
10. *Milosavljević O.* Jedno (ne)razumevanje Jugoslavije: Ranković na prekretnici // Dijalog povjesničara – istoričara. Zagreb, 2005. Knj. 9.
11. *Mikuž M.* Edvard Kardelj (Sperans) Razvoj slovenskega narodnega vprašanja // Naša sodobnost. 1957. № 10.
12. *Redžić E.* Prilozi o nacionalnom pitanju. Sarajevo, 1963.
13. VII kongres Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1958.
14. *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999.
15. *Едемский А.Б.* Дилемма самоуправленческого выбора // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011.
16. *Štih P., Simoniti V., Vodopivec P.* Slovenska zgodovina: družba – politika – kultura. Ljubljana, 2008.
17. *Gabrič A.* Šolska reforma 1953–1963. Ljubljana, 2006.
18. Dokumenti o rudarski stavki v Zasavju leta 1958. Ljubljana, 2007.
19. Komunist. 1958. 28 februara.

ПОСЛАНИЯ СЕРБСКОГО ПАТРИАРХА ПАВЛА ПАТРИАРХУ АЛЕКСИЮ II В ОКТЯБРЕ 1993 ГОДА

© 2020 г. Г.Н. Энгельгардт

Канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

georgi.engelhardt@gmail.com

Статья подготовлена на основе доклада на международной научно-практической конференции «К двум великим датам: 800-летию автокефалии Сербской Православной Церкви и 630-летию Косовской битвы», Санкт-Петербург – Гатчина, 29–30 августа 2019 г.

Статья посвящена выявленным в Архиве внешней политики РФ двум письмам сербского патриарха Павла московскому патриарху Алексию II от 4 октября 1993 г. с соболезнованием по поводу трагических столкновений сентября-октября 1993 г. и неудачи миротворческой инициативы главы РПЦ, а также с просьбой о ходатайстве перед руководством России в интересах Белграда. Предложена интерпретация влияния этих посланий на складывание особых отношений двух патриархов с середины 1990-х годов.

The article is devoted to two letters of Serbian Patriarch Pavle to Russian Patriarch Alexy II. Written on 4 October 1993, letters express Pavle's condolences for the tragic confrontation of September and October 1993 in Moscow, as well as for the failure of Patriarch Alexy's peace mission. The author suggests a hypothesis that these letters later contributed to very special relations between the two Patriarchs from the mid-1990s on.

Ключевые слова: русско-сербские церковные связи, югославские войны 1991–1999 гг., патриарх Павле, патриарх Алексий II, противостояние сентября-октября 1993 г. в Москве.

Keywords: Russian-Serbian Church relations, Yugoslav Wars of 1991–1999, Serbian Patriarch Pavle, Autumn 1993 political crisis in Moscow.

DOI: 10.31857/S0869544X0008111-5

В фонде российского посольства в Белграде в Архиве внешней политики РФ (АВП РФ) хранятся два необычных послания. Выполненные изящной каллиграфической скорописью зелеными чернилами, они резко отличаются от массива машинописных документов или первых принтерных распечаток. Оба этих письма датированы одним днем – 4 октября 1993 г. и оба направлены патриархом Сербской православной церкви (СПЦ) Павле (Стойчевичем) главе Русской православной церкви (РПЦ) Алексию II (Ридигеру).

Первое из них носит совершенно личный характер. Павле выражает свое «глубочайшее горе и сердечную озабоченность [...] трагическими событиями в Москве» и утешает Алексея II в неудаче его попытки предотвратить кровопролитие: «Несмотря на результаты, Бог видит Ваши благие намерения и поэтому истинный и благодатный плод Ваших усилий непременно покажется», выражает «радость» по поводу самой такой попытки «взять на себя бремя помирения и учителя братолюбия». В завершении письма Павле объединяет бедствия, переживавшиеся тогда «великой православной Россией» и «сербскими землями» в один образ «искушений [...] всей православной Вселенной» [1. Л. 27].

Второе носит более практический характер. Глава Сербской церкви просит русского патриарха «используя [...] духовный и моральный авторитет Вашей личности у Вашего Президента и Правительства» ходатайствовать о предотвращении дальнейшего расширения «некоторыми сильными мира сего» «бесчеловечного эмбарго против Югославии». Павле просит «умолять» руководство России от имени СПЦ и «ее смиренного Патриарха» и приложить «Вашу личную любовь и заботу», чтобы Россия «завтра, на заседании Совета Безопасности ООН, воспрепятствовала расширению эмбарго (так в тексте. — Г.Э.), пользуясь, если необходимо, своим правом вето (так в тексте. — Г.Э.)». Примечательно, что стандартную формулу подписи «Ваш брат и сослужитель» Павле дополнил словами «и смиренный молитвенник о России» [1. Л. 28–29].

Безупречный, при этом несколько архаичный стиль посланий, отдельные обороты («помирение», «вето» вместо «вето», склонение несклоняемого «эмбарго») позволяют предположить, что автором черновика посланий был потомок русских эмигрантов, для которого русский был, с одной стороны, родным, а с другой — он не совсем был знаком с советской орфографией. Наиболее известной личностью, подходящей под это описание, представляется настоятель подворья Московской патриархии в Белграде протоиерей Василий Тарасьев (1932–1996).

Главное в двух этих кратких текстах — их исторический контекст. Они написаны в тяжелейший момент для московского патриарха (подробнее см. [2; 3. С. 321–358]).

Как известно, патриарх Алексей II очень обостренно воспринял политический кризис сентября–октября 1993 г. в Москве. Он, не колеблясь, прервал поездку в США, возвратился в Россию и организовал переговоры представителей руководства Верховного Совета РФ и президента РФ Б.Н. Ельцина по мирному выходу из кризиса и предотвращению противостояния. Эти переговоры шли с 1 по 3 октября 1993 г. в московском Свято-Даниловом монастыре. Попытка предотвратить кровопролитие не удалась, противоборствующие стороны не признали Церковь в качестве верховного морального арбитра и лишь пытались воспользоваться ее авторитетом для борьбы со своими противниками. Патриарх Алексей II тяжело переживал трагический исход политического кризиса (подробнее см. [2]).

Патриарх Павле, и сам уже имевший опыт не всегда удачных попыток примирения политических конфликтов в своей стране (например, участия в Видовданском соборе оппозиционной коалиции ДЕПОС в июне 1992 г.) и у которого также были весьма сложные и неровные отношения с тогдашним главой Сербии С. Милошевичем, как никто другой смог понять состояние главы русской Церкви и утешал его высокой оценкой самого намерения и усилий по недопущению кровопролития и соболезновал октябрьской трагедии в Москве, поставленной им в один ряд с войнами в бывшей Югославии. Для патриарха Павле на протяжении всего периода его руководства СПЦ была характерна

готовность к личному включению в политические кризисы (например, к соглашению о формировании единой сербской делегации на Дейтонские переговоры в августе–сентябре 1995 г., волнениям вокруг результатов местных выборов в 1996–1997 гг. и т.д.).

Очевидно, что в такой момент искренние слова сочувствия и поддержки со стороны предстоятеля сестринской Церкви получали особое значение для Алексия II. К тому времени он уже почти четыре года возглавлял РПЦ, возрождавшуюся после длительных гонений советской эпохи, и можно предположить, что к нему, как и к любому руководителю крупного ранга, постоянно шел поток просьб о помощи. Гораздо реже кому-либо приходило в голову предложить помощь ему самому, тем более в момент тяжелой неудачи и провала попытки предотвратить кровопролитие.

Второе послание иллюстрирует специфику сербско-российских межгосударственных отношений того периода. Так как в ходе противостояния ветвей власти в РФ 1992–1993 гг. С. Милошевич делал ставку на победу оппозиции, деятели которой активно критиковали внешнеполитическую линию Москвы в отношении югославского кризиса, то это никак не способствовало отношениям Белграда с лагерем Б.Н. Ельцина. Тем более, что заметным игроком этого президентского лагеря тогда был глава МИД А.В. Козырев, занимавший жестко прозападную позицию по югославскому вопросу.

Чисто политический и весьма конкретный характер письма можно объяснить тем, что после окончательного разгрома своих контрагентов в Москве для решения текущих важнейших задач правительству С. Милошевича требовалось любым образом и срочно наладить контакты с победителями из Кремля. В таком контексте ему и пришлось прибегнуть к посредничеству патриарха, чтобы хоть как-то передать свою просьбу президенту Ельцину о недопущении ужесточения санкций. Очевидно, что президент Сербии в тот момент имел основания полагать, что письмо от его имени вызовет в Кремле только раздражение.

Свои собственные каналы коммуникации с Б.Н. Ельциным (да и с министром А.В. Козыревым) Слободан Милошевич выстроил позже, в 1994 г. [4].

Дух эпохи веет и из самого способа передачи посланий церковных лидеров через российское посольство, так как введенный в рамках резолюции СБ ООН № 757 от 30 мая 1992 г. режим санкций включал в себя и разрыв всех коммуникаций с внешним миром. Поэтому передача письма через каналы связи российского посольства оставалась наиболее оперативным путем, позволяя одновременно известить о просьбе Белграда МИД России.

Какой реальный эффект имели письма патриарха Павла от 4 октября? К тому моменту, по мнению исследователя современных русско-сербских церковных связей А.Ю. Хошева, у РПЦ уже сложилась позиция в отношении сербской Церкви и югославского конфликта: «со времени начала югославского кризиса Русская православная церковь поддерживала Сербскую православную церковь, которая понесла урон в условиях вооруженных конфликтов в Хорватии, а также Боснии и Герцеговине» [5. С. 16] и 12 мая 1993 г. патриарх Алексий II и Священный синод РПЦ выступили по этому поводу с отдельным заявлением [6. С. 2–3].

Можно предположить, что именно первое послание патриарха Павла обеспечило ему симпатию патриарха Алексия.

Обращает на себя внимание и обилие сходств в биографиях обоих патриархов. При некотором возрастном разрыве (Павле был старше Алексия на 15 лет) и разным социальным происхождением (Гойко Стойчевич родился в бедной крестьянской семье, тогда как Алексей Ридигер принадлежал к знатному остзейскому роду) оба они успели сложиться как личности вне социалистической системы, в которой им пришлось провести значительную часть своей жизни. В 1945 г. монастырскому труднику Гойко Старчевичу был уже 31 год, за его плечами была Сараевская семинария и богословский факультет Белградской духовной академии, а сын русских эмигрантов в межвоенной Эстонии Алексей Ридигер окончательно оказался под юрисдикцией Советской власти в несколько более раннем, но уже вполне сознательном возрасте (15 лет). Сходство проявилось и на завершающем этапе их жизненного пути: практически одновременно они были избраны главами своих церквей – 7 июня 1990 г. Алексий II, а менее полугода спустя, 1 декабря того же года – Павле. Обоим выпала схожая задача – руководить церковью в период ее возрождения после десятилетий антирелигиозных гонений коммунистических властей, преодолевать церковные расколы в среде эмиграции. Практически одновременно оба патриарха и ушли из жизни: Алексий – 5 декабря 2008 г., Павле – менее чем через год – 15 ноября 2009 г.

Хотя первые официальные выступления РПЦ по поводу войн в экс-Югославии и предшествовали публикуемым письмам патриарха Павле, равно как и пока неизвестно, хлопотал ли патриарх Алексий за сербов в Кремле в начале октября 1993 г. и дало ли его заступничество какой-либо эффект, но именно после них, весной 1994 г. патриарх Алексий уже лично посетил Балканы, совершив в середине мая 1994 г. масштабную поездку по сербским землям. Не только находившуюся в международной изоляции Союзную республику Югославию (СРЮ) – Белград и Черногорию (Подгорицу и Цетинье), но и воевавшую и тогда непризнанную Республику Сербскую (РС) в Боснии и Герцеговине (БиГ). В боснийской столице Сараеве сербский и русский патриархи встретились с сараевским кардиналом Франьо Кухаричем, призвав к миру в раздираемой войной стране, а затем освятили крест на месте строительства храма в сербском квартале Грбавица на самой линии фронта. Патриархи сослужили и на литургии в белградском кафедральном соборе св. Саввы. В выступлениях Алексия II в Белграде и в Цетинье подчеркивалась благодарность сербскому народу и «народу Черногории» «приютившему многих русских, которые вынуждены были после революции 1917 года покинуть Россию. Здесь они нашли и братскую любовь, и тепло, и вторую родину» [7], «здесь они почувствовали себя среди своих братьев и сестер, равно как и мы чувствуем себя сегодня среди своих. Мы верим, что вместе мы переживем трудности, которые выпали на нашу долю» [8]. Особо патриарх поблагодарил своего сербского собрата за внимание к русскому храму: «Вы, как и Ваши предшественники, совершаете здесь богослужения, преподаете свое первосвятительское благословение клиру и верующим этой православной общины. Мы благодарны и архипастырям Сербской Православной Церкви, многие из которых совершали и совершают здесь богослужения, духовно укрепляя русских людей и всех прихожан этого святого храма» [7]. При этом он, не колеблясь, осудил «односторонние санкции» [8], что было нечастым в то время актом нравственной и политической поддержки как сербской Церкви, так и СРЮ вообще. Следует отметить, что патриарх Алексий был первым из глав поместных Церквей, за все время югославского конфликта посетившим сербские земли. Примечательно, что крест, освященный двумя патриархами в Грбавице был вынесен местными

сербам 16 марта 1996 г. при передаче квартала боснийским мусульманам в соответствии с Дейтонским соглашением.

Отношения двух патриархов Алексия и Павле прошли еще более жесткую проверку через пять лет, во время агрессии НАТО против Югославии. В разгар бомбардировок 20 апреля 1999 г. патриарх Алексий приехал в Белград и снова провел совместную литургию с патриархом Павле в соборе св. Саввы, однозначно поддержав сербский народ: «Бомбы и ракеты сыплются на эту землю не потому, что защищают кого-то. Военные действия НАТО имеют другую цель — разрушить оплаченное большой кровью послевоенное мироустройство, навязать людям чуждый им порядок, основанный на диктате грубой силы.

Но несправедливость и лицемерие никогда не одержат победы. Ведь, согласно древнему изречению, “не в силе Бог, а в правде”. Пусть мощь противника превосходит — но на вашей стороне, дорогие мои, помощь Божия и смысл всех исторических уроков. Вспомним самый яркий урок — урок II Мировой войны. Будем помнить и слова Господа: “Сила Моя совершается в немощи” (2 Кор. 12. 9); “Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет” (Ин. 16. 20).

[...] Возношу свои молитвы и о тех, кто потерял здоровье, кров и достояние, о тех, кто был изгнан из своих домов. Господь да уврачует раны этих людей и да поможет им восполнить утраченное. Сугубая молитва моя — о водворении мира в вашей прекрасной стране. С надеждой на Божию помощь вновь и вновь призываю руководителей стран НАТО и Союзной Республики Югославия прекратить все боевые действия и начать мирный процесс. Свидетельствую: Русская Православная Церковь с ее многомиллионной паствой, равно как и другие благонамеренные люди во всем мире, — готова всемерно помогать примирению» [9].

Остается вопросом, произвела ли просьба патриарха Павла какие-либо непосредственные дипломатические последствия. Дело в том, что инициировавший ее С. Милошевич мог иметь неверную информацию о планах СБ ООН.

Действительно, Совет Безопасности ООН заседал 5 октября 1993 г., однако одно его заседание, судя по стенограмме, было посвящено исключительно обсуждению положения в Камбодже [10], а второе — событиям в Руанде [11]. Ситуация в экс-Югославии на нем не рассматривалась. Ближайшее посвященное СРЮ заседание состоялось 13 октября и касалось проблем судоходства на Дунае — осуждения его перекрытия сербскими НПО и практики взимания властями СРЮ платы за транзит судов по реке [12].

Возможно, причиной этой путаницы стал перенос запланированного ранее на 5 октября обсуждения доклада [13] Генерального секретаря ООН о Силах ООН по охране (СООНО) — миротворческом контингенте международной организации на территории бывшей Югославии резолюции СБ ООН о продлении и изменении мандата СООНО в Хорватии на день ранее, т.е. на 4 октября. Необходимо отметить, что сама резолюция 781 СБ ООН от 4 октября также касалась только мандата СООНО в Хорватии и не содержала положений по режиму санкций против СРЮ. Таким образом, можно полагать, что непосредственный мотив к письму патриарха Павле — опасения возможного ужесточения санкционного режима Советом Безопасности ООН были основаны на неточных сведениях, поступивших в Белград из здания ООН на Ист-Ривер.

Невзирая на это и привлечение патриарха Павле к ответственной внешнеполитической миссии, а особенно проявленное им сочувствие к патриарху Алексию II,

переживавшему в те дни тяжелейший моральный и политический удар, легли в основу особых отношений предстоятелей двух православных церквей.

Анализ текста писем и исторического контекста их написания позволяет выявить конкретные причины складывания особых отношений патриарха Алексия II с Сербской православной церковью, выразившихся и в его посещениях Сербии и Республики Сербской в ходе боснийской войны (в 1994 г.) и бомбардировок НАТО в 1999 г. Письма показывают и личный вклад патриарха Павла в развитие как отношений двух Церквей, так и шире — всего комплекса традиционных особых русско-сербских связей на современном этапе.

Приложение

1.

Патриарху Московскому и всея Руси, его святейшеству господину Алексию II

Белград 4 октября 1993

Ваше святейшество, возлюбленный о Господе брат и сослужитель,

С глубочайшим горем и сердечной озабоченностью, но одновременно с молитвенным упованием, мы следим за трагическими событиями в Москве.

Мы радуемся, что Вы взяли на себя бремя помирения и учителя братолюбия. Несмотря на результаты, Бог видит Ваши благие намерения и поэтому истинный духовный и благодатный плод Ваших усилий непременно покажется.

Мы молимся ко Господу, чтобы Он сделал конец искушениям, постигшим великую православную Россию, сербские земли и всю православную вселенную.

+ Патриарх Сербский

+ Павле

АВП РФ. Ф. 20. Оп. 54. Д. 5. П. 237. Посольство РФ в СРЮ. Политические вопросы. 1993 г. Л. 27 [1. Л. 27].

2.

Белград 4 октября 1993

Патриарху Московскому и всея Руси, его святейшеству господину Алексию II, Даниловский монастыр¹, Москва

Ваше святейшейство, возлюбленный о Господе брат и сослужитель,

Христос посреди нас! — В искушениях и страданиях наших дней, которые постигли и великий братский православный русский народ, и наш сербский народ, и весь православный мир, я обращаюсь к Вам, Святейший Владыко, с сердечной братской просьбой, касающейся бесчеловечного эмбарго против Югославии, которое некоторые сильные мира сего хотят расширить, хотя и знают, что от него страдают — и же умирают — невинные и беззащитные, от нерожденного ребенка до умирающего старика.

Используйте, пожалуйста, любви Христовой ради, духовный и моральный авторитет Вашей личности у Вашего Президента и Правительства, умоляя их от имени Сербской Православной Церкви и меня как смиренного Патриарха сербского и прилагая Вашу личную любовь и заботу, чтобы Россия, как она это уже сделала

¹ Так в тексте

на днях, также завтра, на заседании Совета Безопасности ООН, воспрепятствовала расширению эмбарга, пользуясь, если необходимо, своим правом вето.

Помоги нам всем Господь!

Я вперед выражаю Вам теплую благодарность, Ваше Святейшество от имени верующего сербского народа, который еще никогда не пренебрег своей любовью и благодарностью к единой, многострадальной, но и могущественной, духовно и вещественно России, остаюсь

в любви Христа Спасителя всегда преданный Вам Ваш брат и сослужитель о Господе и смиренный молитвенник о России.

+ Патриарх Сербский

+ Павле

АВП РФ. Ф. 202. Оп. 54. Д. 5. П. 237. Посольство РФ в СРЮ. Политические вопросы. 1993 г. Л. 28–29 [1. Л. 28–29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. АВП РФ. Ф. 202. Оп. 54. Д. 5. П. 237. Посольство РФ в СРЮ. Политические вопросы. 1993 г. Патриарх Сербский Павле патриарху Московскому Алексию II, 4 октября 1993 г.
2. Тишайшие переговоры / Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре 1–3 октября 1993 г. М., 1993.
3. 1993 Переговоры в Свято-Даниловом монастыре (из фонограммы), с. 321–358 // Москва. Осень-93: Хроника противостояния. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
4. *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.
5. *Хошев А.Ю.* Косово и Метохия в отношениях Русской и Сербской Православных Церквей в последние годы жизни Патриарха Сербского Павла (1999–2009). М., 2019.
6. Заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного синода Русского Православной Церкви по современному положению на территории бывшей Югославии. 12 мая 1993 г. // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 8.
7. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II Из слова в Троицком русском храме Белграда 14 мая 1994 года // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/Alexy/alexu276.htm> (дата обращения 19. 08. 2019)
8. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II Из выступления на приеме в Цетине 18 мая 1994 года // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/Alexy/alexu283.htm> (дата обращения 19. 08. 2019).
9. Святейший Патриарх Алексий II посетил Белград. 21 апреля 1999. Русская Православная Церковь. Архив официального сайта Московской Патриархии 1997–2009 //URL: <https://mospat.ru/archive/1999/07/nr904211/> (дата обращения 19. 08. 2019)
10. Организация объединенных наций Совет Безопасности ProvisionalS/PV.3287 5 October 1993, Russian Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести восемьдесят седьмом заседании, состоявшемся в Центральные учреждения, Нью-Йорк, во вторник, 5 октября 1993 года, в 15 ч. 00 м. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3287> (дата обращения 19. 08. 2019)
11. Организация объединенных наций Совет Безопасности ProvisionalS/PV.3288 5 October 1993, Russian Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести восемьдесят восьмом заседании, состоявшемся в Центральные учреждения, Нью-Йорк, во вторник, 5 октября 1993 года, в 18 ч. 15 м. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3288> (дата обращения 19. 08. 2019)
12. Организация объединенных наций Совет Безопасности ProvisionalS/PV.3290 13 October 1993, Russian Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести восемьдесят восьмом заседании, состоявшемся в Центральные учреждения, Нью-Йорк, в среду, 13 октября 1993 года, в 18 ч. 15 м. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3290> (дата обращения 19. 08. 2019)
13. Организация объединенных наций Совет Безопасности. S/26470 20 September 1993 Очередной доклад Генерального секретаря, представленный в соответствии с резолюцией 743 (1992) Совета Безопасности. URL: <https://undocs.org/ru/S/26470> (дата обращения 19. 08. 2019).

«Круглый стол» «Концепт *воли* в славянских культурах»

Данный блок статей содержит материалы заседания «круглого стола» «Концепт воли в славянских культурах», состоявшегося в декабре 2017 г. и организованного Отделом культуры славянских народов Института славяноведения РАН.

Категория воли относится к фундаментальным категориям славянской культуры. Она отражает многотрудные и разнообразные по формам пути строительства государственности в странах Центральной и Восточной Европы на протяжении XVIII–XX вв., противоречия на пути создания национальной и конфессиональной самоидентификации. Контрадикторные устремления к свободе от разнообразных форм рабства с одной стороны, и осознанная, а также запрятанная в глубины коллективного бессознательного жажда «сильной руки», власти – с другой, определили важные свойства национального менталитета славянских народов, таких несхожих между собой, но при этом имеющих общую парадоксальную установку. Эти особенности «характера» региона (или вернее сказать регионов!) нашли отображение в литературе, искусстве, общественной мысли и воплотились в мотивы революции и бунта (бесмысленно и беспощадного в восприятии одних – и несущего освобождение в сознании других), темы борьбы со сложившимися стереотипами и традициями, но также и в доводы оправдания нормы, призывания к покорности и смирению перед лицом фатальных обстоятельств общей и личной судьбы художественных персонажей, а также реальных исторических личностей. Славянские культуры в этой антиномической дихотомии не оригинальны, они подчинены общим ритмам универсальной культуры, ведут начало с истоков человеческой цивилизации. Однако именно славяне, как представляется, прошли особенно трудный путь по пути осознания категории воли в ее противоречивых проявлениях. Культура рассматривалась участниками «круглого стола» преимущественно как текст, т.е. подвижная система значений, реализуемых на разных уровнях. Темы, затрагиваемые в рамках общей проблематики, касались не только феноменов реальной истории (включая историю искусства и литературы), но и устройства языка культуры, т.е. семантики и прагматики высказывания, риторики власти, поэтики авангарда, а также соответствующих экзистенциальных мотивов.

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДОБРОВОЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РОССИЙСКОЙ ВЛАСТЬЮ В «ЭПОХУ НЕВОЛИ»

© 2020 г. Н.М. Филатова

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

natalifilatova@yandex.ru

Данный историографический обзор посвящен тому, как польские историки осмыслили и осмысливают примеры компромисса и добровольного сотрудничества с Россией, которые были характерны для польских элит накануне и сразу после образования в 1815 г. конституционного Царства Польского. Тема раскрывается с помощью ключевых понятий и сквозных линий польской культуры.

The following historiographic review points up the ways in which Polish historians interpreted and still interpret the facts of compromise and voluntary cooperation with Russia, characteristic for the Polish elites before and straight after the formation of the Congress Kingdom of Poland in 1815. This topic is discussed with the help of key concepts and constants of Polish culture.

Ключевые слова: польская историография, «эпоха неволи», национальное предательство, соглашательство, польское славянофильство, политический консерватизм.

Keywords: Polish historiography, the epoch of national oppression, national apostasy, political compromise, Polish Slavophilism, political conservatism.

DOI: 10.31857/S0869544X0008112-6

Категория воли важна применительно к истории польского народа, оказавшегося в ситуации выбора — добровольно принять факт потери независимости, разделов, вхождения части Польши в состав России, подойти к этой ситуации прагматически или же не принимать ее, сопротивляться нахождению под инонациональной властью. (Употребляемое в таких случаях выражение *obca przemoc* переводится как насилие, превосходство. Таким образом, нахождение под чужой властью автоматически равнозначно насилию и принуждению: так особенности польского национального сознания, актуальные по сей день, выражены лингвистически.)

Развить этот общий тезис применительно к истории Польши можно двояко. Во-первых, изучая историю сопротивления чужой власти (эта тема, начиная с эпохи романтизма, традиционно превалировала и превалирует в польской историографии), а также отпечаток, который оно наложило на польскую культуру, на построение образа XIX в., именуемого в Польше «эпохой неволи». Во-вторых, фокусируясь на представляющих больший интерес для современного исследователя польско-русских отношений попытках добровольного (это слово ключевое в данном контексте) приспособления к необходимости сотрудничества с чужой властью. Проблема состоит в том, насколько в рамках национальной культуры подобный сознательный выбор, подобное волеизъявление оказалось возможным в глазах современников и потомков.

Сквозной линией польской культуры является трудность принятия подобного выбора предков, осмысление линии сотрудничества с Россией в терминах измены и феномен пристального внимания к этой теме, усилившегося

в настоящее время. Такая позиция исторически именовалась *ugoda* (соглашательство), *zdrada* (измена, предательство), речь шла также о «сервиллизме», а в настоящее время — применительно к сотрудничеству с Россией — употребляется даже выражение *apostazja narodowa* («национальное отступничество»), заимствованное из религиозного контекста: *apostazja* означает вероотступничество. Знаменательно количество и названия работ в польской историографии и литературоведении, в которых так или иначе присутствует и разбирается с разных сторон проблема предательства — соглашательства — в разные эпохи, на различном историческом и литературном материале (см., например, [1–4]).

В частности, интересным представляется вопрос, как выбор в пользу опоры на Россию в государственном строительстве и идея польско-российского союза, связанная с созданием в 1815 г. конституционного Царства Польского, воспринимались последующими поколениями исследователей, в том числе исследователями современными. Здесь в польской историографии можно выделить несколько подходов.

Во-первых, обращение к теме русско-польского взаимодействия в научном и художественном дискурсе первой трети XIX в. получило в историографии обобщенное наименование «славянофильства», восходящее еще к терминологии и официальной культуре самой эпохи (в официальных текстах Царства Польского русских называли «побратимами» и «единоплеменниками»). Оно было распространено и в работах начала XX в. (в том числе в книге В.А. Францева [5]), а также в польских исследованиях 1920–1960-х годов [6; 7]) и традиционно рассматривалось учеными в историко-культурном ключе: на первый план выдвигалась идея славянской взаимности, представление о неповторимом облике собственной национальной культуры связывалось с романтическим интересом к общим для русских и поляков славянским древностям.

Очевидно, однако, что идея общих корней, а следовательно общей судьбы русских и поляков, достаточно болезненно воспринималась польским обществом. В конечном итоге именно связь славянофильства первых лет существования Царства Польского с поддержкой официальной политики русско-польского сближения отразилась на специфическом отношении поляков к идее славянского единства в целом [8].

Для историков политической мысли характерен подход к сторонникам про-российской ориентации как к политическим консерваторам. Позиции консерватизма усматриваются в том, что все влиятельные общественно-политические деятели Царства Польского, верхушка его власти, были сформированы культурой Просвещения, стояли на монархических позициях, воспринимали образование польского государства как торжество принципов легитимизма, опираясь на концепцию народа как политической общности. Кроме того, элиты руководствовались чисто прагматическими мотивами [9; 10].

Важнейшую роль в борьбе с упрощением мотивов, которыми руководствовались отдельные люди и общественные группы, столкнувшись с необходимостью политического и нравственного выбора на рубеже XVIII–XIX вв., сыграла работа Я. Чубатого [4]. Историк предпринял поистине грандиозный труд, проанализировав самые разные по жанру источники: частную корреспонденцию и официальную переписку, публицистику и художественную литературу (рассматривая ее как часть историко-политического дискурса). Это помогло ему выявить разнообразные образцы проявления патриотизма, включавшие в себя иногда полярные позиции. Традиционные подходы к эпохе были расширены

исследователем за счет анализа индивидуальных аргументов, приводимых отдельными личностями в оправдание своего сотрудничества с теми, кто разделил Польшу, а также, напротив, решений вести борьбу или отойти от общественной жизни. Автор показывает, где в восприятии общества проходила граница между достойным и недостойным поведением, учитывает приоритетные для эпохи в целом нормы верности присяге и воинской чести, а также зависимость политического выбора от сферы частной жизни. Кроме того, Чубатый строго очерчивает время возникновения и конкретное историческое содержание понятия *zdrada*, связывая его с последними годами Речи Посполитой.

Другая тенденция, характерная уже для польских работ последних лет, проявляется в стремлении поставить представителей политической элиты польского государства, формально связанного с Россией лишь династической унией, с теми, кто впоследствии, после его краха, в одиночку — как А. Гуровский или Х. Жевуский — отстаивали идеи благотворности российского владычества в Польше и заслужили у соотечественников политическое клеймо «национального отступника» и «ренегата». Многих современных польских историков, занимающихся проблематикой польско-российских отношений, объединяет мысль о губительности и невозможности в принципе российско-польского взаимодействия. Так, М. Закшевский в сборнике статей, посвященном разной типологии мышления о России и вписывания ее в политические концепции устройства Польши, пишет, что всех сторонников пророссийской ориентации «объединяют не только более или менее оправданные обвинения в измене или “национальном отступничестве”, но и политическое поражение. Все они потерпели фиаско в результате того, что не нашли понимания ни в польском обществе, ни у российских властей». В каждой попытке сотрудничества с Россией, по его словам, можно увидеть «предложение без ответа, политику, в которую вплетались мечты, иллюзии, надежды, отчаяние и чистый расчет» [11. S. 9]. Л. Мажевский называет возникновение и существование конституционного Царства Польского «клиническим случаем пророссийского поворота в поведении польских элит» [11. S. 69].

В то же время польские историки либерального направления уверены в безосновательности экстраполяции на эпоху 1815–1830-х годов подобных выводов. Лишь после Ноябрьского восстания, по словам М. Яновского, «сформировалась пропасть между поляками и теми, кто разделил Польшу. До 1830 г. понятие “независимость” вообще не было ясно определено: повсеместно считалось, что свободная Польша легко может сочетаться с нахождением под скипетром иностранной династии. Теперь ситуация проясняется: понятия измены, независимости, борьбы за свободу приобретают более или менее тот же самый смысл, который они сохраняют до конца XX в. Для поляка-патриота сокращается область возможного взаимодействия с господствующим государством» [12. S. 235]. Подчеркну в связи с этим, что именно умение не выходить за рамки текста эпохи, адекватное прочтение ее документов позволяют освободиться от каких бы то ни было идеологических клише, не отказывая историческим персонажам в праве на свободное волеизъявление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Chwin S.* Literatura i zdrada: od Konrada Wallenroda do Małej Apokalipsy. Kraków, 1993.
2. *Bo insza jest rzecz zdradzić, insza dać się złudzić. Problem zdrady w Polsce przełomu XVIII i XIX w.* / Pod red. A. Grześkowiak-Krwawicz. Warszawa, 1995.

3. *Murzański S.* Między kompromisem a zdradą: intelektualiści wobec przemocy 1945–1956. Kraków, 2002.
4. *Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień». Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795–1815). Warszawa, 2005.
5. *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетий. Прага, 1906.
6. *Klarnierówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa, 1926.
7. *Zieliński A.* Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831. Wrocław etc., 1969.
8. *Ruszczyńska M.* Słowianie i słowianofile. O słowianofilskich dyskursach w literaturze polskiego romantyzmu. Kraków, 2015.
9. *Kizwalter T.* Kryzys Oświecenia a początki konserwatyzmu polskiego. Warszawa, 1987.
10. *Mycielski M.* «Miasto ma mieszkańców, wieś obywateli». Kajetana Koźmiana koncepcje wspólnoty politycznej (do 1830 roku). Wrocław, 2004.
11. Między realizmem a apostazją narodową. Koncepcje prorosyjskie w polskiej myśli politycznej / Pod red. M. Zakrzewskiego. Kraków, 2015.
12. *Janowski M.* Narodziny inteligencji. 1750–1831 // Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918. / Red. J. Jedlicki. Warszawa, 2008. T. 1.

ФОРМУЛА «ЛЮБВИ» И.С. ТУРГЕНЕВА: ВОЛЯ И ПРИНУЖДЕНИЕ

© 2020 г. Е.А. Яблоков

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

eajablokov@gmail.com

Представлен анализ тургеневского стихотворения в прозе в аспекте связи концепта любви с концептами воли и принуждения. Показана актуальность данной проблематики для творчества И.С. Тургенева в целом.

The study suggests analysis of Ivan Turgenev's prose poetry in the context of correlation between the concepts of love with those ones of will and coercion. It shows that this problematic was important for the whole work of Turgenev.

Ключевые слова: Тургенев, стихотворение в прозе, концепт любви.

Keywords: Turgenev, prose poetry, concept of love.

DOI: 10.31857/S0869544X0008127-2

В тургеневском цикле стихотворений в прозе одним из самых маленьких и неясных является текст под названием «Любовь» (1881); приведем его целиком:

Все говорят: любовь — самое высокое, самое неземное чувство. Чужое я внедрил в твое: ты расширен — и ты нарушен; ты только теперь зажил и твое я умерщвлено. Но человека с плотью и кровью возмущает даже такая смерть... Воскресают одни бессмертные боги... [1. Т. 10. С. 186].

Даже на первый взгляд «микромоналог» выглядит парадоксальным, внутренне противоречивым; при этом интуитивно ощущается связь концепта любви с концептом принуждения. Наша цель в том, чтобы посредством лингвистического анализа прояснить реализованную в тексте авторскую позицию.

Заметим, что начало стихотворения напоминает цитату. Формула «Все говорят...» предполагает хрестоматийное продолжение: «...нет правды на земле», — этой фразой открывается пушкинская маленькая трагедия «Моцарт и Сальери»¹. Характерны сходные пространственные оппозиции в начале двух произведений — в обоих случаях вводится вертикальная координата; у Пушкина — «на земле... и выше», у Тургенева любовь — чувство «высокое... неземное».

¹ Кстати, в 1862 г. в Париже вышел сборник переводов драматических произведений А.С. Пушкина на французский язык, сделанных Тургеневым и Луи Виардо.

Начало чувства описано в «Любви» как внешняя интенция, акт принуждения — проникновение «чужого» в «свое». Речь идет о явно насильственном (*внедрилось*) изменении масштаба (*расширен*) и границ (*нарушен*) личности, т.е. частичной или полной потере «себя» — этому состоянию «вовлеченный» в любовь субъект сопротивляется (ср.: *возмущает*).

Однако что позволило чужому «я» внедриться? Иначе говоря, кому принадлежит «инициатива» любви, проявлением чьей воли является данный акт? Можно предположить, что реализована интенция равного субъекта-«партнера». Но судя по упоминанию о «неземном чувстве», речь идет о некоей «третьей», метафизической инстанции, со стороны которой осуществляется принуждение в отношении обоих.

О том, как относится к происходящему носитель второго — внедряемого «я», не говорится, его позиция непонятна. Внимание автора сосредоточено на реакции той личности, в которую это чужое «я» внедрено. Характерно слово «расширен», трактуемое не просто как увеличение объема, но как качественное изменение, образование новой сущности, не равной прежней личности. С логической точки зрения жизнь есть некая гармоническая целостность, нарушение которой эквивалентно смерти. Характерно, что «земного» человека любовь/смерть «возмущает» — последнее слово, по-видимому, употреблено не в современном смысле (= противоречит нравственному чувству), а в устаревшем, но для Тургенева вполне узуальном, значении «волнует, тревожит, беспокоит» [2. Стлб. 487].

Субъекту открылся мир «другого», но, приняв его в себя, субъект перестал быть собой. Обратим внимание на парадоксальный оборот *ты только теперь зажил и твое я умерщвлено* — из него следует, что прежнее «я» уничтожено; возникает прямая аналогия с убийством. При этом глагол «зажил» заставляет задуматься о референции слова *теперь*: когда именно зажил — до «убийства» или после? По этой логике оказывается, что истинная жизнь наступает после смерти.

Вновь зададимся вопросом: кто субъект действия, «иницилирующего» любовь, с какой целью оно произведено и как его оценивать? Гипотетически можно предположить, что речь идет о волевом акте и агрессии «чужого». Но более вероятно, что вновь подразумевается «сверхинстанция» — в широком смысле Промысел (хотя трудно сказать, чей именно). В таком случае цель Промысла — через любовь умертвить «я», агрессивно лишить субъекта воли. При этом прогнозируется негативная реакция «умерщвляемого» — земного человека «возмущает... смерть», то есть ему свойственны замкнутость своего «я» и защитная реакция по его сохранению.

Но если статус-кво все же нарушено — остается ли человек «земным»? И выживет ли он после «вторжения» или погибнет? Любовь предстает как смертельный риск, своего рода опасный эксперимент, чреватый либо летальным исходом, либо прорывом за границы земного бытия.

Вернемся теперь к началу стихотворения, где приводится расхожий (и потому окрашенный легкой иронией) тезис: *любовь — самое высокое, самое неземное чувство*. Перед нами романтический штамп, причем слово «неземное» понимается метафорически — как высшая степень блаженства. В финале тоже видим афористичный оборот; но, поскольку речь шла о принудительной потере «я» и его «умерщвлении», сакральная лексика кажется демегафоризованной. К тому же заключительная фраза содержит явный парадокс: «воскресаю... бессмертные».

Из сказанного можно сделать два противоположных вывода. 1. «Воскрешение» означает способность не поддаваться любви, проявив волю, — при этом подлинно «неземным» чувством оказывается как раз «нелюбовь». 2. «Воскрешение» означает

способность «принять» другого, не «исчезнув» при этом самому,— такая способность может считаться поистине божественной.

В творческой биографии Тургенева «Любовь» стала одним из итоговых произведений. Разумеется, имело бы смысл рассмотреть это стихотворение в прозе на общем фоне творчества писателя, в чьем мироощущении тема любви, как известно, занимает весьма важное место, причем во многих случаях она принимает парадоксальный облик, выступая как властная стихия, лишаящая человека воли и, в сущности, губящая. Хрестоматийный пример — роман «Отцы и дети» (1862), где выстроены две линии мужских персонажей. Если персонажи «органически-природного» типа — Николай Петрович Кирсанов и его сын Аркадий Николаевич пребывают в гармонии с мирозданием и обретают «право» на продолжение рода с соответствующими «атрибутами» (дом, семья и т.п.), то «дисгармонично-роковые» персонажи — антидвойники Павел Петрович Кирсанов и Евгений Васильевич Базаров находятся в остро конфликтных отношениях с бытием и его важнейшими сущностями, воплощенными прежде всего в образе женщины. Соответственно, для обоих любовь не просто драматична, но смертельна. Разница в том, что Павла Петровича встреча с княгиней Р. превратила в «пожизненного», как бы бессмертного, страдальца, а Базаров после встречи с Анной Сергеевной Одинцовой погибает быстро и нелепо (из-за случайного пореза пальца [1. Т. 7. С. 174]), словно признавая, что борьба бессмысленна.

В еще более «остром» виде мотив поработавшей любви (явно с автобиографическим подтекстом) представлен в написанной за несколько лет до «Отцов и детей» повести «Переписка» (1856), герой которой рассказывает, как «влюбился в одну танцовщицу»:

«С той самой минуты, как я увидел ее в первый раз... — с той роковой минуты я принадлежал ей весь, вот как собака принадлежит своему хозяину; и если я и теперь, умирая, не принадлежу ей, так это только потому, что она меня бросила. [...] Любовь даже вовсе не чувство; она — болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она и проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка... Подцепит его, голубчика, как коршун цыпленка, и понесет его куда угодно, как он там ни бейся и ни упирайся... В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения душ и прочих идеальностей, придуманных на досуге немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо — раб, а другое — властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь — цепь, и самая тяжелая. По крайней мере я дошел до этого убеждения, и дошел до него путем опыта, купил это убеждение ценою жизни, потому что умираю рабом» [1. Т. 5. С. 44–46].

Спустя четверть века после этой повести и незадолго до собственной смерти Тургенев создаст стихотворение в прозе, где любви придан не столь «безысходный», более диалектичный облик. Однако очевидно, что с тургеневской точки зрения любовь, при всем ее «неземном» характере,— состояние опасное, фатально вовлекающее субъекта в коллизию воли и принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30-и т. Произв.: В 12-и т. М., 1978–1986.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. СПб.; М., 1903. Т. 1.

ШКОЛЬНАЯ ПРОГРАММА АНТОНА МАРТИНА СЛОМШЕКА И ПРОБЛЕМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВЕНЦЕВ В XIX ВЕКЕ

© 2020 г. Т.И. Чепелевская

Канд филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

tatchep2014@yandex.ru

Одним из ярких представителей патриотически настроенных словенских священников, выступавших за сохранение словенского языка как основы национальной идентификации малого славянского народа, является епископ Антон Мартин Сломшек, духовный и школьный писатель, народный просветитель и организатор церкви. Его культурно-просветительская деятельность (создание Общества св. Мохора и др.) и выстроенная, в рамках реформ Марии Терезии и Иосифа II, школьная программа сыграли огромную роль в развитии школьного образования у словенцев на родном языке, способствовали в дальнейшем формированию детской литературы.

One of the most brilliant representatives of the Slovenian patriotic clergy who advocated the preservation of the Slovenian language as the basis of national identification of this small Slavic nation was Bishop Anton Martin Slomšek, ecclesiastical and pedagogical writer, and church administrator. His cultural and educational activities (foundation of the Society of St. Mohor and so on) and school curricula, worked out within the framework of Maria Theresa's and Joseph II's reforms, played a crucial role in the development of education in the mother-tongue among the Slovenians, contributed to the development of literature for children.

Ключевые слова: Антон Мартин Сломшек, детская литература, школьное образование у словенцев в XIX в., национальная идентификация.

Keywords: Anton Martin Slomšek, literature for children in Slovenia, school education among Slovenians in the nineteenth century, national identification.

DOI: 10.31857/S0869544X0008113-7

Антон Мартин Сломшек (1800–1862), родом из Штирии, по праву считается одной из самых ярких личностей в ряду словенских церковных деятелей и простых священников (жупников), сыгравших значимую роль в процессе формирования и развития национальной и культурной идентификации словенского народа. Не случайно ему, как священнику и епископу, словенский ученый Франце Кидрич отводит «первое место в словенской истории после Кирилла и Мефодия» [1. С. 197].

Это был человек, обладающий несомненной харизмой, его проповеди слушали и передавали из уст в уста жители не только Штирии, но и других словенских провинций; а его пастырские послания получали широкий отклик. Его жизненным кредо был девиз: «Святая вера пусть будет для вас лучом света, а родной язык ключом к спасительному просвещению».

Исследователи выделяют несколько направлений деятельности А. Сломшека, которые, несомненно, следует рассматривать каждый в отдельности. Выстраивая свое мировоззрение в отношении национального вопроса и родного языка, Сломшек постепенно формулировал принципы, с опорой на которые он планировал и осуществлял и свое пастырское служение, и культурно-просветительскую работу. Эти принципы и цели определяли контуры его школьной программы для словенских земель и его весьма примечательную литературную модель. Реализации его замыслов способствовал ряд культурно-политических инициатив, среди которых выделялся проект по созданию Общества св. Мохора. Этому же были подчинены его огромные усилия, направленные на перенесение в 1859 г. престола (кафедры) Лавантинской епархии в Марибор, что в перспективе способствовало защите данной пограничной территории, объединяющей и земли вокруг Марибора, населенные преимущественно словенцами, от германизации.

Выходец из многодетной зажиточной крестьянской семьи, Сломшек обучался в воскресной школе для крестьянских детей в Поникве¹, затем в основной школе и гимназии г. Целья (центре провинции Нижняя Крайна), позже в лицеях Любляны и Сеня, а потом в богословском училище г. Целовца (административном центре провинции Каринтия).

После окончания училища в 1825 г. Сломшек посвятил свою жизнь пастырской службе в различных приходах, где проявил себя как прекрасный проповедник и организатор регулярных и воскресных школ, а в 1829—1838 гг. служил в Целовском богословском училище духовным наставником обучающихся. В его знаменитой проповеди «Обязанность свой язык уважать», которую он прочитал 28 мая 1834 г. в Моосбурге (словен. Блатоград), содержится апология родного языка с опорой на сочинения святых апостолов, и прежде всего Кирилла и Мефодия, как своеобразный ответ тем, кто утверждал, что у словенцев и словенского языка нет будущего [3. S. 52].

Эти представления начали формироваться у А. Сломшека гораздо раньше, еще в период учебы в богословском училище, где он, с разрешения руководства, организовывал для своих однокашников факультативные курсы словенского языка (1822—1824 гг.). Спустя годы практику по организации курсов словенского языка для словенских учащихся Целовской и Лавантинской епархий (занятия посещали и немцы) Сломшек продолжил уже как духовный наставник будущих священников. И здесь он призывал своих слушателей к собственному литературному творчеству, а также побуждал их к переводам на родной язык как религиозной, так и светской литературы.

¹ Такие двухлетние школы, в которых занятия на словенском языке проходили в воскресные и праздничные дни, стали организовываться в словенских провинциях начиная с 1800 г.; они действовали в рамках единого школьного пространства с единым планом и учебниками, как это было определено «Общим школьным уставом», подписанным Марией Терезией 6 декабря 1774 г. (см. [2. С. 290]). Наряду с Законом Божиим в них преподавались три основных предмета из программы регулярных (начальных) школ Австрии: чтение, письмо и элементарный счет. Эти школы, даже несмотря на нехватку учебного времени и учебников на родном языке, во многом изменили отношение словенцев к школе и образованию.

В 1838 г. Сломшек вновь возвращается к пастырской службе — становится старшим священником в приходе Вузеница (до 1844 г.) и инспектором начальных школ. Помимо напряженной работы по организации жизни своего нового прихода именно здесь активизируется его литературная деятельность, начатая еще в юности. Всего до 1846 г., когда он стал епископом, им было написано около 40 стихотворений, в основном духовного содержания, а также стихи «по поводу» (поздравления и приветствия). К оригинальным можно отнести его лирические размышления-медитации или стихи исповедального характера (посвящение В. Воднику).

Наряду со стихами А. Сломшек в этот период создает (помимо религиозных сочинений — сборников молитв и проповедей, духовных песнопений с образцами музыкального сопровождения) и прозаические произведения. Литературная модель, которую реализовывал Сломшек, была связана с обращением к иностранным авторам и их творчеству, при этом выбор делался в пользу литературы, имеющей выраженный учебно-развлекательный характер. Весьма популярные в то время произведения немецкого педагога и писателя Криштофа Шмидта (1768—1854) стали главным источником при создании переводной литературы на словенском языке. Эти переводы свидетельствовали о закреплении в словенской литературе установки на развлекательную массовую литературу и ставили своей целью расширить тягу к чтению у простых читателей из народа. Они же вызвали к жизни появление в 1836 г. первой оригинальной повести «Счастье в несчастье» («Sreča v nesreči») Янеза Циглера (1792—1869).

В прозе самого Сломшека можно обнаружить большое количество историй для детей, которые сам автор называл «приятными рассказами», признавая влияние на них творчества К. Шмидта.

Наиболее широкий отклик у читателей получила книга Сломшека «Блаже и Нежица в воскресной школе» (Целовец, 1842). По словам биографа Сломшека Б. Заврника, она была «предназначена и ученикам воскресных школ, и священникам, и учителям, ведущим обучение в них», и стала первым «словенским учебником и советчиком одновременно», а ее общий тираж составил 6 тыс. экземпляров [1. С. 96].

В отдельных главах книги, весьма отличающейся от «сухих» учебников на немецком языке, наряду с основными предметами начальной школы, рассматриваются вопросы, которые автор считает важным и полезным знанием для будущей жизни учеников: правила поведения, личная гигиена и забота о здоровье, первая помощь при болезни, несчастных случаях и обморожении. В книге также уделяется внимание явлениям природы, страхам и суевериям, методам ведения сельского хозяйства, говорится о государстве и его устройстве, о навыках делового письма и др. Иными словами, очевидно стремление автора приблизить процесс обучения к реальной жизни и ежедневным потребностям земляков. Книга на долгие годы стала самым любимым учебником для словенских детей, а также послужила образцом для подобных изданий в других провинциях, где проживали словенцы.

В 1845 г. Сломшек вновь обращается к властям с прошением о создании Общества для издания «дешевых хороших словенских книг» (хотя саму идею он вынашивал начиная с 1824 г., а первое его обращение к властям за разрешением относится к 1835 г.), однако и на этот раз получает отказ, но не оставляет саму идею народного просвещения. В 1846 г., уже утвержденный в сане епископа, он организует издание летописной хроники под названием «Drobtinice»

(«Мелочи»), ориентированной на публикацию текстов для религиозного, нравственного и патриотического воспитания молодежи, и вокруг этого издания объединяет молодых патриотически настроенных литераторов. В 1851 г. его учениками и единомышленниками, в первую очередь А. Айншпилером и А. Янежичем, благодаря значительной моральной и финансовой поддержке самого епископа, было создано Общество Мохора (Moħorjeva druŹba), которое сразу получило признание и широкий отклик среди словенцев [1. S. 128], позже преобразованное в религиозное братство – Общество св. Мохора. С активизацией его издательской и культурно-просветительской деятельности теория Сломшека переходила в жизненную практику: уже в 1860 г. появляются первые поучительно-развлекательные книги серии «Словенские вечерние истории» («Slovenske večernice»), календари, литературные произведения словенских писателей и переводы иностранных авторов, но ведущая роль отводилась религиозной литературе.

Благодаря деятельности Сломшека и его программе шло постепенное расширение круга патриотически настроенных священников, которые после исторического события – переноса кафедры Лавантинской епархии в Марибор начали сменять священников-немцев.

Несмотря на противодействие властей, обвинявших его в панславизме, и противостояние со стороны немецкого населения словенских провинций Сломшек не раз проявлял необычайную волю для реализации своих идей. Многолетней деятельностью на ниве школьного образования и народного просвещения земляков-словенцев А. Сломшек оказал огромное влияние на процесс национальной и культурной идентификации словенцев Штирии и Каринтии (т.е. провинций на самой границе словенской этнической территории, особенно подверженных процессу германизации), а опосредованно и в других словенских провинциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Zavrnik B.* Anton Martin Slomšek. Ljubljana, 1990 (Znameniti Slovenci).
2. *Хаванова О.В.* Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006.
3. *Pogačnik J.* Kulturni pomen Slomškovega dela. Maribor, 1991.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЭЗИИ ЯНКИ КУПАЛЫ

© 2020 г. Н.М. Куренная

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

ikurennoy@gmail.com

В работе рассматривается имеющая глубокие фольклорные корни оппозиция «воля—неволя» в ранней поэзии классика белорусской литературы Янки Купалы, сыгравшая значительную роль в формировании национальной идентичности.

The article considers deep, going back to folklore roots of the juxtaposition of «freedom – unfreedom» in the early poetry of classic of Belorussian literature Janka Kupala, which played a significant role in the formation of national identity.

Ключевые слова: Белоруссия, Янка Купала, национальная идентичность, воля-неволя, белорусская картина мира.

Keywords: Belorussia, Janka Kupala, national identity, freedom – unfreedom, Belorussian worldview.

DOI: 10.31857/S0869544X0008114-8

В течение XIX в. в Белоруссии протекал относительно латентный процесс накопления основных черт национальной литературы нового типа. Белорусская культура, в первую очередь ее словесность, вплоть до начала XX в. тяготела к своеобразному фольклорному типу, которому были свойственны конкретно-образное мышление, склонность к мифопоэтической образности. Наследуя этим традициям, новое поколение литераторов, взяв за основу фольклорную выразительность, уже в первое десятилетие XX в. создали глубоко укорененную в народном творчестве белорусскую модель, отличающуюся метафорической символичностью. Возможности лексического развития родного языка позволили им придать национальной поэзии глубокие расширительные символы-смыслы, наполнить ее новыми мотивами и образами, национально значимыми концептами.

На белорусских землях (так называемом Северо-Западном крае) рубеж XIX–XX вв. положил начало эпохе национального возрождения, главным результатом которой стало ускоренное развитие белорусского языка и литературы. Под воздействием идей об определении и признании национальной идентичности, сохранении, развитии и повсеместном использовании белорусского

языка, сформулированных в трудах И. Абдираловича, В. Самойло, в творчестве писателей В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича и др., начинает оформляться новый для Белоруссии социальный слой – народная интеллигенция, состоящая, как правило, из крестьянской молодежи, сумевшей получить образование. Именно из их среды вышли будущие классики белорусской литературы – Якуб Колас (1882–1956) и Янка Купала (1882–1942). В своем творчестве они представили важнейшие философские, психологические, идеологические основы белорусской культуры.

Первостепенное значение в самых разных областях общественной деятельности получили всевозможные варианты поиска и определения собственной идентичности – этнической, социальной, культурной. Главными темами, которым посвящалась ранняя поэзия Янки Купалы и Якуба Коласа, стали бытийные сюжеты, призванные способствовать ускорению процесса национальной идентичности. В качестве одного из основных художественных средств поэты использовали многозначность смысловых оппозиций, укорененных в народном белорусском языке, где на протяжении веков происходил сложный процесс, названный Я. Карским «проявлением человеческого духа». Результатом этого стало рождение многочисленных концептов и ключевых слов, имеющих, по определению Н. Трубецкого, «народноязыковое происхождение», которые с логичной закономерностью стали основой классической белорусской литературы, тем фундаментом, на котором выросли многие темы и мотивы национальной лирики. В свою очередь, поэтическое наследие выдающихся литераторов явилось значительным источником для построения определенной концептосферы, в сжатом виде представившей коллективную философию и самобытность белорусской картины мира.

Наиболее частыми в ранней поэзии Янки Купалы стали парные концепты доля/недоля и воля/неволя, олицетворявшие историческую судьбу белорусского народа, своеобразие народной психологии и ход его повседневной жизни. Своей гражданской и творческой целью Я. Купала считал включение этих антонимических пар в широкий литературный контекст, способствующий процессу просвещения так называемой белорусской громады, которая активно формировалась в новой социально-политической атмосфере первого десятилетия XX в., времени, которое стало переломным рубежом в белорусской истории. Особое внимание поэта именно к этим смысловым оппозициям объясняется прежде всего глубоким историческим и социальным контекстом: на протяжении не одного столетия белорусский народ, находившийся на своеобразном культурном пограничье, существовал в условиях зависимости от более могущественных соседей – России, Польши, Литвы.

Творчество Я. Купалы до 1917 г. было отмечено ярко выраженными бунтарскими настроениями, идеями национального строительства, обостренным чувством патриотизма, выстраданным сочувствием своему народу, находившемуся под политическим и идеологическим гнетом соседних государств. Можно предположить, что уже в начале своего творческого пути Янка Купала сначала интуитивно, а затем целенаправленно приступил к созданию целостной поэтической системы символов, концептов, кодов, из которых формировалась национально окрашенная картина мира. Представляется, что Купала преднамеренно насыщал свой поэтический язык смысловыми оппозициями – доля/недоля, воля/неволя для того, чтобы, с одной стороны, «растревожить» консервативный, наполненный предрассудками и вековой покорностью мир белорусского мужика, а с другой – показать ему, что народная воля/свобода не

только желательна, но и возможна. Орудием поэта в борьбе за лучшую долю крестьянина-белоруса, повседневный быт которого, «при всей его несложности, представляет массу пережитков глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской» [1. С. 35], был только стих – равнодушный, обостренно-эмоциональный, понятный народу, зовущий к новой жизни без неволи.

«Воля» в поэзии Купалы символизирует мечту о независимости белорусского народа, осуществление которой есть основное условие, способствующее национальному освобождению и глубинному пониманию белорусами себя как народа, победу над многовековой неволей, похожей на рабство, не позволявшей белорусскому люду вырваться из беспросветной нужды и горя. Высокая частотность этого мотива в ранней поэзии Купалы не удивительна, если, как говорилось выше, иметь в виду географическое и культурное положение белорусов, находившихся на своеобразном перекрестке культур, на пограничье между поляками, литовцами и русскими, которые имели более развитое государственно-политическое устройство, иной уровень просвещения и культуры. По мнению поэта, соседние народы для белорусского народа были «тиранами, что несли неволю», схожую с принуждением, бесправием и рабским унижением.

Купала сознавал и с грустью констатировал, что тяга к свободе у белорусского народа развито слабо; стремление возрастить такое желание у соотечественников осознавалась поэтом как генеральная цель собственной жизни, как гражданская и творческая миссия.

Раннее творчество Янки Купалы (1905–1917 гг.), насыщенное парными антонимическими концептами – воля/неволя, доля/недоля есть, по существу, лирическое выражение основополагающих символов белорусской действительности данного периода. Актуальность личной, социальной, культурной, политической свободы и независимости в эти годы многократно возрастает, что нашло отражение в поэзии Янки Купалы как первого из плеяды «будителей нации», призывавших народ к борьбе за волю/свободу. В поэзии и в публицистике он настойчиво проповедует возможности избавления от неволи и граждански униженного положения белорусов, обретения национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Карскі Я.* Беларусы. Мінск, 2001.

АВАНГАРД В «ОКОВАХ» ВОЛИ: СУПРЕМАТИЗМ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА И ЗЕНИТИЗМ ЛЮБОМИРА МИЦИЧА

© 2020 г. Н.В. Злыднева

Д-р искусствоведения, зав. отделом Института славяноведения РАН

natzlydneva@gmail.com

В статье рассматривается концепт *воля* в поэтике исторического авангарда. На основе сопоставительного анализа коннотаций словоформы *воля* в поэзии Казимира Малевича и неологизма *варварогений* в манифестах Любомира Мицича (южнославянский авангард) выдвигается идея о типологической близости художественных феноменов первой трети XX в., удаленных в пространстве и различных по формам проявления.

The article discusses the concept of *will* in the poetics of the historical avant-garde. On the basis of a comparative analysis of the connotations of the word *will/volition/freedom* ('*volya*' in Russian) in Malevich's poetry and the neologism invented by Lubomir Micić (the South Slavic avant-garde), the idea of a typological proximity of the two artistic phenomena of the twentieth century, remote in space and different in forms of manifestation, is put forward.

Ключевые слова: воля, авангард, поэзия, Малевич, южные славяне, Зенит, Мицич.

Keywords: will, avant-garde, poetry, Kasimir Malevich, South Slavs, Zenit, Lubomir Micić.

DOI: 10.31857/S0869544X0008128-3

Концепт *воля* всего ярче обнаруживает себя в практике и теории исторического авангарда. Все семантическое поле слова *воля* можно свести к двум значениям: 1) *воля как свобода (отсутствие преград)* и 2) *воля как воление, т.е. желание-устремление субъекта*. В авангарде *воля* часто синонимична *свободе*, в соответствии с которой новое искусство освобождается от императива вчерашней (но не позавчерашней!) традиции, присвоения капиталом/идеологией/властью привязанности к предмету (в случае изобразительного искусства) и внетекстовому референту (во всех остальных случаях) и т.п. Между тем, тот же концепт *воли* выявляет и противоположную тенденцию — общеизвестную генетическую связь авангарда с символизмом, и тут реализуется преимущественно второе значение слова — *воление* как изъявление *желания-устремления* субъекта. В аспекте реализаций этих двух семантических кластеров интересно рассмотреть творчество позднего Казимира

Малевича, лидера наиболее радикального прорыва в русской и европейской истории искусства начала прошлого века.

Несмотря на обилие научной литературы о Малевиче, на сегодня все еще остается во многом загадочным последний период его творчества, а именно, причины отхода художника от супрематизма в 1929–1933 гг. и его обращения к фигуративной сюжетной композиции с обилием различного рода символов (крестов – в том числе православных, геральдических знаков, сакральных чисел 2 и 3, архаической цветовой символики – красное/белое/черное). Столь резкий разрыв трудно объяснить, опираясь только на данные изобразительного искусства. Однако свет на его причины может пролить литературное творчество Малевича, т.е. поэзия художника – вербальные тексты, которые в данном случае выступают как параллельный код «дешифровки». Словоформа *воля* в рассматриваемых текстах Малевича играет ведущую роль.

Поэтическое наследие Малевича не обширно, но разнообразно по форме: здесь и заумные стихи, и «дачные» вирши, и те, которые занимают промежуточную позицию между стихом и трактатом, и визуально-вербальные конструкции, предвосхищающие московский концептуализм 1970-х годов. Среди этого корпуса текстов мы остановимся на произведениях, написанных белым стихом с четким графическим разделением строк и ритмически повторяющимися однокоренными словами. Эти стихи написаны в конце 1910-х и начале 1920-х годов, т.е. предшествуют повороту мастера к фигуративной живописи примерно на десятилетие.

Воля попадает в число наиболее частотных слов-мотивов в поэзии Малевича. Среди других – *мир* и *планеты* (*луна* и *солнце*), *земля*, *вещь*, *бег*, *ветер* и *пыль*. Распределение по универсальным противопоставлениям следующее: *планеты* отнесены к *верху*, *земля* – к *низу*, первое отмечено позитивно, второе – негативно. Но при этом возникает оксюморон: земля – это одновременно и планетарное явление, и низовая стихия: «Не забывайте, что земля – одна из пылинок среди солнечного скипетра и что целое-единица есть весь мир под скипетром солнца» [1. С. 80]. *Вещь* занимает срединную позицию между небом и землей (*мир* – по Малевичу – это тюрьма вещей), тяготея к низу, а *пыль* (*распыление*) представляет собой агента хаоса, из которого рождаются вещи (распыление мира предшествует новому космосу, наводящему правильный – авангардный – порядок, пришедший на смену старому миру), но последние – принадлежность земли, и от них художнику нового мира, равновеликому верховному Творцу, следует освобождаться.

Особенный интерес представляет словоформа *пыль* и ее производные. Как известно, мотив *пыли* – один из самых распространенных в поэзии русского символизма [2; 3]. У первого поколения символистов *пыль* связывается с тварным, низовым началом (Брюсов), у второго поколения, напротив, *пыль* – зачастую *звездная пыль* – отсылает кверху и обладает выраженной динамикой, соединяясь с мотивом *ветра* и *смерти* как экстатического конца (Белый, Блок). *Ветер* и *бег* – значимое сочетание мотивов у Малевича, обнаруживающее автореференциальную семантику. В его стихотворении 1921 г. «Я нахожусь в 17 верстах от Москвы» читаем: «Так зачался я неустанный бег иду к опровержению / обеспеченности знаков смертью [...] и мчу себя сокрушая и выпрямляя. / Я стал тем чем бывает ветер» [1. С. 104]

От этого ницшеанского Я Малевича и метаморфоз *пыли* – рукой подать до *мировой воли*, которую – по версии супрематиста – вершит Художник нового мира. *Воля* связывается с творческим началом (человека и мира), сообщает миру антропоморфный масштаб, отнесена ко всему новому и сильному. В стихотворении

«Мы разграничили» (1918) воля — это условие освобождения от оков традиции в искусстве: «Мы [...] всегда вели войну с поработившими волю и сознание Академизмом заковавшим / волю оковами вещей» [1. С. 101]. Во фрагменте 1917 г. читаем: «Но самое интересное из всего созданного — Человек» [1. С. 84], а далее встречаем слово *воля* в сочетании со словами *творчество* и *искусство*: «распростайте [так!] шире плечи воли и осветим / себя сознанием и дадим новый день нашего / искусства и будет он нашим лицом» [1. С. 85].

Из приведенных примеров видно, что *воля* в текстах Малевича не синонимична *свободе*, а наследует понятия философии XIX в., в частности теорию искусства А. Ригля, оперировавшего понятием *Kunstwollen* — непреодолимого вневеличностного закона смены стилей исторической эпохи. По своему контекстуальному содержанию концепт *воля* — это знак глубинной связи Малевича с символизмом. Можно говорить, таким образом, о том, что поэзия Малевича конца 1910—1920-х годов указывает на след символизма в поэтическом мышлении художника, что в конечном итоге вылилось в символические формы живописи. Разумеется, символизм был отринут, преодолен, перечеркнут в супрематизме. Возвращение к символистическому типу миропонимания в поздней фигурации следует рассматривать как не возврат к собственно символизму, а как новый виток символистической мифопоэтики.

Концепт *воля* Малевича интересно сравнить с идеей свободы в манифестах южных славян, а именно — в авангардистском журнале «Zenit», выпускавшемся в 1920-е годы в Загребе, а затем в Белграде. Основатель этого журнала и теоретик авангарда Любомир Мицич не оперировал словами *воля* или *свобода*. Концепт проявился в его текстах косвенным образом — в форме художественного жеста как призыва завоевать Европу балканскими «варварами». Он даже придумал термин «варварогений», и этот неологизм реализовывал значение *волевого* поведения художника новой формации. Смысл инволюции для югославянских авангардистов — возвращение к архаическим эпохам с целью сбросить с себя оковы миметической традиции и оздоровить дряхлеющую Европу молодой кровью развивающихся славянских культур. «Зенитизм — это искусство свободного духа [...], это новое искусство Балкан и освобождение Варварогения» [4. S. 1]. Концепт *воли* у Л. Мицича, таким образом, имплицитно связан с первым значением *воли* и с концептом *свободы*. Но эта *свобода* — слияние с природным началом, с погружением во времена синкретизма, поднятого на штык еще символизмом. Если Малевич зовет вперед и призывает к *воле* в смысле усилия духа в созидательном труде, Мицич — назад, к до-культурной общности людей, к *воле* как свободе и дикарской необузданности, т.е. скорее к *вольнице*, чем к *воле*.

Сравнение словотворчества русского и сербского художников показывает, что концепт *воля* в славянских культурах многомерен: он позволяет обнаружить глубинную связь исторического авангарда с символизмом, одновременно преодолевая и заново утверждая последний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Малевич Казимир. Поэзия / Составление, публикация, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и примечания А.С. Шатских. М., 2000.
2. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.
3. Ханзен-Лёве А. Мифопоэтический символизм. Система поэтических мотивов. СПб., 2003.
4. Micić Ljubomir. Zenit-manifest // Zenit. Internacionalni časopis za novu umetnost. 1922. № 11.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДИКТАТУРЫ «НИЧЕВОЧЕСТВА» В СБОРНИКЕ МАНИФЕСТОВ «СОБАЧИЙ ЯЩИК» (1922)

© 2020 г. А.Н. Красовец

Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

aleksandrkrasovec@yahoo.com

В статье рассматривается деятельность группы «ничевоки» (1920–1923) и их сборник манифестов «Ничевоки. Собачий ящик, или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. Вып. 1» (1922), где в форме декретов и приказов пародируются общественно-политические, публицистические тексты, а также бюрократический характер отношений государственного режима с искусством; поэты демонстрируют узурпацию у государства контроля над творческой деятельностью и декларируют диктатуру ничевочества. Скрывающиеся за всем этим категории воля и принуждение вписываются в нацеленность авангарда на разрушение существующего канона и построение новой культурной парадигмы.

The article treats the activities of the group «Nichevoki» (1920–1923) and their collection of manifestos «Nichevoki. Dog's box, or the Work of the artistic bureau of nichevoki during 1920–1921». Issue 1 (1922), where social, political and journalist text, or bureaucratic character of relations between the state and arts are mocked in a form of decrees and orders. The poets demonstrate the usurpation of control over creative activities from the state and declare the dictatorship of «Nichevokiness». The categories of freedom and coercion hidden behind correlate with the avant-garde's fixation on destruction of the existing canon and building of a new cultural paradigm.

Ключевые слова: русский поэтический авангард, ничевоки, манифесты авангарда, категории воля и принуждение.

Keywords: Russian poetic avant-garde, Nichevoki, avant-garde manifestos, categories of freedom and coercion.

DOI: 10.31857/S0869544X0008115-9

Категории воля и принуждение получают особое преломление в культуре авангарда с присущими ей мотивами революции и бунта против сложившихся традиций и стереотипов в искусстве и обществе. В манифестах небольшой поэтической группы начала 1920-х годов под названием «ничевоки» (1920–1923) пара воля–принуждение получает свое интригующее воплощение. В августе 1920 г. группа заявляет о своем существовании в рамках отделения Всероссийского союза поэтов в Ростове-на-Дону. В нее входят Рюрик Рок (1898–1930?), Сусанна Мар (1900–1965), Олег Эрберг (1898–1956), Борис

Земенков (1902–1963), Лазарь Сухаребский (1899–?), Аэций Ранов, Елена Николаева, Сергей Садиков (?–1922), Девис Уманский и Мовсес Агабабов. Молодые поэты видят себя во главе борьбы за новое искусство, в подражание другим левым движениям они отрицают все непосредственно им предшествующее. В «Манифесте от ничевоков» они смело сообщают о смерти поэзии [1. С. 2–3], а в «Декрете о ничевоках поэзии» провозглашают своей целью «истончение поэтпроизведения во имя Ничего» [2. С. 8]. Справедливо выделив деструктивную составляющую авангардного искусства, «ничевоки» решили сделать ее основным принципом своей творческой программы.

Летом 1921 г. они переезжают в Москву, в их хронологии мы читаем: «За 1921 год сделано более 30-ти выступлений и вечеров. Их задания: ознакомление с идеей ничевочества и агитация по дискредитированию искусства» [3. С. 3]. В марте 1922 г. видит свет сборник манифестов «Ничевоки. Собачий ящик, или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. Вып. 1», ставший главным изданием группы. Это уникальное издание носит открыто пародийный характер: пародируются общественно-политические, публицистические тексты, а также бюрократический характер отношений государственного режима с искусством. Ничевоки демонстрируют узурпацию у государства контроля над творческой деятельностью, декларируя диктатуру ничевочества. В сборник входят такие тексты, как «Приказ по организационной части», «Игра природы, или Дончека на страже интересов ничевочества», «Декрет о ничевоках поэзии», «Декрет о живописи», «Декрет об отделении искусства от государства», «Воззвание к Дадаистам» и др.

«Собачий ящик», согласно Введению, «сфабрикован для целей разложения и деморализации изящной словесности» [2. С. 5]. С первых строк мы сталкиваемся с лексикой агрессивного характера, заимствованной из канцелярских текстов эпохи, отражающих воинственную атмосферу послереволюционных лет. Парадокс основного лозунга группы – «диктатура ничевочества» выступает как крайне симптоматичный для авангардного эксперимента, вписывается в его парадигму воли и говорит об отношениях художника авангарда с властью, о его стремлении завладеть ее полномочиями. В «Приказе по организационной части» мы читаем: «Положение о Творческом Бюро разрабатывается им же самим на основании волевого революционного акта захвата жизненного организма искусства Ничевоками» [2. С. 6]. Однако, как далее выясняется в «Декрете о ничевоках поэзии», их творческая программа не состоит лишь в отрицании, в частности традиционного эстетствующего искусства, ценными для них оказываются индивидуальная сущность и «внутренний смысл вещей»: «Пора принудительно очистить поэзию от традиционного и кустарно-поэтического навозного элемента жизни во имя коллективизации объема тварности мирового начала и Личины Ничего» [2. С. 7–8]. Здесь мы находим философскую подоплеку понятия «ничего», так называемую тварность мирового начала – это то незаполненное пространство, та бесформенность, из которого рождается абсолютная субъективность, уход от любых устоявшихся значений. Ничевоки пытаются произвести акт обнуления всех смыслов и форм старой парадигмы, здесь они следуют деструктивной линии культуры раннего авангарда, провозглашающей конец искусства, экспериментирующей с разрушением формы, что в определенный момент приводит к ее исчерпанию в виде белого листа, молчания, сводит произведение искусства до жеста («Поэма конца» Василиска Гнедова), до цвета и геометрической фигуры («Черный квадрат» К. Малевича). Ничевоки стали отражением того переломного этапа, когда авангард от деструкции переходит к следующей конструктивной стадии созидания на

базе новой парадигмы. Так, с одной стороны, ничевоки начинают заигрывать с конструктивизмом (в августе 1922 г. ими объявляется тезис «перенесения искусства в общежитие» [3. С. 3]), а с другой — их путь ведет к Обериутам и абсурдизму, как это произошло с их западным аналогом — дадаизмом, повлиявшим на возникновение сюрреализма.

Упомянем также «Декрет об отделении искусства от государства», в котором ничевоки выдвигали свое творческое бюро в качестве аппарата по руководству искусством. В одном из пунктов заявляется: «В порядке планомерного развития сего постановления объявляется несостоятельность государства в вопросах руководства заготовками, учета, распределения и контроля над производством искусства» [2. С. 11]. Манифест только игра в оппозиционность: политотдел Госиздата сперва запретил издание «Собачьего ящика», но 4 февраля 1922 г. главный секретарь Творничбюро С. Садиков адресует редакторской комиссии просьбу пересмотреть свое решение «ввиду того, что книга не преследует никаких политических целей, а исключительно посвящена вопросам искусства» [4. С. 344–345]; 23 февраля запрет снят.

Помимо безусловной комичности всех претензий группы, следует признать, что ничевокам удалось через призму нового социально-политического стиля речи и образа мышления предугадать будущие отношения тоталитарной государственной власти с деятелями искусства, в 1930-е годы этот монотонный язык уже становится нормой; манифесты группы — пример работы идеологии и захватывания ею своих субъектов.

В «Воззвании к дадаистам» проявляются отношения ничевоков с западными течениями: «Говорим: “нет ничего в искусстве”. Лишь исповедуем чернильную программу словесного террора» [2. С. 13]. Метод «рефлектированного отрицания», борьба с надежными, устоявшимися ценностями, нацеленная на разоблачение ложного смысла, любой веры в общие понятия и тотализацию сближает дадаистов с ничевоками. Немецкий философ Петер Слотердаjk выделяет Дада как первый неокинизм XX в., чья атака направлена на все, что принимает себя «всерьез», идет ли речь о культуре и искусстве, или же о политике и обществе: «Дада по сути своей не течение в искусстве и не течение в антиискусстве, а радикальная “философская акция”. Он развивает искусство воинствующей иронии» [5. С. 586], дадаисты, по его мнению, «работают уборщиками мусора в пришедшей в упадок европейской идейной надстройке» [5. С. 594–595]. Ничевоки в чем-то здесь сближаются с методом дадаистов, но в отличие от последних их протестный потенциал выражается в формах традиционной культуры (манифесты, декларации, выступления, поэтические сборники). Выходки и скандалы оставили о них не самую лестную славу, современники отзывались о ничевоках с иронией, а порой и с непрекрытым презрением, все это — отражение атмосферы первых послереволюционных лет и гражданской войны, когда борьба поэтических группировок и стремление к доминированию решались во время «чисток» поэзии. Хулиганствующая манера поведения заслоняла выдвинутые группой идеалы благородного бродяжничества, со свойственными им антиматериализмом и идеализмом, идеи индивидуальной независимости, свободы творчества от государственной идеологии. Ничевокам свойственна веселость, их орудиями являются ирония, розыгрыш, блеф, смех — формы символической деструкции, веселый характер бессмысленности, скрывающиеся за всем этим категории воли и принуждения вписываются в авангардную парадигму разрушения канона и свершения революции в искусстве, нацеленной на жизнь всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Агабабов М., Ранов А., Сухаревский Л.* Манифест от ничевоков // От ничевоков чтение Вам. М., 1920.
2. В Собачий ящик введение; Приказ по организационной части; *Мар С., Николаева Е., Ранов А., Рок Р., Эрберг О.* Декрет о ничевоках поэзии; *Земенков Б., Николаева Е., Ранов А., Рок Р., Эрберг О., Садиков С.* Декрет об отделении Искусства от Государства; Воззвание к Дадаистам // Собачий ящик, или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. М., 1922. Вып. I.
3. Ничевоки // Эрмитаж. № 15. М., 1922.
4. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922.
5. *Слотердайт П.* Критика цинического разума. Екатеринбург; М., 2009.

СОВРЕМЕННАЯ КАШУБСКАЯ ПРОПОВЕДЬ КАК ДИРЕКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

© 2020 г. А.В. Семенова

Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

jaskolka@list.ru

В статье изучается директивный аспект современной кашубской проповеди – рассматривается круг лиц и сущностей, от которых исходят или которым приписываются директивы, а также языковые средства, наиболее часто используемые для трансляции воли и побуждения адресата проповеди к тем или иным действиям или разделению с проповедником тех или иных ценностей.

The study describes the prescriptive aspect of modern Kassubian homily – the range of persons and entities who issue directives or are claimed to issue directives. The author also focuses on linguistic means which are most often used to express the will or to urge the addressee of the sermon to act in a certain way and share the preacher's values.

Ключевые слова: директивные аспекты проповеди, кашубский язык, трансляция воли, адресант и адресат проповеди.

Keywords: prescriptive aspect of homily, the Kassubian language, issue directives, the addresser and the addressee of the homily.

DOI: 10.31857/S0869544X0008116-0

Кашубский язык проходит период становления в качестве литературного на протяжении последних полутора веков. Он получил статус регионального языка в 2005 г., и с этого момента носители кашубщины обрели новые права благодаря принятию закона о кашубском языке. До того кашубщина подвергалась разнообразным целенаправленным ограничивающим воздействиям. В 1980-е годы, когда политика польского государства в целом изменилась в сторону либерализма, попытки повышения статуса кашубщины все еще рассматривались как проявления «сепаратизма» и отказа кашубов от интеграции в единую польскую культуру. На протяжении последней четверти XX в. и первого десятилетия XXI в. ксендз Мариан Мётек записал около сотни проповедей, произнесенных им перед своей паствой. Проповеди вышли в сборнике под названием «Посевы Божьего слова на ниве кашубских сердец» [1]. Первые проповеди М. Мётек произносил в закрытых собраниях, не афишируя того факта, что общается с паствой по-кашубски. Последние из записанных проповедей относятся к 2007 г. после легализации кашубского языка, паломничества кашубов в Иерусалим и аудиенции у Иоанна-Павла II в Ватикане.

Учитывая политический контекст и этап развития кашубщины в период с середины 1980-х до второй половины 2000-х годов, выбор кашубщины как языка проповеди можно считать результатом волевого акта проповедника. При этом и сама проповедь является директивным актом. Особенностью проповеди является интенция говорящего, а волевая составляющая в семантике направлена на дирижирование поведением адресата [2. С. 14].

Мы рассмотрим два аспекта проявления воли в кашубских проповедях. Во-первых, чья воля проявляется в тексте проповеди, и кому эта воля приписывается. Во-вторых, проанализируем некоторые языковые средства, которые использует Мётек для донесения до паствы тех смыслов, которые, по его мнению, следует внушить адресатам и закрепить в их сознании. Покажем, с помощью каких средств достигается эффект воздействия на слушателей, трансляция адресатам проповеди волевой составляющей, благодаря которой происходит добровольное принятие транслируемых ценностей участника коммуникации.

Итак, чью волю транслирует кашубский проповедник? Жанр проповеди предполагает, что в первую очередь священник транслирует волю Бога: «Naji Zbawicél Jezës Christus przed swòjim òdédnienim zleczył apòstołóm, żebë pòdjälë dzeło głoszeniô Dobri Nowinë...» (Наш спаситель Иисус Христос перед Вознесением велел апостолам взяться за труд проповеди Благой Вести...) [1. С. 7] и Церкви как института, основанного и вдохновляемого непосредственно Богом: «Prezbiterowie jakò wespółòbòtnicë biskùpów – głosy dekret ò pòslédze i žécym ksãdzów Sobòru Watikańszégo II – mają przede wszëtczim òbòwiazk òpòwiãdaniô wszëtczim Bòzi Ewanielii...» (Пресвитеры в качестве помощников епископов – как провозглашает декрет о службе и жизни священников, принятый на Втором Ватиканском Соборе, обязаны прежде всего нести всем евангельскую весть...) [1. С. 7]. В христианской проповеди, как правило, акцент делается на том, что волю изъявляет Бог-Логос, т.е. Иисус, через Священное Писание (ср. выше), а также через святых и праведных представителей Церкви: «...Bóg w Swiãtim Pismie gòdòł przez lëdzy, na lëdzczi spòsòb...» (Бог в Священном Писании говорил через людей, в человеческой манере) [1. С. 7], либо – в католическом варианте – также через Папу Римского: «Òdemknita dwiérze Christusowi! – czãsto wòłòł [Jan Paweł II]» (Откройте двери Христу! – часто призывал [Иоанн-Павел II]) [1. С. 289]. Лица, от которых могут исходить директивы, – это Папа Римский, священник-проповедник, другие священники и рядовые члены Церкви (представители паствы самого проповедника, его прихожане и члены их семей, их окружение): «Profesor Bòrzëszkòwsczi mie namòwiòł do tegò, żebë jem sã pòdjął òdpròwianiô Mszë Swiãti pò kaszëbskù» (Профессор Божешковский потом меня уговаривал, чтобы я стал служить Мессе по-кашубски) [1. С. 9]. К сущностям, чью волю транслирует проповедник, относятся Бог и святые, жившие прежде и причисленные к лику святых, а также умершие священнослужители, которых современники и потомки считают святыми, и с просьбой о канонизации которых обращаются к Папе Римскому: «Czãstą témą kòzaniów [...] bëłë słowa zòchãtë, żebë wzbùdzac dobré intencje: “Wszëtkò, co robita, róbta na Bòżą chwałã» (Часто темой проповедей [епископа Константина Доминика] были слова побуждения, чтобы разбудить добрые намерения: «Все, что вы делаете, делайте во славу Божию») [1. С. 301].

Обратимся к языковым средствам (поскольку в статье анализируются письменные тексты, мы не касаемся паралингвистических средств, которые, безусловно, также влияют на адресата): ср. «Wp Dominik miòł dlò wszëtczich

dobre słowò. Z jegò kòzaniów przebijało głãbòczé przeżęcé wiarë i àutenticzné przekòzywané Christusa. Ksądz biskup wiedno czuł nã òdpòwiedzalnotã za głoszoné słowò, temù pewno tak baro sã do te przëklòdòł i wkłòdòł w to serce, żebë dobrze przëszëkòwac kòżdã nôukã. Trzeba wiedzec, że Bòzi Słëga przemòwiòł wiedno tak przekònëjãco, że tak bëłò i kùńc. Czedës [...] gosył kòzanié ò Òstatecznym Sądze. Czej wëpòwiòdòł słowa, że “zbawioni pùdã na prawã stronã, a niesprawiedlëwi na lewã”, lëdze w kòscele płakelë i pewno czëlë sã, jakbë ten sąd ju przëszedł, bò tak mimo wòlë przësuwelë sã na prawã stronã kòscoła» (Епископ Доминик для каждого находил верное слово. В его словах просвечивало глубокое переживание и аутентичная проповедь Христа. Епископ всегда чувствовал ответственность за произнесенное слово, поэтому, вероятно, так вкладывался и вкладывал в [свои слова] сердце, чтобы хорошо подготовиться к каждой проповеди. Если бы вы знали, как убедителен был слуга Божий – каждому было ясно, что в жизни произошло именно так, как он представлял. Когда он [...] произнесил проповедь о Страшном суде, когда произносил слова о том, что спасенные отойдут на правую сторону, а грешники – на левую, люди в костеле плакали и, вероятно, чувствовали себя так, будто суд уже состоялся, потому что помимо воли перемещались на правую сторону костела) [1. С. 301]. В приведенном отрывке указывается как на паралингвистические способы воздействия («...в его словах просвечивало глубокое переживание, чувствовал ответственность за произнесенное слово»), так и на собственно лингвистические – для каждого находил верное слово, что приводило к ощущению присутствия внутри Евангельской реальности у прихожан и заставляло их испытывать сильные эмоции. Таким образом, убедительность и верно подобранные слова заставляли прихожан испытывать определенные чувства и совершать помимо воли определенные действия.

Среди основных языковых конструкций и средств, применяющихся в проповедях для воздействия на аудиторию, следует отметить повторы, в том числе развернутые, языковые метафоры, риторические вопросы, формы побудительного наклонения и многочисленные другие модальные формы. Также проповеди присуща категория диалогизации, проявляющаяся на всех уровнях языка – «при активной роли ведущего коммуниканта (священника) речевые роли остальных коммуникантов (паствы) минимизированы статусностью произведения или ретранслируемы посредством священника» [2. С. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Miotk M.* Ks. Séw Bòzégò Słowa na niwie kaszëbszczich serc. Gdańsk, 2008.
2. *Кузьмина К.А.* Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

КАВКАЗСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
БЕЛОРУССКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ И.Д. ГОРБАЧЕВСКОГО

© 2020 г. О.В. Матвеев

*Д-р ист. наук, профессор Кубанского государственного университета**vim12@rambler.ru*

Статья продолжает серию публикаций автора о белорусско-кавказских связях и посвящена кавказскому периоду жизни и творчества белорусского писателя, этнографа и педагога И.Д. Горбачевского. На материалах местных архивов, а также работ просветителя, напечатанных в 1897–1910 гг. показан глубокий интерес преподавателя городского училища к вопросам народного образования. Кавказские материалы биографии Горбачевского существенно дополняют имеющиеся о нем сведения, расширяют представления о масштабах творческой личности белорусского просветителя.

The article continues the author's series of publications about the Belarusian-Caucasian relations and is devoted to the Caucasian period of life and work of the Belarusian writer, ethnographer and teacher Ivan D. Gorbachevsky. Materials of the local archives, as well as the works of the educator published in these years (1897–1910) show the deep interest of the teacher of the city school to the issues of public education and the transfer of labor skills pupils, their socialization and love for the past of their homeland. Caucasian materials to Gorbachevsky's biography significantly complement the available information about him, expand our understanding of the scale of this creative personality.

Ключевые слова: просветительство, фольклор и этнография, педагогические идеи, И.Д. Горбачевский.

Keywords: enlightenment, folklore and ethnography, pedagogical ideas, Ivan D. Gorbachevsky.

DOI: 10.31857/S0869544X0008117-1

Имеющиеся биографические сведения о выдающемся белорусском этнографе, писателе и педагоге Иване Даниловиче Горбачевском (1860–1914) до сих пор носят фрагментарный характер, не раскрывают в полной мере наследие этого просветителя белорусского народа [1. С. 209; 2. С. 486]. Лишь в последнее десятилетие белорусскими коллегами стали предприниматься усилия по возвращению наследия незаслуженно забытого прозаика, исследователя народного творчества и учителя [3–6]. Поскольку часть жизни И.Д. Горбачевский провел на Кавказе, то в местных источниках отложились сведения, позволяющие дополнить и уточнить имеющиеся наработки его творческой биографии.

Работы об И.Д. Горбачевском не указывают место его рождения и происхождения. Так в «Антологии педагогической мысли Белорусской ССР» (составители Э.К. Дорошкевич и М.С. Мятельский) отмечается, что год рождения и смерти писателя неизвестны, а «биографических сведений об И.Д. Горбачевском почти не сохранилось» [1. С. 209]. «Белорусская энциклопедия» хотя и называет даты жизни 1860–1914, однако также ничего не сообщает о его происхождении [2. С. 486]. Современные белорусские авторы упоминают лишь о том, что Иван Данилович в 1885 г. окончил Виленский учительский институт, а первые шаги на педагогическом и литературном поприще сделал во время работы в Долысском народном училище Невельского уезда Витебской губернии [4. С. 198; 6. С. 62–63].

Документы кавказских архивохранилищ позволяют установить точное место рождения и происхождения Ивана Даниловича. В личном деле И.Д. Горбачевского, хранящемся в Центральном государственном архиве республики Северная Осетия–Алания (ЦГА РСО-А), имеется свидетельство, согласно которому «рождение и крещение его по метрической книге Бочейковской церкви за тысяча восемьсот шестидесятый (1860) год под № 19 записанным именно так: мая седьмого рожден, а девятого крещен Иоанн. Родители его: имения Бочейкова помещика Павла Цехановецкого, местечка Бочейкова крестьяне Даниил Петров и законная жена его Пелагия Афанасьева, оба православного вероисповедания» [7. Л. 4]. Жители села Бочейково (отметившего в 2010 г. 550-летний юбилей) Бешенковичского района Витебской области Республики Беларусь, показывающие сегодня туристам остатки парка помещиков Цехановецких, по-видимому, не подозревают, что являются земляками одного из видных дореволюционных белорусских просветителей.

Формулярный список И.Д. Горбачевского, сохранившийся в ЦГА РСО-А не упоминает о его службе в Далысском народном училище (ныне – деревня Усть-Долыссы в Невельском районе Псковской области), как и об окончании Плоцкой учительской семинарии, о чем пишут белорусские коллеги. Согласно этому документу, Горбачевский «окончил курс в Виленском учительском институте с званием городского учителя, в чем ему выдано свидетельство от 13 июня 1885 г. за № 295» [7. Л. 10об.]. Далее, 22 августа 1885 г. он был назначен учителем математики и географии Троцкого уездного училища (г. Троки Троцкого уезда Виленской губернии); 21 августа 1886 г. – учителем русского языка и истории в том же училище; 1 октября 1888 г. перемещен на должность учителя Лепельского городского училища, 9 августа 1893 г. – на должность учителя Невельского уездного училища [7. Л. 10об.–11об.]. В деле сохранилось также обязательство воспитанника Виленского учительского института Ивана Данилова Горбачевского от 15 августа 1882 г. в том, что он обязуется по окончании курса наук прослужить шесть лет в должности учителя городского училища или его помощника. «В противном случае, – писал Горбачевский, – я обязываюсь возратить по расчету ста пятидесяти рублей в год деньги, израсходованные в Институте на мое образование. Во время пребывания в Институте обязуюсь исполнять беспрекословно требования институтского начальства, подчиняться всем порядкам и правилам, предъявленным мне от Института; не буду стараться поступать в войска на правах вольноопределяющихся» [7. Л. 7]. Возможно, заинтересуют белорусских коллег и сведения об успеваемости Горбачевского в сохранившемся в деле аттестате, выданном педагогическим советом Виленского учительского института 13 июня 1885 г. Выпускник «при отличном поведении оказал успехи в Законе Божиим весьма хорошие, русском и церковнославянском языке хорошие, математике (арифметике, алгебре, геометрии) хорошие, истории отличные, географии весьма хорошие, естествоведении весьма хорошие, черчения,

рисовании, чистописании хорошие, педагогике и дидактике отличные, пении удовлетворительные, гимнастике хорошие» [7. Л. 2].

До назначения на Кавказ Горбачевский изучал историю, фольклор и быт белорусов. На страницах газеты «Витебские губернские ведомости» увидели свет его первые корреспонденции, а затем и зрелые публицистические, научные и литературные труды. В историко-этнографических очерках на основе различных фольклорных материалов и исторических источников он доказывал существование на территории белорусских земель коротких водных путей восточных славян («Про волоки Великого водного пути из варяг в греки»), дал характеристику селам и деревням Западной Двины («Вниз по Двине»), описал природу, состояние земледелия и скотоводства, торговли, промыслов, образования в Лепельском уезде Витебской губернии. Горбачевский изучал архаические верования, обряды и обычаи предков полешуков. На богатом полевом материале написано его исследование «Древность белорусских песен и их напевов», в котором Горбачевский обратил внимание на состояние белорусской народной поэзии и с горечью писал, что старые песни все реже фиксируют собиратели, имея дело в основном с новыми текстами, заимствованными из солдатского репертуара и городского фольклора. При этом он отметил музыкальность белорусов, указав на широкое распространение цымбал, скрипок, дудочек и пр. [3. С. 227]. В этой же работе он обратился к истории возникновения и развития белорусского языка. Важное место в его творческом наследии занимает острый публицистический очерк «Союз ревнителей русского языка», в которой писатель горячо выступил против засорения русского языка иностранными словами [3. С. 227]. В литературных произведениях Горбачевский отстаивал человеческое достоинство, совесть, отношение к родной земле («Земля и плуги», «Не дошел до родного дома и др.). Наполнена древнерусским фольклорным колоритом, календарными и семейно-обрядовыми песнями его историческая повесть «Старина стародавняя», написанная в 1897 г. и посвященная восстанию древлян против князя Игоря.

Однако своей основной профессией И.Д. Горбачевский считал труд народного учителя. Он учил детей в школе и писал для них книжки-подарки «Птичий концерт», «Тихая радость» и др., прививал своим маленьким читателям любовь к родному краю и его природе. Особое место среди его педагогических публикаций занимает работа «Сельский учитель», где описан опыт сельских учителей Николая Ивановича и его супруги Натальи Афанасьевны, но при этом изложены собственные педагогические взгляды и убеждения. Основную роль Горбачевский отводил трудовому обучению и воспитанию [1. С. 209–211]. Он не раз выступал в печати с призывами по созданию при школах садов, огородов, пасек, мастерских, рекомендовал давать школьникам знания, которые пригодятся им в жизни.

В Государственном архиве Краснодарского края сохранилось небольшое дело, из документов которого мы узнаем о просьбе И.Д. Горбачевского перевести его на Кавказ. 18 марта 1897 г. попечитель Кавказского учебного округа написал попечителю Виленского учебного округа: «Учитель Невельского уездного училища Витебской губернии коллежский асессор Иван Горбачевский просит о перемещении его на службу в вверенный мне учебный округ. В виду сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне, не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к перемещению его на службу в Кавказский учебный округ; выслать мне в утвердительном случае копию послужного списка Горбачевского» [8. Л. 2].

26 мая 1897 г. попечитель Виленского учебного округа ответил, что «к перемещению г. Горбачевского на службу в Кавказский учебный округ препятствий с моей стороны не встречается» [8. Л. 4]. Приказом по управлению Кавказским учебным округом коллежский асессор Горбачевский с 6 июня 1897 г. был назначен сверхштатным учителем Баталпашинского городского училища [9. С. 666].

С 1 сентября 1897 по 1 сентября 1898 г. Горбачевский исполнял обязанности секретаря педагогического совета училища. За «отлично-усердную службу и примерное исполнение секретарских обязанностей получил в пособие из специальных средств сто руб.» [7. Л. 12об.]. В 1898 г. Горбачевский стал членом-сотрудником Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) [10. С. 233]. Это общество не только занималось всесторонним изучением Кубани, но и осуществляло широкое распространение краеведческих знаний. Кроме того, писатель активно участвовал в благотворительной деятельности: 24 мая 1900 г. Горбачевский был назначен директором Баталпашинского отделения Тюремного комитета [7. Л. 13]. 21 декабря 1899 г. ему был пожалован чин надворного советника, а 1 января 1900 г. «за отлично-усердную службу» он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени [7. Л. 12об.].

Работу в училище Горбачевский совмещал с выступлениями в местной печати по насущным вопросам народного образования. 28 сентября 1897 г. в «Кубанских областных ведомостях» была опубликована статья И.Д. Горбачевского о состоянии учебного дела в ст. Баталпашинской. Он сообщал, что «в ремесленных классах при городском училище изучается кузнечное, слесарное, столярное, шорное и седельное мастерства. [...] Благодаря умелому, практическому ведению дела, ремесленные классы имеют более характер благоустроенной мастерской, нежели заурядных училищных классов, изготовляя вещи по изяществу и прочности не уступающие дорогим фабричным изделиям» [11. Л. 2]. Горбачевский упоминает и о «пище духовной» для учеников — духовом училищном оркестре из 22 инструментов, который «уже не раз с самой похвальной стороны заявил о себе перед местной публикой стройным исполнением народного гимна и других музыкальных вещей, во время училищных и войсковых празднеств, заслужив общие похвалы и симпатии военного и иногороднего населения» [11. С. 2]. Учитель рассказал о воскресной школе для взрослых при училище, «образцовой постановке народных чтений», народной библиотеке при народном училище, «весьма благоустроенной пасеке», разведении шелковичных червей, давшей прекрасные результаты.

В другой корреспонденции И.Д. Горбачевского говорилось об опыте инспектора Баталпашинского городского училища Потапова по привлечению горских обществ к сельскохозяйственным занятиям в народных училищах. Речь идет об учителе-инспекторе, коллежском советнике Сергее Гавриловиче Потапове [12. С. 58]. Директор народных училищ поручил ему, «как знатоку местного населения и его экономического быта, объехать горские аулы Баталпашинского отдела и убедить горские общества в необходимости открытия у них народных училищ». Имея заслуженную репутацию у черкесов и абазин, дети которых обучались в городском училище, Потапов «блистательно выполнил возложенную на него трудную миссию, убедив Каменномостское, Сентисское, Тазартуковское, Джегутинское, Эрсаконское, Касаевское, Баташевское, Хахандуковское, Клычевское, Шах-Гиреевское и Дударуковское горские общества составить приговоры об открытии у них сельских нормальных училищ и возбудить ходатайства о пособии на означенные училища из государственного казначейства» [13. С. 4].

Все горские общества обязались выделить из числа юртовых земель от 1 до 3 дес. для практических занятий. При этом Потапов пообещал выделить из питомника городского училища 400 саженцев тутового дерева, поскольку «климат всех горских селений благоприятен для занятий шелководством». Горбачевский сообщил также, что «горцы выразили желание даже и девочек своих приучать к этому легкому и доходному промыслу, что может послужить действительным средством для сближения с училищем горской женщины, устраненной обычаем от проявлений всякой общественной жизни» [13. С. 4].

Для директора народных училищ Кубанской области Горбачевский написал специальную работу в виде реферата «Желательный тип ремесленных классов при низших училищах» по материалам съезда деятелей технического и профессионального образования в Санкт-Петербурге в 1898 г. [14. С. 16]. В июле 1899 г. в двух номерах «Кубанских областных ведомостей» была напечатана большая статья Горбачевского «Сельскохозяйственные занятия при Баталпашинском городском училище». Иван Данилович отметил, что раньше выпускники этого учебного заведения в основном поступали в Ставропольское юнкерское казачье училище, либо становились народными учителями. С закрытием юнкерского училища и с усложнением программы на звание народного учителя «только наиболее способные из них добиваются учительского или офицерского звания, остальные увеличивают собой кадры того канцелярского пролетариата, который в старину назывался крапивным семенем, и немногие по необходимости возвращаются на отцовские хозяйства, получив во время прохождения учебного курса отвращение к хозяйственным занятиям и простой, трудовой жизни» [15. С. 3]. Эти молодые люди часто составляют «обузу и несчастье для своих родственников», поэтому наученные горьким опытом «хозяйственные казаки, чтобы не потерять последних работников, часто довольствуясь простой грамотностью, забирают младших сыновей из 3 или 4 класса городского училища, покамест те еще не успели отбиться от хозяйства». Это явление заставляет всерьез задуматься тех педагогов, которые «желают добра сельскому населению и сознают, что школа всеми своими средствами должна стремиться не к разрушению рабочей семьи и хозяйства, а напротив, еще к большему ее сплочению и к возможному улучшению захудалого русского хозяйства» [15. С. 3]. Самым действенным средством для решения этой важной социальной проблемы Горбачевский считал занятия сельским хозяйством при училище, которые если и «не уничтожат зла окончательно, то во всяком случае значительно поддержат связь между школой и хозяйством, приучая детей к физическому труду и сельскохозяйственным работам и распространяя среди них разумные знания по различным отраслям хозяйства».

Иван Данилович рассказал об опыте своих коллег по Баталпашинскому городскому училищу по занятиям с детьми садоводством, выращиванию шелковичных червей, работах учеников на учебной пасеке, удостоенных большей серебряной медали на Нижегородской выставке и похвальных отзывов на Тифлисской сельскохозяйственной выставке. Однако инспектор посетовал на недоверие и невежество местных казаков, которые «несмотря на неоднократные протесты и жалобы инспектора училища, систематически вытравляют участок скотом, так, что для охранения от порчи и расхищения насаждений училище принуждено содержать на участке отдельного сторожа. Бывали также случаи, что казаки, особенно из вкусивших цивилизации на службе в столицах, запрещали сыновьям занятия на участке, находя это излишним, так как желают своих сыновей в будущем видеть «офицерами» или «писарьями»» [16. С. 3]. По мнению Горбачевского, «по косности своей и необразованности, казаки всегда склонны выражать протест против

всех полезных нововведений в сфере их общественной жизни». Учитель привел пример двадцатилетней давности, когда начальник Баталпашинского уезда Стопчанский, желая придать «Баталпашинску более приличный вид, очистил, выровнял церковную площадь и обсадил её деревьями. Кажется, что лучше и желать не нужно, но “общественные деятели” рассудили иначе и, вооружившись топорами, в одну темную ночь поработали так усердно, что к утру площадь приняла прежний вид мерзости и запустения. Значит: “не заводите у нас своих городских порядков: общество этого никогда не допустит”» [16. С. 3].

Ивану Даниловичу, человеку интеллигентному и приезжему, все дело представлялось лишь через призму «мрака невежества в народе». В действительности все было гораздо сложнее. Указом Александра II 30 декабря 1869 г. станица Баталпашинская была преобразована в город Баталпашинск, однако данное решение так и не было претворено в жизнь вплоть до советских времен. Другой местный учитель Ф.Ф. Арканников в 1881 г. объяснял это следующим образом: «Баталпашинску не суждено скоро быть городом: коренное население казаки-хоперцы положительно, как мы неоднократно наблюдали, не желают этого города, не желают и платить, буде придется, что-либо в пользу его, ни приписываться в горожане и не переселяться в другие станицы, словом, они могли бы пожелать этого города при одном условии, довольно странном, если бы этот город для своего поселения избрал бы место за станицею» [17. С. 1]. Так что дело было не столько в «косности и невежестве» казачества, сколько в стремлении отстоять свои сословные интересы в условиях везде проникающей модернизации и трансформации традиционных устоев.

В то же время Горбачевский высказал весьма актуальные даже сегодня соображения о занятиях с учениками сельскохозяйственным трудом. Первое, на что он указал — занятия не должны иметь характера принуждения. «При правильной и разумной постановке дела, — писал Иван Данилович, — в понуждении учеников к работе никогда не встретится надобности, потому что хорошие ученики никогда не отстанут от своего достойного, трудолюбивого учителя. Никогда не следует даже допускать и мысли о том, чтобы ученики работали в пользу учителей или начальника училища: это может породить массу недоразумений и уронить дело даже при самой хорошей его постановке» [16. С. 3]. Учеников необходимо «делать участниками выгод от их сельскохозяйственных занятий, щедро выдавая им семена, саженцы и даже рои пчел». Школьникам необходимо отдавать отдельные грядки и участки питомника, чтобы «они за свои добросовестные труды пользовались известной частью дохода». Это развивает, по мысли Горбачевского, «благородную» соревновательность в труде, стремление получить пользу от последнего. Во-вторых, руководители подобных занятий должны «изучить дело не только теоретически, но и практически, чтобы собственным невежеством не уронить дело в глазах учащихся и взрослых. Учителя должны показывать пример в труде: даже и самые ленивые постыдятся не работать, когда увидят почтенные мозоли на руках своего учителя» [16. С. 3]. В-третьих, считал И.Д. Горбачевский, «не следует пренебрежительно относиться к старинным приемам хозяйства, которые целые тысячелетия поили и кормили население, а удобнее улучшения вести параллельно с традиционными культурами, чтобы на опыте показать преимущества разумных нововведений по хозяйству. К нововведениям, требующим значительных издержек, следует прибегать весьма осторожно, так как местные общества привыкли смотреть на них весьма настороженно, как на благовидный предлог для расходования общественных денег» [16. С. 3].

15 ноября 1899 г. попечитель Кавказского учебного округа писал директору народных училищ Кубанской области: «Покорнейше прошу ваше превосходительство выразить от моего имени благодарность учителю Баталпашинского городско-го училища Горбачевскому за присылку сочинений, о выходе в свет коих мною сделано распоряжение на напечатание в ближайшем номере циркуляра» [18. Л. 6].

На Кавказе И.Д. Горбачевский, по-видимому, познакомился с земляками-выходцами из белорусских губерний, привлеченными в край стремлением выбраться из тягот малоземелья и слухами о дешевизне жилья и земельной аренды в местных казачьих станицах [19. С. 107–109]. Не исключено, что этими встречами была навеяна его статья, вышедшая в «Витебских губернских ведомостях» в 1897 г. «Везде хорошо, где нас нет (в назидание землякам-белорусам, одержимым переселенческим недугом)». Позднее статья была издана отдельной брошюрой [14. С. 15].

Продолжил И.Д. Горбачевский обрабатывать и публиковать свои белорусские полевые записи, активно сотрудничая с «Витебскими губернскими ведомостями». С Кавказа он отправил в газету этнографический очерк «На Припяти», где дал характеристику отдельным аспектам традиционной культуры белорусского Восточного Полесья.

В ст. Баталпашинской Горбачевский занимался и литературным творчеством. В «Витебских губернских ведомостях» он опубликовал повесть из жизни сельской учительницы «Что-то с ней будет?», а в 1898 г. повесть вышла отдельным изданием. Белорусские литературоведы считают, что это произведение было создано во время службы учителем в Придвинском крае [3. С. 227], однако повесть очевидно была написана на Кавказе. Во-первых, на форзаце изданной отдельной книгой повести указано, что публикация «дозволена цензурою 28 февраля 1898 года» [20. С. 2]. К этому времени Горбачевский уже восемь месяцев служил в ст. Баталпашинской. Во-вторых, одним из аргументов в полемике героини повести с Наумом Прокофьевичем служит упоминание о том, что «на Кавказе в интеллигентных колониях высокообразованные женщины с успехом трудятся и исполняют все хозяйственные работы» [20. С. 10]. Это косвенное обстоятельство также говорит в пользу кавказского происхождения повести. Наконец, если бы произведение было создано еще в Виленской губернии, вряд ли упоминание о нем попало в Отчет попечителя Кавказского учебного округа за 1898 г. [14. С. 15]

В повести писатель поднял большую социальную проблему совместимости интересов идущих в народ романтически настроенных учителей и белорусских крестьян, смотревших на все порывы и устремления прибывших в село молодых людей как на «панскую» блажь. Героиня повести Лидия Егоровна разочаровалась в местном обществе и решила стать народной учительницей, сеять разумное, доброе, вечное среди крестьянских ребятишек: «Посвящу все свои силы и способности этому святому делу. Буду любить крестьянских детей, учить их всему хорошему, воспитывать в них добрые человеческие чувства. Меня все будут любить, как близкую родную, и я буду очень счастлива и довольна судьбой» [20. С. 9]. Однако жизнь оказалась сложнее и суровее, чем это представлялось девушке, попавшей на службу в белорусское село Залесье. «Новая странная обстановка своей грязью и беднотой поразила ее до крайности». Несмотря на то, что Лидия Егоровна «с большим любопытством изучала деревенскую жизнь и привязывалась к простому народу», ее все продолжали считать «паненкой». Да и сама она вскоре почувствовала себя совершенно чужой в крестьянской среде. Единственным утешением Лидии Егоровны стал учитель из соседнего села Дубровки Наум Прокофьевич, который отличался

«примерным своим трудолюбием, знанием дела и ровным выдержанным характером. Ведя отлично учебное дело, он вместе с тем с большим успехом занимался пчеловодством, огородничеством и, вообще, опытным при училище хозяйством, никогда не прибегая к наемному труду» [20. С. 17]. Его прототип явно просматривается в биографических фактах самого автора повести [3. С. 227]. Вместе с Наумом Прокофьевичем читатель посещает крестьянское жилище, живет рядом с белорусскими крестьянами, постигая богатство и колорит традиционной культуры. В канву произведения органически вплетаются рождественские Святки, Пасхальные празднества, купальские песни и обряды («А шла Купала селом, селом»), песня «про лютую свекровь и бедную, страдавшую невестку» («Дуброва моя зеленая, / Свекровь моя шаленая»).

Органически вплетается белорусское народное творчество и в повесть писателя «Не дошел до родного дома», также опубликованной в «Витебских губернских ведомостях» в 1898 г. Народные легенды, предания и обычаи сочетаются с пейзажами белорусской природы и создают неповторимое духовное пространство, присущее земле этого удивительного восточнославянского народа [3. С. 227]. Повесть носит антивоенный характер, рассказывает о том, как отрыв человека от родной земли, непривычные условия армейской муштры и унижения человеческого достоинства превращают труженика в нравственного калеку.

22 июня 1902 г. И.Д. Горбачевский был назначен инспектором Кисловодского городского училища Терской области [7. Л. 13] с жалованием 640 руб. в год [21. С. 251]. О его службе в Кисловодске сведения весьма скудны. Местные краеведы мельком упоминают имя И.Д. Горбачевского лишь в связи с историей здания городского училища [22].

На Кавказе в семье Горбачевских появились дети. Иван Данилович был женат на Анне Петровне Заиц, вышедшей из купеческого сословия. У супругов родились дочери: 11 ноября 1897 г.— Елена, 15 февраля 1901 г.— Евгения, 23 сентября 1903 г.— Зинаида, 4 августа 1906 г.— Наталья [7. Л. 11].

Об этом времени в одном из дел Государственного архива Краснодарского края сохранился интересный документ. Это — прошение И.Д. Горбачевского на имя попечителя Кавказского учебного округа от 25 июля 1905 г., в котором Иван Данилович просит назначить его инспектором народных училищ. «Ваше превосходительство, Михаил Романович! — писал И.Д. Горбачевский. — От инспектора народных училищ Терской области г. Успенского я узнал, что он в непродолжительном времени оставит свою должность. При этом и мне невольно улыбнулась мысль о возможности потрудиться в должности инспектора народных училищ, если ваше превосходительство признает, что просьба моя об этом не превышает моей педагогической опытности. Начав педагогическую службу еще в восьмидесятых годах народным учителем, когда учителями много было идеалистов, по справедливости заслуживших от народа название “скромных, честных и полезных тружеников”, как бы я был счастлив, если бы снова очутился среди учителей в качестве их советника, руководителя и пытливого защитника, о чем до сего времени не только мечтал и писал в своих рассказах из школьной жизни. Мне отраднo было бы и то, что между учителями встретил бы и своих питомцев по педагогическим партам, которые, безусловно, дружно бы работали под руководством своего бывшего учителя. Не говорю о том, что назначение это явилось бы истинным благодеянием вашего превосходительства для меня и семьи в заключении моей учительской службы.

С истинным почтением и глубочайшей преданностью честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Горбачевский. Инспектор Кисловодского городского училища. Кисловодск, 10 июля 1905 г.» [8. Л. 14–15]. Как видим, И.Д. Горбачевский был не чужд честолюбивых помыслов и стремления к росту в служебной карьере. Последнюю он рассматривал и как средство внедрения своих педагогических идей на уровне всей Терской области.

Однако просьба Горбачевского осталась без удовлетворения. Спустя четыре года, 18 мая 1909 г., он был перемещен на должность инспектора Кизлярского городского училища [7. Л. 13], а 28 января 1910 г. «уволен со службы согласно прошению по болезни» [7. Л. 55об.], как писал сам Горбачевский 5 февраля 1910 г., «по совершенно расстроенному здоровью» [7. Л. 53]. Он покинул Кавказ и обосновался в Рогачёве, где провел последние четыре года жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / Сост. Э.К. Дорошкевич, М.С. Метельский и др. М., 1986.
2. *Скидан В.И.* Гарбачэўскі І.Д. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Т. 2.
3. *Русецкий А.В., Русецкий Ю.А.* Художественная культура Витебска с древности до 1917 года. Минск, 2001.
4. *Хорошка Г.П.* Иван Данилавіч Гарбачэўскі – знаўца і прапагандыст народнага мастацтва віцебшчыны // Наука – образованию, производству, экономике: Материалы XV (62) региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО «ВГУ им. П.М. Машерова», Витебск, 3–5 марта 2010 г. Витебск, 2010.
5. *Снапковская С.В.* Развитие образования и педагогической мысли Белоруссии во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2011.
6. *Чечет В.В.* Краевед, учитель, писатель... // Веснік Адукацыі. Минск, 2016. № 4.
7. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 123. Оп. 2. Д. 292.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 427. Оп. 2. Д. 385.
9. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКВО) за 1897 год. Тифлис, 1897. № 9. Сентябрь.
10. *Ратушняк Т.В.* Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). Краснодар, 2013.
11. *Горбачевский Ив.* Ст. Баталпашинская (Учебное дело) // Кубанские областные ведомости. 1897. 28 IX.
12. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898.
13. *Горбачевский Ив.* Ст. Баталпашинская // Кубанские областные ведомости. 1897. 12 XII.
14. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1898 год. Тифлис, 1899. Приложение III. Сведения об особых трудах служащих в учебных заведениях Кавказского учебного округа за 1898 год.
15. *Горбачевский Ив.* О сельскохозяйственных занятиях в Баталпашинском городском училище // Кубанские областные ведомости. 1899. 6 VII.
16. *Горбачевский Ив.* О сельскохозяйственных занятиях в Баталпашинском городском училище (окончание) // Кубанские областные ведомости. 1899. 8 VII.
17. *Арканников Ф.* Из путевых заметок по некоторым местам Баталпашинского уезда // Кубанские областные ведомости. 1881. 14 XI.
18. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1127.
19. *Матвеев О.В.* Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2013.
20. *Горбачевский И.Д.* Что-то с ней будет? Повесть. Витебск: Губернская Типо-Литография, 1898.
21. Личный состав Кавказского учебного округа к 1-му января 1904 года. Тифлис, 1904. Ч. I.
22. *Боглачев С.В., Савенко С.Н.* Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ВЕНГЕРСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В УДМУРТИИ В 1943–1949 ГОДАХ

© 2020 г. Д.В. Перовошиков

*Канд. ист. наук, младший научный сотрудник Удмуртского института истории,
языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения РАН*

dmitryzh76@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38.

В статье на основе архивных документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, рассматривается жизнедеятельность венгерских военнопленных в Удмуртии в 1943–1949 гг., указывается их количество, содержится информация о трудовой деятельности пленных из Венгрии на предприятиях Удмуртии, антифашистской работе, организованной среди них. Приводятся данные о лечении представителей спецконтингента из этой страны в госпиталях и лагерных лазаретах. По мнению автора статьи, нелегкие условия плена были смягчены в отношении венгров тем, что их репатриация началась довольно скоро, а отношение лагерных администраций и местного населения к ним было более лояльным, чем к бывшим солдатам и офицерам германской армии.

The paper considers the life and activity of the Hungarian prisoners of war (PoWs) in Udmurtia in 1943–1949. The research is conducted on the basis of archival documents. A part of the materials was earlier unknown to scholars. The article contains data about the quantity of a former soldiers and officers of the Hungarian army who lived and worked in the republic. The paper deals with a labour activity of the Hungarian PoWs, a cure in the special points of a medical service, an antifascist measures for the PoWs. The author states that conditions in the Soviet captivity were for Hungarian PoWs better than for the Germans because the repatriation of former soldiers and officers of the Hungarian army began earlier and the treatment by the camp administration and Soviet citizens was more tolerable.

Ключевые слова: Удмуртия, венгерские военнопленные, лагеря, спецгоспитали.

Keywords: Udmurtia, Hungarian prisoners of war, camps, special hospitals.

DOI: 10.31857/S0869544X0008118-2

В 1941 г. вместе с немецкими армиями против СССР выступили дивизии из Италии, Финляндии, Румынии, Словакии, Испании. Не остались в стороне от этой агрессии и вооруженные силы Венгрии. Они находились под общим командованием контр-адмирала М. Хорти. Непосредственно перед 22 июня 1941 г. венгерский корпус входил в состав немецкой группы армий «Юг», которая по мысли руководства гитлеровской Германии должна была молниеносно захватить Молдавию, Украину, Крым. Несколько позже 2-я венгерская армия находилась в группе армий «Б», нацеленной на Сталинград. По данным Генерального штаба Красной армии, в ноябре 1942 г. советским войскам противостояли 13 венгерских дивизий [1. С. 76].

После успешной операции по окружению группировки Ф. Паулюса под Сталинградом ситуация на фронте кардинально изменилась. Все больше и больше венгерских солдат и офицеров попадало в советский плен. В результате проведения в январе 1943 г. Воронежско-Касторненской операции десять дивизий противника оказались в окружении в районе населенных пунктов Латная, Хохольский, Нижнедевицк. Вместе с другими немецкими частями был разгромлен 3-й корпус 2-й венгерской армии. Многие солдаты и офицеры из этого подразделения попали в советский плен. Та же участь постигла и тех, кто был окружен юго-восточнее г. Острогожск Воронежской области. В результате успешной операции советских войск в этом районе прекратили существование 15 дивизий гитлеровского военного блока. В плен попали 86 тыс. немецких, венгерских, итальянских солдат и офицеров. В 1944–1945 гг. были разгромлены 1-я и 3-я венгерские армии [2. С. 33, 192, 328, 329, 630]. Многие военнослужащие из этих подразделений также сдались представителям Красной армии. Среди вражеских солдат и офицеров, которые к 18 июня 1945 г. были взяты советскими войсками в плен, числилось 425 319 венгров [3. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 37. Л. 5].

Проблема содержания венгерских военнопленных в СССР в 1941–1949 гг. получила отражение в работе В.П. Галицкого [4. С. 44–55]. Автор на основе архивных документов, рассекреченных незадолго до упомянутой публикации, проанализировал положение бывших военнослужащих армии контр-адмирала Хорти в Советском Союзе. Впервые в открытой печати были опубликованы полные данные о количестве венгерских военнопленных, содержащихся в СССР. В.П. Галицкий рассмотрел также вопрос об их репатриации на родину. Проблема содержания пленных венгров в СССР затрагивалась в исследованиях Н.В. Суржиковой [5], Б.О. Жангуттина [6], А.Л. Кузьминых [7], Н.Н. Макаровой [8]. Однако до сих пор тема остается недостаточно изученной как в общесоюзном, так и в региональном формате, в том числе, на материалах Удмуртии.

В 1941–1949 гг. в республике было развернуто четыре лагеря Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР и семь спецгоспиталей, где представители спецконтингента проходили медобслуживание. Бывшие иностранные военнослужащие работали на торфо- и лесозаготовках, на промышленных предприятиях и в строительстве, получая зарплату за свой труд. Первые немногочисленные венгерские военнопленные из войск гитлеровской коалиции появились в Удмуртии в лагере № 75, который в 1941–1947 гг. располагался в пос. Рябово Увинского района. По положению на 5 декабря 1943 г. из 1104 пленных только трое были по национальности венграми. К этому же сроку в лагере № 155, дислоцировавшемся

в нескольких километрах северо-западнее пос. Ува, находились лишь двое их земляков [9. С. 281].

Впоследствии количество военнопленных из Венгрии выросло. В марте 1947 г. только на Увинском торфопредприятии в районе Рябово были задействованы 107 представителей этой страны. А всего в это время в республике находились 756 пленных венгров [9. С. 216].

Наибольшее количество бывших солдат хортистской армии содержалось в лагере № 371, который в 1945–1948 гг. располагался в Ижевске. По положению на январь 1946 г. в этом городе находился 3571 пленный из Германии, Австрии, Румынии и других стран. Причем в указанный период времени в лагере числилось 664 солдата из Венгрии, которые по количеству пленных оказались на втором месте после немцев [З. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 288. Л. 4]. Значительная часть уроженцев этой страны работала на металлургическом заводе № 71, в системе строительного треста № 51. Некоторые венгры, трудившиеся на ижевских предприятиях и стройках, даже значились в передовиках производства. Например, в списках лучших бригадиров из лагеря № 371 числился пленный Кадар [З. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7. Л. 116]. В 1947 г. четыре подразделения, состоявшие из бывших солдат хортистской армии, систематически выполняли производственные нормы от 110 до 139,7%. Рота под руководством Я. Иштвана считалась самой передовой и работоспособной. В числе лучших производственников числились также И. Ваконди, Л. Алмохт, И. Георгени [З. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 30–31].

В середине марта 1947 г. в Удмуртии насчитывалось 756 венгерских военнопленных. Некоторых из них жизнь в лагерях и работа на предприятиях не устраивала, и они предпринимали попытки побегов. Так, летом 1946 г. военнопленный Л. Кочиш самовольно покинул зону дислокации лагеря № 371. Но попытка побега ему не удалась, и венгр отбыл десять суток строгого ареста без вывода на работу.

Во всех советских лагерях для пленных в обязательном порядке реализовывался комплекс агитационно-пропагандистских мер, направленных на искоренение среди бывших вражеских солдат и офицеров фашистских, националистических взглядов. Такая работа активно проводилась и в лагерях для пленных, находившихся в Удмуртии. Причем агитационно-пропагандистские мероприятия организовывались с учетом национальной специфики спецконтингента. Наиболее активно и масштабно они проводились на языках наиболее многочисленных диаспор — немцев, австрийцев, румын, венгров и итальянцев.

Важной составной частью антифашистской работы, организуемой советскими инструкторами-политработниками, были коллективные читки центральных советских газет, а также прессы, издаваемой в СССР на языках народов Западной и Центральной Европы. Кроме того, проводились митинги, лекции, беседы, обсуждения тем, доклады, политинформации в основном по внешнеполитическим проблемам. Большая роль отводилась показу документальных и художественных фильмов, регулярному выпуску пленными стенгазет. Второй составной частью антифашистской работы было вовлечение пленных в кружки по интересам, спортивные соревнования, организацию концертов, спектаклей, конкурсов.

Антифашистская работа в лагере № 371 проводилась регулярно и очень активно. К началу 1947 г. было выпущено 26 газетных номеров и девять журналов на немецком, венгерском и румынском языках [З. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4.

Л. 2—2об., 10]. В них пленные отразили в основном производственную и бытовую стороны своей жизни. Однако они не ограничивались созданием только внутрилагерных газет и журналов. Наиболее активные и талантливые посылали свои статьи в антифашистскую прессу, выпускаемую на иностранных языках в Москве. Например, в венгерскую газету «Jgaz Szó» («Правдивое слово») пленные только за два месяца 1947 г. направили пять статей и шесть карикатур [3. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 30 об.]. К октябрю в лагере были прочитаны доклады «Земельная реформа», «Новый путь демократии Венгрии», «Задача венгерского народа в предстоящих выборах», «О ратификации мирного договора» и др. В начале осени 1947 г. антифашистские курсы посещали 92 плен-ных из этой страны.

В лагере № 371 функционировал радиоузел. Среди пленных выполняли свои обязанности ответственные за выступления по радио. Они готовили тексты на родном языке и согласовывали их с политотделом лагеря. Одним из таких военнопленных являлся венгр Л. Шиморяй. Он имел разностороннее образование, поскольку окончил юридический факультет Будапештского университета, знал несколько европейских языков, в том числе греческий и латинский. Шиморяй выступал по радио в лагере, рассказывая о своей родине, ее культуре [10. Ф. 1862. Оп. 1. Д. 35. Л. 4]. Специальные передачи на венгерском языке звучали два раза в неделю [3. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4. Л. 30].

В каждом пункте пребывания спецконтингента имелся лазарет, где лечились пациенты с болезнями легкой и средней степени. Венгерский военнопленный Ф. Пост, находившийся в лагере № 75, в отзыве от 21 июля 1943 г. написал: «20 апреля 1942 года меня захватил в плен разведывательный отряд русских. Он со мной очень хорошо обращался. Что у них самих было, то они давали. До того, как попасть мне в лагерь № 75, я был еще в другом лагере и во многих пересыльных лагерях. Везде со мной обращались хорошо. По прибытию сюда, в лагерь, меня поставили бригадиром рабочей бригады. В это время нормы были очень высокие, наши люди не могли их выполнить, и к тому же питание было плохое. Зимой 1942—43 годов нормы были не так высоки, и наше питание улучшилось. До того, как у меня на ногах появилась опухоль, я находился в рабочей бригаде. Потом меня перевели в лазарет [...]. Благодаря помощи русских врачей, особенно Черновой, обо мне очень хорошо заботились. Врач Мария тоже делала все возможное, чтобы мне помочь. В то время, когда я был очень слабым, питание со дня на день улучшалось, и я, поэтому быстро поправился.

Надо еще сказать, здесь в лазарете существует исключительная чистота. Лекарства у нас были всегда в достатке. Забота врачей и сестер обо мне была огромна. С первого дня, как я лег в лазарет, мне оказывали всяческую помощь. Питание сегодня может идти наравне с питанием дома и в армии. Я надеюсь прийти здоровым на родину, и я всем врачам за их заботу очень многим обязан, никогда я их не забуду. Судя по обращению врачей и сестер, а также и русских солдат со мной, мне ясно, что русский народ должен быть очень добр, а также должно быть хорошим правительство, избранное народом» [3. Ф. 1п. Оп. 4з. Д. 9. Л. 20].

Помимо лазаретов бывшие солдаты армии контр-адмирала Хорти проходили медобслуживание в специальных госпиталях, где они лечились от различных заболеваний, полученных еще на фронте — алиментарной дистрофии, бронхита, плеврита, обморожений, пеллагры и др. Крупнейшее учреждение в Удмуртии для лечения бывших солдат и офицеров армий гитлеровского

блока размещалось в г. Можга. В спецгоспитале № 3888 находились пленные из многих европейских государств. Среди пациентов кроме немцев можно было встретить венгров, итальянцев, поляков, выходцев из Югославии, чехов, словаков. В медучреждении находились, в частности, уроженцы Болоньи, Милана, Будапешта, Нови-Сада и других городов Западной, Центральной и Южной Европы. Большинство пациентов, содержавшихся здесь в период 1943–1944 гг., попали в плен во время успешного осуществления советскими войсками Воронежско-Касторненской и Острогожско-Россошанской операций на Верхнем Дону. После выздоровления многие из них отправлялись в лагерь № 75. Венгры лечились также в спецгоспиталях № 5880 (г. Можга), № 3779 и 5882 (г. Глазов), № 5122 (ст. Областная).

Не всех больных пленных сотрудникам медучреждений удавалось спасти, однако смертность среди них не была очень высокой: на кладбище 1-го отделения лагеря № 371 в 1945–1948 гг. были погребены семь умерших венгров, четыре представителя этой национальности захоронены на кладбище 2-го филиала ижевского пункта содержания пленных [З. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 390. Л. 7, 9–11], восемь человек – в пос. Рябово неподалеку от лагеря № 75, 15 венгров, умерших в спецгоспиталях № 3779 и 5882, похоронили на кладбище в д. Сыга Глазовского района, двух человек – неподалеку от ст. Областная. Наибольшее количество умерших пленных из Венгрии захоронено в течение без малого семи лет на кладбище госпиталя № 3888–140 человек [9. С. 423]. Общее число венгров, скончавшихся в лагерных лазаретах и спецгоспиталях, которые были развернуты в Удмуртии, не превышало 200 человек, при том, что в 1941–1949 гг. в республике находились не менее 900 пленных венгров. Таким образом, их смертность не достигла 25%.

Хортистская Венгрия в годы Второй мировой войны включала территории, заселенные не только представителями титульной нации. В этой стране в указанный период проживали чехи, словаки, русины, евреи и представители других народов, призывавшиеся в армию этой страны. Некоторые из них попали в советский плен.

Так, в спецгоспитале № 3888, располагавшемся в г. Можге, лечились русины Ю. Райко, С. Вичанин из Закарпатской Украины, находившейся до 1945 г. в составе Венгрии, в армию которой они и были мобилизованы [З. Ф. 55п. Оп. 9. Д. 2. Л. 25 об.–26, 77 об.–78].

В начале 1945 г. в лагере № 75 часть спецконтингента составляла группа венгерских евреев, которые в составе войск Хорти воевали на стороне вермахта. По их заявлениям, озвученным на антифашистских мероприятиях, они сдавались в плен красноармейцам добровольно [З. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8. Л. 4 об., 7, 29].

В ходе Второй мировой войны хортистская Венгрия являлась активным союзником фашистской Германии. Это предопределило участие ее вооруженных сил в боевых действиях против СССР. Поэтому в числе военнопленных из стран гитлеровского военного блока венгры занимали значительное место. Часть из них оказалась на территории Удмуртии и составила одну из многочисленных диаспор в спецконтингенте. По количеству пленных венгров занимали третье место. Они лишь немного уступили в этом отношении румынам. Репатриация венгров началась раньше аналогичного возвращения на родину бывших солдат и офицеров вермахта, поэтому к лету 1948 г. их в республике почти не осталось.

Пленные венгры, находившиеся в Удмуртии, по сравнению с немцами и румынами отличались бóльшей покладистостью и меньшим количеством

нарушений лагерного режима. Они были менее заражены шовинистическими взглядами, поэтому в целом неплохо воспринимали антифашистские агитационно-пропагандистские мероприятия. Среди венгров встречались передовики производства, перевыполнявшие установленные трудовые нормы, а отношение лагерных администраций и местного населения к ним было более лояльным, чем к бывшим военнослужащим вермахта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1946. Т. 1.
2. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1977.
3. Российский государственный военный архив.
4. *Галицкий В.П.* Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10.
5. *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006.
6. *Жангуттин Б.О.* ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Казахстана (1941–1951 гг.) // Отечественная история. 2008. № 2.
7. *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда, 2016.
8. *Макарова Н.Н.* Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950 гг.) // Российская история. 2016. № 6.
9. Венгерские военнопленные в СССР: документы 1941–1953 гг. / отв. ред. В.Л. Воронцов и др. М., 2005.
10. Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

ПОЛЕВАЯ АРХЕОГРАФИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В 60–90-е годы XX века

© 2019 г. С.В. Таранец

*Д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии
и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины*

trimonastyrje@yandex.ua

В статье рассмотрены основные результаты полевых археографических экспедиций для изучения истории и культуры русского старообрядчества, которые в 60–90-е годы XX в. проводил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Под руководством профессора И.В. Поздеевой проведено более 80 комплексных экспедиций в 40 регионах Советского Союза, собрано 4 тыс. памятников письменности и печати. И.В. Поздеева разработала концепцию комплексного изучения культуры старообрядчества, в полной мере воплотила ее в жизнь в Верхокамье Пермской области. По систематическому охвату полевой работой самых разных сторон старообрядческой истории и культуры археографические экспедиции МГУ стали образцовыми, а комплексное изучение традиционной культуры как системы оказало существенное влияние на развитие ряда других научных дисциплин.

The current study analyses the results of a field archeographic expeditions of the M.V. Lomonosov Moscow State University (MSU) in the 1960–1990s dedicated to the history and culture of Russian Old Believers. Eighty expeditions to 40 regions of the USSR were organised and headed by Prof. I.V. Pozdeeva. These expeditions resulted in a collection of 4000 old scripts and prints that represent all genres and directions of Russian and Old Believers bibliography. Prof. Pozdeeva developed a new and conceptually complex approach to studying the culture of the Old Believers that was fully implemented in the investigations at Verchokamje in the Perm region. MSU archeographic expeditions are exemplary for their wide-scope and multifaceted approach to studying the Old Believers' culture and history. Moreover, the complex studies of the traditional culture as one system made a significant impact on the development of further lines of scientific inquiry.

Ключевые слова: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, археографические экспедиции, старообрядчество, история, культура, старопечатные книги, рукописи.

Keywords: USSR, Russia, M.V. Lomonosov Moscow State University, archeographic expeditions, Old Believers, history, culture, old prints, manuscripts.

DOI: 10.31857/S0869544X0008129-4

В Советском Союзе археографические экспедиции получили широкое признание как важное средство для решения общегосударственных задач по охране культурного наследия, и староверы, на которых была сфокусирована полевая археография, с пониманием и поддержкой отнеслись к поставленным временем проблемам. В невероятно трудных условиях советской действительности старообрядцы смогли сохранить и донести до начала проведения полевых работ традиционную книжность, письменную и бытовую культуру, что позволило в будущем собрать десятки тысяч памятников, отражающих все жанры и направления древнерусской и старообрядческой книжности десятков регионов СССР. Учеными открыты тысячи ранее неизвестных оригинальных богословских, литературных, исторических, догматических, полемических текстов, созданных крестьянами-старообрядцами. Найденные памятники, принципиально расширили основу представлений исследователей о древнерусской и старообрядческой книжной культуре. За несколько десятилетий полевая археография открыла неизвестный пласт литературного творчества староверов, отражавшего духовную жизнь народа, его нравственные поиски, колоссальный творческий потенциал в рамках древней традиции. Благодаря междисциплинарному подходу советские научные учреждения смогли внести существенный вклад в развитие археографии, палеографии, филигранологии, архивоведения, литературы, языкознания, фольклористики, этнографии, публикации документальных памятников.

Одно из приоритетных мест в этом ряду занимал Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Изучение полевых исследований его межкафедральной археографической лаборатории очень важно для понимания всей полевой археографии, осуществлявшейся в Советском Союзе в десятках научных и культурно-просветительских учреждений. Участники археографических экспедиций опубликовали значительное количество работ, важное место в этом ряду занимают труды руководителя археографических экспедиций И.В. Поздеевой [1–5], разработавшей и применившей на практике методику комплексных археографических экспедиций. И.В. Поздеева, Н.А. Кобяк, М.М. Леренман и Е.Б. Смилянская сформулировали задачи и изложили результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета. В 1982 г. Т.А. Круглова осуществила обзор кириллических рукописей книг Молдавско-Украинской коллекции. В 1987 г. Е.А. Агеева, Н.А. Кобяк и Е.Б. Смилянская описали пополнение территориальных книжных собраний, полученных в 1981–1983 гг. [6. С. 134]

Значительное место теоретическому осмыслению и публикации результатов археографических экспедиций отводил «Археографический ежегодник», издаваемый Археографической комиссией АН СССР. В 1970–1990-е годы в периодическом издании появились серии обобщающих трудов о результатах экспедиций, проведенных различными научными центрами страны. Особой полнотой отличаются сведения и обзоры об организации комплексных исследований, предоставленные учеными Московского университета [2. С. 61; 7. С. 357; 3. С. 21; 4. С. 262; 8. С. 19; 9. С. 242; 10. С. 170.]. В 1976 г. в журнале «История СССР», опубликована статья сотрудника Археографической комиссии Д.И. Тверской, которая подвела итоги развития полевой археографии в Советском Союзе в 40–70-е годы XX в. [11. С. 109]

В 1966 г. состоялась первая археографическая экспедиция МГУ. Сначала полевые работы организовал Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А.М. Горького. У истоков полевых исследований стояли сотрудники библиотеки И.Д. Кашкарова и И.В. Поздеева. Помощь в организации экспедиций

оказали специалисты Академии наук СССР, в частности Института славяноведения — А.И. Рогов и Института русского языка — О.А. Князевская.

К проведению экспедиций подтолкнуло создание полных коллекций старопечатных книг и рукописей, позволяющих проводить на базе Московского университета систематические курсы по палеографии, источниковедению, истории русской литературы и языка, русскому искусству и т.д. Характерно, что московские археографы сразу отказались от проведения экспедиций в труднодоступных местах Северного Урала, Сибири, Якутии. Интерес представляли регионы, расположенные на расстоянии нескольких часов езды от Москвы — Московская, Ярославская, Горьковская, Калининская, Куйбышевская области. Кроме того, в перечень посещаемых мест москвичей вошли древние города, где в XIX в. существовало старообрядчество.

Во время проведения первых полевых работ исследователи столкнулись с недостатком методики, несмотря на то, что уже знали предмет исследований, заключавшийся в изучении истории старообрядчества в целом и истории старoverческих согласий в частности, специфики старообрядческой рукописной догматической и полемической литературы, старопечатной литературы и деятельности старообрядческих типографий. Ученые понимали необходимость подробной фиксации условий, в которых находился тот или иной памятник, они могли осуществить его детальное описание, тщательно выяснить историю происхождения, зафиксировать современное положение.

Московский университет ежегодно организовывал по несколько экспедиций. Сначала в них участвовали только сотрудники библиотеки, опиравшиеся на опыт работы ленинградских коллег. В 1968 г. И.В. Поздеева, которая многие годы была организатором и бессменным руководителем археографических экспедиций университета, высказала мысль о необходимости проведения комплексных экспедиций в наиболее интересных в археографическом отношении регионах. Важно было активизировать координацию полевых исследований на всесоюзном уровне [1. С. 254].

В 1970—1971 гг. московские археографы проводили полевые работы в Брянской и Гомельской областях, где столкнулись с чрезвычайно богатой традиционной культурой местных ветковских и стародубских слобод. Именно на Ветке и Стародубье И.В. Поздеева убедилась в необходимости комплексного изучения памятников печати и письменности и среды их бытования. Итоги археографических работ в этом крае показали невозможность создания репрезентативных книжных собраний без проведения комплексных полевых работ, поскольку это приводило к произвольному изъятию памятников из характерной среды. Комплексные экспедиции требовали привлечения значительного числа участников, что Московский университет в то время мог себе позволить. В 1972 г. разработанная методика была применена в Молдавской ССР, в Одесской области Украинской ССР и Пермской области РСФСР [11. С. 115].

В 1970—1981 гг. проводились комплексные экспедиции в ветковско-стародубском регионе. По наблюдениям исследователей, в этом крае старoverеры создали оригинальную рукописную школу, организовали собственное книгопечатание. В 1970—1972 гг. на Ветке и Стародубье была проведена сплошная археографическая разведка, определены границы изучаемой территории. Полученные материалы позволили формировать Ветковско-Стародубское собрание Научной библиотеки МГУ [8. С. 19].

В 1971 г. на кафедре источниковедения исторического факультета была создана специальная археографическая группа, в которую вошли И.В. Поздеева,

М.М. Леренман, Т.А. Круглова, Е.А. Агеева и Е.Б. Смилянская. В 1991 г. группу преобразовали в археографическую лабораторию, а в 2002 г. — в межкафедральную археографическую лабораторию [3. С. 21; 4. С. 262]. В рамках комплексных исследований лаборатории с 1972 г. начали проводиться лингвистические (руководитель Е.М. Сморгунова), с 1973 г. — фольклорные (руководитель С.Е. Никитина), с 1976 г. — музыковедческие (руководитель Л.А. Игошев) и искусствоведческие (руководитель Э.К. Гусева) исследования.

В 1973—1978 гг. московские специалисты провели экспедиции в Молдавской ССР, Винницкой, Одесской, Хмельницкой и Черновицкой областях Украинской ССР, на основании результатов работы начало формироваться Украинско-Молдавское собрание. В коллекцию вошли литургические, нравственно-агиографические, певческие рукописи и сборники старообрядческих сочинений XVI—XX вв. Интерес представил один из наиболее ранних списков «Щита веры», принадлежащий Тимофею Андрееву. Кроме того, выявлены редкие письма протопопа Аввакума ученику Авраамии, списки писем иноков Куреневского Никольского монастыря, не принявших «Окружное послание», сборник сарыкейских староверов о непризнании митрополита Амвросия Белокриницкого второй половины XIX в. [9. С. 242]

Следует отметить, что работавшие в 1970—1980-е годы в Молдавии и на Украине экспедиции Московского университета получили материал, свидетельствующий о тесных контактах старообрядцев южных регионов с одноверцами ветковско-стародубских слобод. Ученые установили историческую зависимость южноукраинской и молдавской белокриницкой книжности от ветковской, выявили особенности культурных традиций Молдавии, Южной Бессарабии и Правобережной Украины [10. С. 170].

В 1977 г. исследователи МГУ положили начало изучению мест бывшего компактного расселения старообрядцев в подмосковных Гуслицах. Им удалось уточнить основные книгописные центры московского региона, установить имена писцов, пути распространения гуслицких рукописей. Проведенные работы позволили сформировать Московскую коллекцию, получить новые материалы от старообрядческого населения по фольклору и музыкальному искусству [10. С. 172].

В это же время И.В. Поздеева на основе опыта работы археографов Московского университета сформулировала особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности, заключающиеся в разработке задач комплексного археографического исследования конкретного региона, включавшие изучение аспектов истории местной культуры, связанной с местной книжной традицией, истории и идеологии старообрядческих согласий, устных форм словесности, фольклора, древней канонической музыки, изобразительного искусства, социальной и исторической психологии. При проведении работ приоритетным оставалось изучение местной кириллической книжности, репрезентативно отражающей региональную книжность на разных этапах ее развития [12. С. 12].

Для успешного проведения комплексных экспедиций И.В. Поздеева признавала важным наличие компактного слоя носителей определенного направления книжной традиции, сохранявших не только древнюю книжность, но и элементы историко-культурной среды. Применяя метод сплошной археографической разведки, она составила карты археографического состояния того или иного региона для выяснения перспективности проведения дальнейших работ. Такие экспедиции предусматривали не только выявление, фиксацию и сбор памятников письменности и печати, но и сбор и фиксацию образцов говора, фольклора,

литургического чтения и пения, фотографирование памятников сакрального и изобразительного искусства, интерьеров домов, самих старообрядцев. На стадии проведения разведочных работ полезным признавалось участие в экспедициях разных специалистов в зависимости от сохранности, степени древности, целостности, богатства и состояния местной книжной традиции и историко-культурного слоя.

И.В. Поздеева выделила три категории районов, представляющих археографический интерес. Первый позволил проследить взаимосвязь книжной традиции и среды ее бытования, зафиксировать богатую, развитую и живую местную кириллическую книжность с высокой степенью сохранности элементов другой культуры. В районах второй категории можно было собрать интересную коллекцию книг, но без возможности в полном объеме зафиксировать местную книжную культуру. (В прошлом районы, относящиеся к этой категории, имели развитую и богатую книжность, которая исчезла вместе с их носителями.) К третьей категории археограф отнесла территории, ранее связанные с жизнью старообрядцев, но не имевшие развитой кириллической книжности или полностью ее утерявшие. При проведении комплексных полевых работ важно было не только соблюдать сроки, но и придерживаться последовательности, поскольку системный подход позволял ставить и решать новые научные задачи.

В 1977 г. археографическая экспедиция МГУ, совместно с фольклорной комиссией при Союзе композиторов РСФСР, продолжила комплексные исследования в Пермской области и Удмуртской АССР. Московские археографы провели первоначальную разведку в Оренбургской области и Татарской АССР. Группа под руководством Т.А. Кругловой, совместно с Музеем древнерусской живописи им. Андрея Рублева, работала в Ярославской и Саратовской областях. Горьковскую и Владимирскую области исследовала Н.А. Кобяк, Московскую и Калужскую области – М.М. Леренман [13. С. 354]. В Пермской области ученые обследовали более 40 населенных пунктов. Памятники письменности приобретались после тщательного отбора. Исследователи поставили на учет более 200 книг, из которых приобрели 47 экземпляров. Особый интерес вызвала вторая часть Пролога XVI в. с вкладной записью 1615 г. М.Я. Строганова, Торжественник с вкладной записью Н.Г. Строганова, ранее неизвестный в библиографии Часовник (Москва, 1623). Следует отметить, что с 1973 г. сотрудники Пермской областной библиотеки начали самостоятельные археографические экспедиции в Пермской области.

В целом, в 70-е годы XX в. Московский университет стал одним из ведущих археографических центров Советского Союза. Только в 1974 г. этим научным учреждением было проведено 17 экспедиций в 16 регионах страны [14. С. 142]. К 1977 г. московские археографы собрали треть от всех древних кириллических рукописей, в том числе памятников письменности XVIII в., половину рукописей XVII в. и 70% от всех полученных в СССР находок XVI в. Специалисты основали новые территориальные книжные собрания и книжные коллекции, получили сотни фотографий, аудиозаписей, писем от староверов, сформировали ящики картотек, создали дневники, тетради находок и др. [2. С. 61]

В 80-е годы XX в. экспедиции широко изучали материальную культуру Верхоямья в Пермской области (руководители Г.Н. Чагин и С.А. Димухаметова) [10. С. 173], продолжили комплексные исследования Брянской и Гомельской областях. Группа Е.Б. Смилянкой пополнила Ветковско-Стародубское собрание, изучала современную историю старообрядческих общин Брянской, Гомельской и Черниговской областей. В России и Казахстане ученые завершили обследование Оренбургской и Уральской областей. Смилянская обследовала

Алма-Атинскую, Джамбульскую, Кзыл-Ордынскую и Гурьевскую области, Поздеева продолжала работать в Пермской области и Удмуртской АССР [15. С. 349].

В 1981 г. Е.Б. Смилянская и Н.А. Кобяк работали в Молдавии и Одесской области, Е.Б. Смилянская и Е.А. Агеева — в Черниговской, Гомельской и Брянской областях, Е.Б. Смилянская и Н.А. Кобяк — в Пермской области, Е.А. Агеева — в Московской и Калужской областях, И.В. Поздеева — в Калининградской области. Итогом археографических экспедиций сезона 1981 г. стало пополнение государственных хранилищ СССР 405 рукописями и 368 старопечатными книгами, из которых 92 рукописи и 81 старопечатную книгу получили специалисты МГУ. Наиболее ценными приобретениями стали Апокалипсис XIX в. с 72 миниатюрами, Деяния и уложения собора деминцев и максимовцев 1922 г., Триодь цветная (Москва, 1621) с вкладной записью царя Михаила Федоровича, Минея на май (Москва, 1646) с вкладной записью царя Алексея Михайловича [16. С. 356].

В 1982 г. группа ученых под руководством И.В. Поздеевой и Н.А. Кобяк провела комплексные экспедиции в Пермской области и Удмуртии с участием лингвистов, фольклористов и музыковедов. Е.А. Агеева работала в Московской и Калужской областях, Е.Б. Смилянская — в Молдавии, Одесской, Киевской и Черниговской областях, С.Е. Никитина — в Черниговской области и Туве. Научная библиотека МГУ получила 144 рукописи XVI–XX вв., в частности из Пермской области Триодь постную И.А. Невежи (1604) с владельческой записью стольника князя М.И. Черкасского. В Пермской области археографы составили описи книг ряда действующих храмов, осмотрели рукописи и старопечатные книги, хранящиеся в библиотеке Пермского государственного педагогического института, Соликамского и Чердынского краеведческих музеев. Е.Б. Смилянская пополнила Молдавско-Украинскую коллекцию 66 рукописями и 57 старопечатными книгами. Из рукописей наиболее интересной оказалась августовская Минея 1600–1601 гг., написанная в Сучавский монастырь епископом Феодосием (Радовским), 27 крюковых рукописей XVIII — начала XX в., орнаментированных в традициях Ветки и Гуслиц [17. С. 292].

В 1983 г. археографическая группа под руководством И.В. Поздеевой, совместно с сотрудниками Пермского университета, продолжила комплексные экспедиции в Пермской области и Коми АССР. И.В. Поздеева, Е.А. Агеева и Е.Б. Смилянская работали в Москве и Московской области. Е.Б. Смилянская осуществила экспедицию в Молдавскую ССР, Винницкую, Хмельницкую, Черновицкую и Одесскую области Украинской ССР, Е.А. Агеева — в Пензенскую, Ульяновскую и Саратовскую области РСФСР. С.Е. Никитина изучала устную и музыкальную культуру старообрядцев Удмуртской АССР и Свердловской области. Л.А. Игошев провел музыковедческие исследования в Южной Бессарабии Одесской области и Гуслицах Московской области.

Работавшие на Печоре москвичи получили 12 рукописей, в том числе лицевую рукопись «Прения живота со смертью». 38 рукописей и 29 старопечатных книг приобретено в ходе молдавско-украинской экспедиции, среди которых наиболее интересными оказались Евангелие-тетр середины XVI в. с несколькими красочными заставками, Устав 40-х годов XVII в. с заставками старопечатного стиля в красках и с остатками в переплете пергаменной рукописи XIV в. Всего археографы приобрели 87 рукописей и 58 старопечатных книг [18. С. 340]. Вслед за М.Н. Тихомировым Е.А. Агеева предприняла повторную поездку в г. Пугачев Саратовской области и его окрестности. Побывала она и в местах, где раньше действовали знаменитые Иргизские старообрядческие монастыри. В результате этой экспедиции была сформирована Иргизская территориальная коллекция [10. С. 171].

В общем в 1983 г. сотрудники Московского университета провели 50 экспедиций, благодаря чему Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки пополнился 1535 рукописями и 984 старопечатными книгами. В фонды библиотеки поступили редчайшие находки, среди которых Святцы с летописью и сказанием о семи Вселенских соборах конца XVI – начала XVII в., Трезвонны на крюках середины XVIII в., Октай на крюках конца XVIII в. Большинство крюковых рукописей отличаются красочным оформлением. В 80-е годы XX в. были введены в научный оборот первые приобретения экспедиций посредством издания описаний памятников XV–XVII вв. [19–21]

В 1984 г. московские археографы под руководством И.В. Поздеевой и Е.Б. Смилянской продолжили комплексное обследование Верхокамья в бассейне р. Колвы. Именно в этом регионе археографическая лаборатория впервые и в полном объеме осуществила комплексные полевые работы, базировавшиеся на максимальной фиксации традиционными и техническими средствами книжной культуры и среды ее бытования [3. С. 22]. В исследованиях приняли участие специалисты Пермского государственного университета (ПГУ) (руководитель Г.Н. Чагин) и Пермского областного краеведческого музея (ПОКМ) (руководитель С.А. Димухаметова).

Е.А. Агеева обследовала Ульяновскую, Пензенскую, Саратовскую и Волгоградскую области, А.Д. Паскаль – Молдавию, И.В. Поздеева и Л.А. Игошев – Москву и Московскую область, С.Е. Никитина – Урал и Гомельскую область [22. С. 321]. В 1984 г. в СССР в целом обнаружено 655 рукописей и 266 старопечатных книг, из которых значительная часть (148 рукописей и 63 старопечатные книги) – экспедициями Московского университета, в том числе 21 рукопись XVIII–XX вв. от представителей поморского и бегунского согласия. Среди печатных изданий наибольший интерес вызвали Учительное Евангелие (Вильно, 1595) с вкладной записью архимандрита Ионы, августовская Минея (Москва, 1630) с записями князей Куракиных, февральская Минея (Москва, 1646) с автографом царского дьяка Семена Денисова. В Поволжье приобретена библиотека Е.И. Погорелова, в составе которой оказались рукописи выговского письма, бытовавшие в окрестностях Иргиза, списки «Поморских ответов» первой половины XVIII в., с роскошными заставками, Острожская Библия 1580 г., ранее принадлежавшая Л.Ф. Пичугину и многое другое [22. С. 322].

В 1985 г. археографы Московского университета совместно с специалистами ПГУ, Пермского областного и Ильинского районного краеведческих музеев (И.В. Поздеева, А.Д. Паскаль, Г.Н. Чагин, О.Л. Кутьев) организовали экспедицию в Пермскую область. Е.Б. Смилянская обследовала Саратовскую, Пензенскую, Волгоградскую и Астраханскую области, а также Молдавию и некоторые районы Украины, И.В. Поздеева и Н.А. Кобяк – Москву, Московскую и Калужскую области. В результате этих работ НБ МГУ пополнилась 54 рукописями и 28 старопечатными книгами. Наиболее ценными находками, полученными в Верхокамье, оказались ноябрьская Минея в списке XV в. и августовская Минея в списке XVI в. В Поволжье получены Поучительные слова Ефрема Сирина (Москва, 1667) с записью 1670 г. о вкладе царя Алексея Михайловича в Алатырский уезд, полемические сочинения старообрядцев, ценные фольклорные материалы и многое другое. На Украине и в Молдавии Е.Б. Смилянская приобрела интересный лицевой календарь середины XIX в. с объяснением руки Дамаскина, Апостол Ивана Федорова (Львов, 1574) с записями, свидетельствующими о бытовании книги в течение более 200 лет на юге Украины и в Молдавии, Минею общую (Москва, 1637), которую царь Михаил Федорович вложил в церковь митрополита

Петра в г. Переславле-Залесском, декабрьскую Минею (Москва, 1638) с вкладной записью князя Ю.М. Одоевского. В целом Е.Б. Смилянская поставила на учет книжные коллекции 14 старообрядческих храмов и молитвенных домов, описала ряд личных собраний [23. С. 330].

В 1986 г. на Ветке и Стародубье ученые записали диалектические особенности местного говора, фольклора и крюкового пения [10. С. 170]. И.В. Поздеева совместно с представителями ПГУ и ПОКМ (Г.Н. Чагиным и О.Л. Кутьевым) продолжила работы в Пермской области и Удмуртской АССР. Среди наиболее ценных приобретений, сделанных в Верхокамье, следует отметить лицевою Апокалипсис начала XVIII в. с 72 миниатюрами и цветными заставками. В ходе исследований в бассейне р. Обвы члены экспедиции получили 18 рукописей, 14 старопечатных книг и 100 предметов материальной культуры, которые поступили на хранение в Пермский областной краеведческий музей. С участием сотрудников Института языкознания АН Молдавской ССР и Республиканской библиотеки Молдавской ССР И.В. Поздеева работала на территории Молдавии и Одесской области. Е.А. Агеева и Л.А. Игошев обследовали Московскую область, С.Е. Никитина – Саратовскую область, Н.А. Кобяк – Тульскую область, Е.А. Агеева – Краснодарский и Ставропольский края.

Из Молдавии и Украины в НБ МГУ поступили 49 рукописей и 26 старопечатных книг, в частности Евангелие середины XVI в. молдавского происхождения с многочисленными вкладными и владельческими записями, Кормчая начала XVI в. с записями на маргиналиях, певческие Праздники на крюках XIX в. из библиотеки Белокриницкой митрополии с 24 цветными заставками и 12 миниатюрами, Псалтырь (Вильно, 1576), Евангелие (Вильно, 1600) с вкладной записью И.И. Годунова в Николаевский Федоровский монастырь. Следует отметить, что три рукописи XIX в. и 40 старопечатных книг экспедиция Московского университета передала в Республиканскую библиотеку и Библиотеку АН Молдавии. В целом, экспедиция И.В. Поздеевой осмотрела, датировала и поставила на учет более тысячи памятников славяно-русской книжности, хранившихся в молдавских старообрядческих храмах.

В Подмосковье Е.А. Агеева и Л.А. Игошев получили восемь рукописей XVIII–XX вв., в том числе рукопись на крюках с гуслицким орнаментом и восемь старопечатных книг, среди которых Часовник (Москва, 1635). В Тульской области Н.А. Кобяк приобрела три рукописи XIX в. и четыре старопечатные книги, в том числе три – XVII в. В целом, из 893 рукописей и старопечатных книг полученных в 1986 г. в СССР в результате полевых экспедиций, археографами Московского университета приобретено 206 памятников, среди которых НБ МГУ получила 70 рукописей и 31 старопечатную книгу, остальные находки были переданы в местные библиотеки и музеи [24. С. 315].

В 1986 г. на конференции в МГУ были подведены итоги двадцатого сезона полевых и научно-исследовательских работ. Московские археографы провели 50 экспедиций, собрали и исследовали более 3 тыс. памятников, 40% из которых составили рукописи и книги XV–XVII вв., издали каталоги рукописей и книг кириллической печати. Председатель Археографической комиссии АН СССР С.О. Шмидт высоко оценил работу археографов университета, отметил уникальность разработанной И.В. Поздеевой методики, которая привела к высокой результативности экспедиций этого научного учреждения [25. С. 322].

В 1987 г. сотрудники МГУ, совместно с ПГУ и ПОКМ, под руководством И.В. Поздеевой и с участием Е.Б. Смилянкой и О.Л. Кутьева, работали

в Пермской области и Удмуртской АССР. И.В. Поздеева, Е.А. Агеева, Л.А. Игошев, С.Е. Никитина, А.Д. Паскаль, Е.Б. Смилянская работали в Молдавской ССР и Одесской области Украинской ССР, Московской, Владимирской, Саратовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях РСФСР, Грузинской ССР. Благодаря этим экспедициям Научная библиотека пополнилась 88 рукописями и 54 старопечатными книгами, среди которых наиболее ценными оказались приобретенный в Верхокамье новый список Жития протопопа Аввакума XIX в., 3-я часть Трефологиона (Москва, 1638) с вкладной записью князя Д.М. Пожарского. Полученные в Пермской области находки поступили в Соликамский музей-заповедник и Пермский областной краеведческий музей.

В 1987 г. в Молдавии и на Украине исследователи получили 49 рукописей и 30 старопечатных книг, в том числе часть коллекции священника старообрядческой общины г. Вилково Одесской области М.М. Сипакина, в которой находилось 11 певческих рукописей XVIII–XX вв., печатные издания Пролога (Москва, 1643), Апостола (Москва, 1638), Канонника (Москва, 1641) и др. Из Поволжья в Москву доставлено шесть рукописей и семь старопечатных книг XVII–XIX вв., в частности богато орнаментированные Праздники на крюках поморского письма XVIII в., Минея общая (Москва, 1628) с вкладной записью царя Михаила Федоровича, 1-я часть Трефологиона (Москва, 1637) с вкладной записью царей Петра, Иоанна и Софьи [26. С. 322].

В 1988 г. ученые МГУ совместно с сотрудниками ПГУ под руководством Г.Н. Чагина исследовали Пермскую область и Удмуртскую АССР. Н.А. Кобяк и Е.Б. Смилянская работали в Татарской АССР, А.Д. Паскаль – в Молдавской ССР и Одесской области Украинской ССР. Е.А. Агеева и Л.А. Игошев – в Московской области, Е.А. Агеева (дополнительно) – в Грузинской ССР, в Краснодарском и Ставропольском краях, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, в Ивановской и Владимирской областях РСФСР. В этих экспедициях также участвовали специалисты Московского историко-архивного института и Московского литературного института.

В результате проведенных экспедиций Научная библиотека МГУ пополнилась 54 рукописями и 47 старопечатными книгами XVI–XIX вв., в частности из Верхокамья получен рукописный Пролог 1606 г. В Татарстане приобретено десять певческих рукописей, в том числе наставника А.Е. Хрычева, передавшего рукописные материалы по истории казанских поморских молитвенных домов XIX – начала XX в. В целом, в Татарской АССР описано более 300 кириллических памятников, хранящихся в государственных и муниципальных музеях, молитвенных домах и личных собраниях старообрядцев. На Кавказе Е.А. Агеева получила Пандекты Никона Черногорца середины XVI в., августовскую Минею (Москва, 1646) с владельческой записью Д.А. Строганова, Октоих (Москва, 1631) с автографом известного старообрядческого игумена Иова Львовского [27. С. 327]. Во время проведения молдавско-украинской экспедиции А.Д. Паскаль получил Шестоднев (Львов, 1689), Апостол (1683) на молдавской языке с записью XVII в. В Научную библиотеку МГУ поступило собрание К.И. Донцова, содержащее, в том числе, брошюры, изданные в 1911–1934 гг. в Измаиле, Одессе и Кишиневе.

В 1989 г. Е.А. Агеева продолжила комплексные исследования на Северном Кавказе. Л.А. Игошев работал в Московской, Саратовской и Пензенской областях, И.В. Поздеева, О.А. Цапина и Р.А. Моррис – в Пермской области, Е.Б. Смилянская – во Владимирской области и Чувашской АССР [28. С. 322]. В Верхокамье специалисты обнаружили рукописные постановления старообрядческого собора 1892 г. с полной описью книг, список соборных решений

1947–1948 гг., старопечатную Книгу о вере (Москва, 1648) с записью дьякона Благовещенского собора Московского Кремля М.И. Шумилова. На Северном Кавказе Е.А. Агеева получила Минею общую (Москва, 1625) с записями XVII в. князя Д.М. Пожарского [28. С. 323].

В 90-е годы XX в. проведение археографических экспедиций в России резко сократилось, однако несмотря на финансовые трудности ученые Московского университета продолжали работать в поле. В это время они выезжали в Брянскую, Курскую, Нижегородскую и Пермскую области [29. С. 326]. В 1992 г. были продолжены комплексные исследования в Удмуртии и Пермской области. В Верхотурье фиксировалось состояние местного староверия, его представления о конце света, проводилось обследование ряда южных старообрядческих поселений края, изучалась их демографическая ситуация, язык, записывались духовные стихи, литургическое пение. Ученые наблюдали угасание традиционной культуры старообрядцев [30. С. 340].

В 1993 г. московские археографы работали в Московской, Пермской и Саратовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях (И.В. Поздеева, Е.А. Агеева, В.И. Ерофеева). В Пермской области они провели описание значительного собрания похозяйственных книг, документов, касающихся единоличных и колхозных хозяйств староверов, относящихся к 30-м годам XX в., записали более 30 часов аудио- и видеодокументов. В Краснодарском и Ставропольском краях вместе с москвичами работал шотландский исследователь Д. Салливан. В результате проведенных работ был создан принципиально новый аудиовизуальный источник, фиксирующий современное состояние традиционной культуры. В целом, на юге России было снято более 40 часов видеозаписи, получено несколько десятков книг и рукописей, среди которых оригинальные сочинения А.К. Килина и других старообрядческих деятелей.

В 1996 г. была осуществлена комплексная экспедиция в Молдавию, Приднестровье и на Украину, где московские специалисты описали библиотеки при старообрядческих храмах и молитвенных домах, в том числе осмотрели, датировали и зафиксировали 507 кириллических изданий XVI–XX вв., среди которых пять изданий XVI в. и 48 изданий XVII в. Сравнение данных состояния общин с аналогичными в 70-е – начале 80-х годов XX в. показало, что в книжной культуре региона произошли существенные изменения. Прежде всего отмечено резкое «вымывание» из библиотек староверов книг древнего фонда, так как участились случаи грабежа общинных библиотек. Изучением одежды старообрядцев Бессарабии в экспедиции занялись аспирант Оксфордского университета Д. Роджерс, сделавший 300 цветных фотографий и 250 слайдов, а также И.В. Бойко, сделавший 300 черно-белых фотографий [31. С. 46].

В целом, выдающихся достижений в ходе полевых работ МГУ им. М.В. Ломоносова достигли И.В. Поздеева, Е.А. Агеева, С.Е. Никитина, Е.Б. Смилянская, Н.А. Кобяк, Т.А. Круглова, М.М. Леренман, Л.А. Игошев, Е.М. Сморгунова, А.Д. Паскаль и др. Археографические экспедиции Московского университета получили широкий международный резонанс. В них принимали участие американские, английские и шотландские исследователи.

Следуя разработкам Н.Н. Покровского, И.В. Поздеева выдвинула концепцию комплексного изучения разных сторон жизни, истории и культуры старообрядчества. В 70–80-е годы XX в. методика комплексных археографических исследований в полном или значительном объеме была применена московскими, новосибирскими и свердловскими учеными. Археографические экспедиции МГУ стали

образцовыми по систематическому охвату полевой работой самых разных сторон старообрядческой истории и культуры. Комплексное изучение традиционной культуры как системы оказало существенное влияние на развитие ряда других научных дисциплин. И.В. Поздеева разработала методiku описания старопечатных книг, позволившую наиболее полно раскрыть информационные возможности экземпляра как исторического источника, осуществила прорыв в области изучения записей на листах старопечатных книг, доказала широкую географию бытования печатных книг в России в XVII в.

Московский университет собрал свыше четырех тысяч старопечатных книг XVI–XVII вв. и рукописей XV–XX вв., изучил региональную историю и культуру старообрядческих согласий, книжность XVII в., уточнил, значительно расширил и принципиально пересмотрел представления специалистов о деятельности Московского печатного двора. В университетской Научной библиотеке сформировано 13 территориальных собраний и семь рукописных коллекций XIV–XX вв. Московские археографы приобрели сотни редких и уникальных памятников русской и славянской письменности и печати. Получили 17 экземпляров пяти изданий Ивана Федорова, шесть экземпляров трех дофедоровских изданий, редкие издания Московского печатного двора, старообрядческих типографий XVIII в., рукописи XIV–XVI вв., памятники старообрядческой литературы, лицевые и певческие рукописи.

Исторический факультет совместно с Научной библиотекой МГУ им. М.В. Ломоносова провел более 80 комплексных экспедиций в 40 регионах СССР. Охватил экспедициями наибольшее количество административно-территориальных образований государства, а количество и качество привезенного материала поставило университет в один ряд с ведущими археографическими центрами страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поздеева И.В.* Археографические экспедиции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.
2. *Поздеева И.В.* Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978.
3. *Поздеева И.В.* Археографическая лаборатория // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004.
4. *Поздеева И.В.* Полевая археография // Историческая наука в Московском университете 1755–2004. М., 2004.
5. *Поздеева И.В.* 30 лет полевой археографии Московского университета (1966–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
6. *Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Смилянская Е.Б.* Территориальные книжные собрания и коллекции МГУ и их пополнение за 1981–1983 гг. // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1987.
7. *Леренман М.М.* 15 лет археографическим экспедициям Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982.
8. *Кобяк Н.А., Леренман М.М., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б.* Задачи и результаты комплексных археографических экспедиций Московского университета 1966–1980 гг. // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982.
9. *Круглова Т.А.* Обзор кириллических рукописей книг Молдавско-Украинской коллекции Московского университета // Рукописные письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982.

10. *Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Поздеева И.В., Смилянская Е.Б.* Итоги и перспективы организации комплексных археографических исследований МГУ // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.
11. *Тверская Д.И.* О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. 1976. № 1.
12. *Поздеева И.В.* Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Сборник научных трудов. М., 1998. Вып. 4.
13. *Морозов В.В.* Археографические экспедиции 1977 и 1978 г. // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
14. *Пушков В.П.* Запланированное чудо поиска, или воспитание археографией (К юбилею И.В. Поздеевой) // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005.
15. *Морозов В.В.* Археографические экспедиции 1980 г. // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.
16. *Морозов В.В.* Археографические экспедиции 1981 г. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982.
17. Археографические экспедиции 1982 г. // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983.
18. Археографические экспедиции 1983 г. // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985.
19. *Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки МГУ. М., 1980.
20. *Кобяк Н.А., Поздеева И.В.* Славяно-русские рукописи XV–XVI вв. Научной библиотеки Московского университета. М., 1981.
21. *Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Славяно-русские рукописи XIV–XVII вв. Научной библиотеки МГУ. (Поступления 1964–1984 гг.). М., 1986.
22. *Черных В.А.* Археографические экспедиции 1984 г. // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986.
23. *Черных В.А.* Археографические экспедиции 1985 г. // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986.
24. *Черных В.А.* Археографические экспедиции 1986 г. Полевые исследования кириллической книжной традиции // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.
25. *Агеева Е.А.* Археографическая конференция на историческом факультете МГУ // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.
26. *Охотина Н.А.* Археографические экспедиции 1987 г. // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988.
27. *Черных В.А.* Археографические экспедиции 1988 г. // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989.
28. *Черных В.А.* Археографические экспедиции 1989 г. Полевые исследования кириллической книжной традиции // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990.
29. Археографические экспедиции 1991 г. // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994.
30. *Кобяк Н.А.* Археографические экспедиции 1992 г. Полевые исследования кириллической книжной традиции // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994.
31. *Дадыкин А.В., Ерофеева В.И., Литвина Н.В., Поздеева И.В., Смирнов И.П.* Русское старообрядчество Республики Молдова и Приднестровья (По материалам комплексной археографической экспедиции МГУ 1996 г.) // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999.

СЛОВЕНИСТИКА ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ В СЛАВЯНСКОМ ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

© 2020 г. М.В. Колмакова^{1*}, Д.Ю. Чернышенко^{2**}

¹*Канд. философ. наук, научный сотрудник, заведующая сектором Славянского фонда Отдела фондов и обслуживания Библиотеки Российской академии наук*

²*Главный библиотекарь сектора Славянского фонда Отдела фондов и обслуживания Библиотеки Российской академии наук*

* kolmakovamv@yandex.ru

** gaal.freude@gmail.com

Статья посвящена книгам, подаренным И.А. Бодуэном де Куртенэ славянскому отделению Библиотеки Императорской академии наук в период с 1901 по 1913 г. Эти книги являются примером тематического книжного собрания, составленного ученым в ходе научных работ по изучению словенского языка и целого спектра различных говоров. Подаренные издания имеют ряд внешних признаков, которые позволяют атрибутировать их как владельческие экземпляры личной рабочей библиотеки исследователя. Изучение текстов дарственных надписей и автографов помогают существенно дополнить имеющиеся сведения о жизни ученого, его командировках, научных и личных взаимоотношениях с коллегами из разных стран мира.

The article is devoted to books donated by Jan Baudouin de Courtenay to the Department of Slavic Literature of the Imperial Academy of Sciences Library from 1901 to 1913. These books are a thematic collection. It was composed by the scholar in the course of his research on the Slovenian language and its various dialects. These books have a number of formal features that allow attributing them as owner's copies from the researcher's library. Many books have dedicatory inscriptions and autographs that let supplementing available information about the life of the scholar, his scholarly trips, academic and personal relations with colleagues from all over the world.

Ключевые слова: И.А. Бодуэн де Куртенэ, Библиотека Российской академии наук, Славянский фонд, история славяноведения, книговедение, личная библиотека ученого.

Keywords: Jan Baudouin de Courtenay, Russian Academy of Sciences Library, Department of Slavic Literature, history of Slavic studies, bibliology, scholar's personal library.

DOI: 10.31857/S0869544X0008119-3

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (Jan Niesiław Ignacy Baudouin de Courtenay) (13.03.1845—04.11.1929) — филолог-славист, действительный член Краковской Академии наук (с 1887 г.), член-корреспондент Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (29 декабря 1897 г.).

Ученый преподавал в Казанском (1875—1883) (с 1876 по 1880 г. совмещал преподавание в университете и Казанской духовной академии), Дерптском (1883—1893), Краковском (1893—1900), Петербургском/Петроградском (1900—1918) университетах [1].

Длительный период жизни И.А. Бодуэна де Куртенэ был связан с Санкт-Петербургом, где с 1900 по 1918 г. он занимался преподавательской и научной работой на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (с 1907 г. совмещал преподавание в университете и на Высших женских курсах). Он читал курсы: сравнительное языкознание, сравнительная грамматика, введение в языкознание, систематические упражнения по сравнительной грамматике славянских и других родственных языков, лингвистические упражнения для специалистов, санскрит, введение в языкознание (применительно к русскому языку), психология языка, главные особенности славянского языкового мира в его целом и в его частях (как часть «Введения в славяноведение»), сравнительная грамматика славянских языков в связи с другими языками; практические занятия: литовский язык в связи с курсом сравнительной грамматики [1] и др. По приезде в Санкт-Петербург, И.А. Бодуэн де Куртенэ не занимался преподаванием словенского языка.

Петербургский период научной работы Бодуэна де Куртенэ был тесно связан с Библиотекой Императорской академии наук (сегодня — Библиотека Российской академии наук; далее — БАН). Очевидно его тесное знакомство с сотрудниками славянского отделения (сегодня — сектор Славянского фонда Отдела фондов и обслуживания; далее — Славянский фонд) и его руководителем Эдуардом Александровичем Вольтером (1856—1941), который также являлся его коллегой по университету. В начале XX в. Славянский фонд активно развивался и пополнялся литературой, оформлялись языковые отделы [2. С. 34]. Тщательно подобранные словенские издания безусловно интересовали БАН. Н.И. Толстой отмечал, что большая часть материалов архива И.А. Бодуэна де Куртенэ по словенским диалектам не была опубликована и не введена в научный оборот должным образом. В 1902 г. ученый передал все материалы, касающиеся этой темы, в Отдел рукописей БАН [3. С. 84—86]. В 30-е годы XX в. документы были переданы из БАН в архив Академии наук СССР. Н.И. Толстой писал: «Сам Бодуэн не использовал этого материала — огромный подготовленный труд оказался законсервированным на многие годы» [4. С. 70].

По личной договоренности, или в силу каких-то других причин, с 1901 по 1913 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ постепенно передал в Славянский фонд свое словенское книжное собрание¹. В отчетах о деятельности Академии наук сохранились сведения о дарении книг Бодуэна де Куртенэ. Значительная часть изданий была подарена ученым Славянскому фонду [5. С. 9; 6. С. 41; 7. С. 40;

¹ Стоит отметить, что в это же время (1903—1919 гг.) БАН приобрела личную библиотеку И.И. Срезневского — учителя и коллеги И.А. Бодуэна де Куртенэ, в которой также содержится много материалов, посвященных изучению словенского языка. Все эти издания, отражающие различные аспекты словенской культуры и языка, были определены на хранение в БАН, где также сохранены и составляют ядро словенского отдела Славянского фонда.

8. С. 12; 9. С. 11; 10. С. 17; 11. С. 49], но также имеются записи о передаче книг I Русскому отделению (1908 и 1910 гг.) [6. С. 33; 8. С. 5] и Отделу рукописей (1909 г.) [9. С. 37].

В нашей статье мы подробнее остановимся на экземплярах, выявленных в Славянском фонде и составляющих тематическое книжное собрание, которое мы можем условно назвать «Словенистика в личной библиотеке И.А. Бодуэна де Куртенэ».

О том, что Бодуэн де Куртенэ занимался изучением словенского языка, широко известно. Об этом свидетельствуют его многочисленные труды, а также исследования Н.И. Толстого [4], И.В. Чуркиной [12; 13], О.С. Плотниковой и Н.Н. Стариковой [14] и др. Опираясь на них, мы можем сказать, что исследуемое нами книжное собрание формировалось в период с 70-х годов XIX в. до начала XX в. Основной его корпус составляли издания, приобретенные и полученные в дар во время научных командировок ученого в 1872, 1873, 1877 гг. (Австро-Венгрия – Крайна, Горица; Италия – Резья).

На материалах, собранных в поездках 1872 и 1873 гг., была подготовлена докторская диссертация «Опыт фонетики резьянских говоров» (Лейпциг, 1875), которая стала первой монографией, посвященной изучению словенских говоров, по полноте материала, точности и детальности описания не имеющая себе равных в южнославянской диалектологии того времени [4. С. 69].

Также одним из важных результатов этих поездок стала убежденность исследователя в необходимости изучения живого языка, как словенского, так и любого другого².

Большинство из накопленных материалов легли в основу фундаментального трехтомного труда «Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии» (Т. 1–1895, Т. 2.– 1904, Т. 3.– 1913), первый том которого посвящен резьянским текстам.

Необходимо отметить, что многие местные словенские деятели науки и культуры приняли участие в сборе полевого материала для создания и пополнения архива словенских документов И.А. Бодуэна де Куртенэ, делились с ним ценными советами, консультировали и всячески помогали молодому ученому. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН хранится переписка Бодуэна де Куртенэ с его корреспондентами, в том числе с теми, кто принял участие в деле изучения словенских говоров [15]. И.Н. Толстой в [4] приводит целый перечень таких лиц. Некоторые фамилии из этого списка, а также имена известных ученых мы встречаем на книгах из исследуемого собрания в качестве авторов и дарителей.

Прежде чем мы обратимся к описанию экземпляров, необходимо остановиться на внешних признаках личной библиотеки ученого.

В настоящее время в Славянском фонде БАН хранятся 417 экземпляров из личной библиотеки ученого. Выявить эти издания можно благодаря «Отчетам...» [5–11], а также «Книге поступлений» Славянского фонда – основному документу учета новых изданий. Язык большинства переданных ученым книг – словенский. По содержанию эти книги можно условно разделить на научные (историко-статистические и историко-филологические), религиозные

² К слову, он читал целый курс по живым русским говорам в Казанском университете с 1875 г.

Рис. 1

и художественные, а также словари и буквари. Многие экземпляры имеют характерные внешние признаки личной библиотеки ученого:

— прямоугольный бумажный экслибрис (Рис. 1), помещенный на форзацах (или оригинальных бумажных обложках) изданий. Размер: 65*43 мм. Описание экслибриса предпринималось исследователями [16. С. 103], но мы считаем необходимым сделать ряд уточнений и дополнений к ним. Композиция экслибриса состоит из прямоугольной рамки, в которой изображены несколько предметов. На переднем плане ветвь с плодами. На среднем плане — прямоугольная плоскость, на которой размещены книги, обращенные корешками к зрителю. На заднем плане в левом нижнем углу — фрагмент солнечного диска, из которого исходят лучи, заполняющие весь задний фон. В верхней средней части экслибриса имеется надпись: «J. Vaudouin de Courtenay». В нижнем левом углу — «Ex libris»;

— овалный штамп, с двумя рамками, в которые вписан текст: «J. Vaudouin de Courtenay»;

— дарственные надписи, адресующие издания А.И. Бодуэну де Куртенэ;

— надписи владельца на оттисках и брошюрах, повествующие об авторе и наименовании работы, там, где эта информация отсутствует на бумажной обложке (при ее наличии) или первой странице текста (характерно для оттисков и отдельных извлечений).

Далеко не все издания, подаренные И.А. Бодуэном де Куртенэ БАН, обладают полным спектром указанных внешних признаков. Многие издания сохранили только один или два из них, в ряде случаев признаки отсутствуют полностью. Но выявленные экземпляры представляют интерес для исследователей, так как содержат личные записи различных деятелей науки и культуры, а также позволяют дополнить и проиллюстрировать имеющиеся сведения о жизни и работе ученого.

В рамках одной статьи невозможно привести все описания книг с внешними признаками библиотеки И.А. Бодуэна де Куртенэ. По этой причине в нашем обзоре мы сосредоточим внимание на наиболее известных персонах.

В собрании словенской литературы Бодуэн де Куртенэ хранил порядка 13 работ Ватрослава Облака (1864—1896). Их связывали долгие годы переписки (1881—1896) [12. С. 109; 15. Д. 226. Л. 79]. Из них особенно важно отметить:

Oblak, V. Trije slovenski rukopisi iz prve polovice XVII. stoletja / Vatroslav Oblak // Letopis Matice slovenske.— 1887.— S. 259—315.— Отд. извлечение;

Oblak, V. Starejši slovenski teksti / V. Oblak.— Ljubljana, 1889.— 81 str.— Отд. оттиск из: Letopis Matice slovenske.— 1889.— S. 122—160.— Имеет множество помет и надписей в тексте, предположительно выполненных И.А. Бодуэном де Куртенэ;

Oblak, V. Doneski k historični slovenski dialektologiji. Zv. 1 / Vatroslav Oblak.— Ljubljana, 1890.— 57 str.— Отд. оттиск из: Letopis Matice slovenske.— 1890.— S. 180—236;

Oblak, V. Doneski k historični slovenski dialektologiji. Zv. 2 / Vatroslav Oblak.— Ljubljana, 1891.— 88 str.— Отд. оттиск из: Letopis Matice slovenske.— 1891.— S. 66—153.

Все они отмечены экслибрисом и штампом библиотеки И.А. Бодуэна де Куртенэ. Отсутствуют какие-либо дарственные надписи, при пересылке они могли сопровождаться письмом. На обложках некоторых оттисков имеются надписи, сообщающие об авторе и названии работы, оставленные, предположительно, владельцем.

Также в собрании содержится два издания, автором которых является Фран Левец (1846—1916), оказывавший помощь И.А. Бодуэну де Куртенэ в исследованиях словенского языка [12. С. 93]:

Levec, F. Dr. Fr. Prešeren. Slavnostno predavanje ob Prešernovi stoletnici dne 2. grudna 1900 v «Narodnem domu» in dne 4. grudna 1900. v deželnem gledališču v Ljubljani / Fr. Levec.— [Ljubljana, 1900].— 15 str.— Отд. Оттиск из: Ant. Knezova knjižnica: zbirka zabavnih in poučnih spisov / izd. Slovenska Matica; ured. F. Levec.— Ljubljana, 1900. Zv. 8.— Str. 214—228.— На с. 1 надпись: «G. prof Baudouinu de Courtenay v prijaten spomen Fr. Levec V Lj. 16/7 01».— Зарегистрировано в БАН в 1903 г.;

[*Levec, F.*] Valentin Stanič. Feuilleton iz «Soče» / spisal Paulus.— Gorica: Natisnil Paternolli, 1873.— [4], 51, [1] str.— На обл. надпись: «G. prof Baudouinu de Courtenay v prijaten spomen Fr. Levec. V Gorici 4.IX.73». — Зарегистрировано в БАН в 1903 г.

«Valentin Stanič. Feuilleton» является оттиском из газеты «Soča», главным редактором и издателем которой был Виктор Доленц (1841—1887), также, как и Ф. Левец, помогавший Бодуэну де Куртенэ в сборе материалов для исследования [12. С. 93].

Весьма интересными находками в собрании стали труды Грегора Крека (1840—1905), профессора филологии университета в Граце. Их также связывали долгие годы переписки (1872—1891) [15. Д. 162. Л. 86]:

Krek, G. Letopis Matice slovenske z leto 1881/V Ljubljani 1882, v 8ki in 285 str. / *Krek.* – Celovec, [1882]. – 14 str. – Отд. оттиск из: «Kres». – 1882 – № 2. – Str. 432–445.

Krek, G. Na sveti večer o polnoči. Epična pesem v treh spevih / zložil Gr. Krek. – V Celovcu: natisnil Janez Leon, 1863. – 55, [1] str. – На форзаце надпись: «V prijateljski spomin od blagrodne gospodin Milice Gaspari-jeve v Postojni. 5 Maja 1871 Tone R. Ferfila Jurjev». – На с. [1] надписи, выполнены карандашом: «A! / Ena roža je cvetela / V sredi mojega serca ... Jurčič / odgovor! / Ko si Ti me zapustila / Je pa posusila se / Da solzá vsih mojich sila / Vijveč kos oživit je. A. Zakaj» «Rebus / F: M – P: K / MxP: F=? / X=?».

Оба издания имеют множество помет и надписей, свидетельствующих о вдумчивой работе с текстами.

В ходе научных командировок Бодуэн де Куртенэ познакомился со словенским поэтом, инспектором народных училищ Антоном Клодичем (1836–1914), который опубликовал экспертную дискуссию о диалектах под названием «О наречии венецианских словенцев» (СПб., 1878), его письма также сохранились в Архиве РАН [15. Д. 141. Л. 5]. В Славянском фонде не установлен экземпляр, имеющий признаки библиотеки И.А. Бодуэна де Куртенэ, но тот факт, что ученый был знаком с этим трудом, подтверждают несколько экземпляров рецензий (владельческие оттиски М.П. и Н.М. Петровских и А.А. Куника):

Бодуэн де Куртенэ, И.А. [Рец. на кн.:] Клодич, А. О наречии венецианских словенцев / сочинение А. Клодича. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1878. – 27 с. / И. Бодуэн де Куртенэ. – Воронеж: Тип. Губернского правления. – 14 с. – Отд. оттиск из: «Филологические записки». – 1880. – Вып. 5. – С. 1–14.

В собрании Бодуэна де Куртенэ сохранилась одна работа А. Клодича:

Klodič, A. Materin Blagoslov, igra s petjem / spisal Anton Klodič. V Terstu: Tisk. V. Appolonio, 1878. 85, [1] str.

Нет полной уверенности, что это был единственный труд словенского ученого в библиотеке И.А. Бодуэна де Куртенэ, надеемся, что нам удастся выявить экземпляры других работ.

Перечень тех, кто вместе с Бодуэном де Куртенэ участвовал в деле изучения словенских наречий, весьма широк, и мы не можем представить его во всей полноте в рамках одной статьи. Несомненно одно: общими усилиями ученым удалось собрать невероятно богатый материал, раскрывающий во множестве аспектов словенские диалектические тексты.

Кроме того, в Славянском фонде имеются книги, адресованные Бодуэном де Куртене Э.А. Вольтеру (руководителю III Славянского отделения БАН), И.И. Срезневскому (научному руководителю), А.А. Кунику (руководителю I Русского отделения БАН) и др. Эти книги были включены в состав Славянского фонда в первой половине XX в. вместе с целыми корпусами личных книжных собраний указанных ученых.

В БАН сохранились два экземпляра одного оттиска, автором которого является И.А. Бодуэн де Куртенэ, о них стоит сказать подробнее.

Бодуэн де Куртенэ, И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И. Бодуэн де Куртенэ. СПб.: Печатня В.И. Головина. 1871. – 38 с. – Отд.

оттиск из: Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1871. — Ч. 153. № 2 (февр.) — С. 279—316.

Один экземпляр был подарен автором Э.А. Вольтеру, с которым в то время И.А. Бодуэн де Куртенэ был знаком по переписке, длившейся более 20 лет [15. Д. 66. Л. 7]. На оригинальной обложке книги располагаются две надписи, выполненные И.А. Бодуэном де Куртенэ: «От автора» и Э.А. Вольтером: «Ed. Wolter». На обороте обложки размещены записи, выполненные Э.А. Вольтером.

Другой экземпляр этого издания был преподнесен А.А. Кунику, научная переписка с которым связывала учёных на протяжении почти 30 лет [15. Д. 171. Л. 70; 17]. Работа также имеет надпись: «Аристу Аристовичу Ки[у!]нику в знак глубокого уважения от автора» (также хранится в БАН).

В Славянском фонде сохранился пример ответного подарка — экземпляра был подарен Э.А. Вольтером И.А. Бодуэну де Куртенэ:

Вольтер, Э.А. Казимир Иосифович Явнис; Памяти Явниса; Список трудов Явниса и отзывов о нем / Э.А. Вольтер. — Пг., 1916. — С. V — XXII. — Отд. оттиск из: Грамматика литовского языка / К.К. Явнис; [предисл.: К. Буга, Э.А. Вольтер]. — Пг.: тип. Императорской Академии наук, 1908—1916. — 524 с.

На с. V автором была оставлена надпись: «Ивану Александровичу Бодуэну де Куртенэ».

Такие издания являются важным свидетельством того, что ученые были знакомы и следили за научными трудами друг друга, это было вполне очевидно: они являлись коллегами и профессорами историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

Другой пример дарения книг повествует о взаимоотношениях И.А. Бодуэна де Куртенэ с петербургскими коллегами.

В библиотеке И.И. Срезневского мы обнаруживаем 17 работ Бодуэна де Куртенэ, опубликованных с 1870 по 1879 г., среди них рецензии на труды современных российских и зарубежных авторов — А. Кочубинского, Г. Сухэцко-го, И. Палонского, А. Лудвига, П. Стремлера, В. Ягича, С. Новаковича и др.) и несколько работ, посвященных исследованию резьянских говоров.

Отдельного повествования заслуживает один из самых важных трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ, который стал основанием для присуждения ему степени магистра сравнительного языковедения:

Бодуэн де Куртенэ, И.А. О древнепольском языке до XIV столетия / соч. И. Бодуэна-де-Куртенэ. — Лейпциг: Тип. Бэра и Германа, 1870. — VIII, 99, [1], 84, IV с.

В предисловии к изданию автор благодарит своих учителей и коллег за участие и помощь в проведении исследования: «В окончании я считаю приятнейшим долгом засвидетельствовать здесь глубокую благодарность И.И. Срезневскому, который и предложил мне заняться этим вопросом и во время моих занятий не отказывался быть моим руководителем и наделять меня своими советами, которые, преимущественно при составлении словаря, были для меня неоцененным пособием. Пусть будет мне тоже позволено заявить искреннюю благодарность А.Ф. Гильфердингу и А.А. Кунику, которые способствовали

моему труду и научными указаниями, и позволением пользоваться их библиотеками» [18. С. IV].

В БАН сохранились два экземпляра этого труда с дарственными надписями – в собраниях И.И. Срезневского и А.А. Куника.

На форзаце экземпляра, подаренного Бодуэном де Куртенэ Срезневскому, имеется надпись: «Его Превосходительству Измаилу Ивановичу Срезневскому в знак глубочайшего уважения и искреннейшей благодарности от автора».

В экземпляре, подаренном Бодуэном де Куртенэ Кунику – «Его Превосходительству Аристу Аристовичу Кунику в знак глубочайшего уважения и искреннейшей благодарности от автора».

Думается, что можно предположить наличие дарственной надписи в экземпляре А.Ф. Гильфердинга, надеемся, что когда-нибудь нам удастся проверить эту гипотезу.

Несмотря на то, что после смерти Срезневского Бодуэн де Куртенэ переосмысливает многие этапы сотрудничества со своим научным руководителем [9. С. 183–219], именно Срезневский являлся важным участником в формировании научной карьеры молодого ученого: защитах кандидатского и докторского исследований, получении премии Уварова и др. Об этом и многом другом свидетельствуют письма учителя и ученика, хранящиеся в архиве РАН [15. Д. 293. Л. 22].

Изучение личных библиотек ученых, работа с отдельными экземплярами, имеющими особенные отличительные признаки и владельческие знаки, является крайне привлекательным и увлекательным занятием, которое, в свою очередь, помогает проиллюстрировать известные сюжеты, связанные с жизнью и научной работой ученых, дополнить наши знания о нюансах их личных взаимоотношений и перемещений. Отдельные экземпляры, испещренные пометами и записями, могут стать предметом отдельного исследования, так как содержат мысли владельца книги.

В рамках одной статьи невозможно рассказать и описать все экземпляры, которые хранятся в фондах БАН, поэтому мы решили представить небольшую, но важную их часть. Настоящая статья является одним из этапов подготовки книжно-иллюстративной выставки, посвященной 175-летию со дня рождения Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, которая будет открыта в читальном зале Славянского фонда в 2020 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ // Биографика СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет. [сайт]. [2019]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/167-boduen-de-kurtene-ivan-ignatij-netsislav-aleksandrovich.html> (дата обращения: 29.07.2019)
2. Императорская академия наук 1889–1914. Пг., 1917. Т. 2: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1.
3. *Срезневский В.И.* Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки Императорской академии наук в 1902 году: [Диалектологические материалы И.А. Бодуэна де Куртенэ] // Известия Императорской академии наук. СПб., 1903. Т. 19. № 1.
4. *Толстой Н.И.* О работах И.А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку // И.А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти) / Отв. ред. С.Б. Бернштейн. М., 1960.
5. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1907. СПб., 1908.

6. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1908. СПб., 1908.
7. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909. СПб., 1909.
8. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910. СПб., 1911.
9. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1911. СПб., 1912.
10. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1912. СПб., 1912.
11. Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913. СПб., 1913.
12. *Чуркина И.В.* И.А. Бодуэн де Куртенэ и словенцы // Русские и словенцы: научные связи конца XVIII – 1914 г. М., 1986.
13. *Чуркина И.В.* Русские и словенцы на протяжении столетий // SLOVENICA. I. История и перспективы российско-словенских отношений. СПб., 2011.
14. Плотникова О.С., Старикова Н.Н. Этапы развития словенистики в России // Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте: тезисы международной научной конференции. М., 2016.
15. СПФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2.
16. *Богомолов С.И.* Российский книжный знак 1700–1918. 2-е изд. М., 2010.
17. СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 84. Л. 51.
18. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870.
19. *Смирнов С.В.* И.А. Бодуэн де Куртенэ и И.И. Срезневский // Труды по русской и славянской филологии. XXII. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания. Тарту, 1973.

ФРАГМЕНТ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ О.М. БОДЯНСКОГО В БИБЛИОТЕКЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН¹

© 2020 г. Л.Ю. Аристова

*Канд. филол. наук., главный специалист Отдела редких книг
и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова*

aristova.ly@gmail.com

В данной статье рассматривается фрагмент личной библиотеки выдающегося русского слависта О.М. Бодянского (всего — 13 книг), выявленный в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН. Эти книги изучены в контексте влияния личной и учебной библиотеки О.М. Бодянского на развитие славистики в России, а также в связи с научной и культурно-просветительской деятельностью самого Бодянского. Указывается, что научный анализ сохранившегося фрагмента личной библиотеки О.М. Бодянского является актуальной задачей современной славистики.

The article treats a fragment from the personal library of the renowned Russian Slavist Osip M. Bodyansky (all in all 13 books), found in the Library of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. These books are explored in the context of influence of Bodyansky's personal and university libraries on development of Slavic Studies in Russia and in connection with the scholarly and cultural-educational activities of Bodyansky himself. It is pointed out that scholarly analysis of the survived fragment of Osip Bodyansky's personal library is the task of contemporary Slavic studies.

Ключевые слова: личная библиотека О.М. Бодянского, Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского, славистика, путешествие по славянским землям.

Keywords: Osip M. Bodyansky's personal library, Osip Bodyansky's university Slavic library, Slavic studies, travels through the Slavic lands.

DOI: 10.31857/S0869544X0008120-5

Выдающийся отечественный славист О.М. Бодянский (1807–1877) собрал за время своего пятилетнего (1837–1842) путешествия по славянским землям знаменитую Славянскую учебную библиотеку и создал, таким образом, фундаментальную научную базу для теоретических и прикладных исследований славянских языков и культур в Императорском Московском университете.

¹ Автор статьи выражает глубокую благодарность Елене Залковне Панченко, главному библиографу библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН.

Книги из Славянской библиотеки О.М. Бодянского, в количестве более 2000 экземпляров, были приобретены университетом в 1843 г. и поныне хранятся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. Состав университетской коллекции О.М. Бодянского (2349 томов) рассматривался в работах Н.И. Сафоновой, Н.М. Пашаевой, Л.Ю. Аристовой, М.О. Мельниченко [1–8] и других исследователей.

Библиотека О.М. Бодянского включила памятники языка, истории и художественной литературы южных и западных славян XVI – первой половины XIX в. На Славянской учебной библиотеке воспитывалось не одно поколение русских славистов. Это едва ли не единственная библиотека, укомплектованная Бодянским для нужд обучения студентов, содержащая важнейшие публикации, раскрывающие облик духовной культуры Польши, Сербии, Чехии, Хорватии и других славянских стран того времени.

Н.М. Пашаева (1926–2013), доктор исторических наук, ведущий библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки исследовала славянскую учебную библиотеку, представив результаты в двух статьях [2–3]. В 2000 г. автором данной статьи был составлен и опубликован каталог «Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского» [9], вышедший в издательстве МГУ. Каталог получил положительные отзывы отечественных и зарубежных специалистов [10–12].

Учебная библиотека Бодянского – это лишь часть некогда огромного собрания книг, которые Бодянский привез из путешествия. Значительное их количество осталось в его личной библиотеке, которая, к сожалению, так и не попала в Московский университет [9. С. 20].

В рамках данной статьи нет возможности анализировать наличие книг из личной библиотеки О.М. Бодянского в библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Я лишь перечислю библиотеки, в которых были выявлены и хранятся ныне фрагменты личной коллекции О.М. Бодянского. В частности, более ста книг были выявлены в Российской Государственной библиотеке в процессе работы с коллекциями сотрудниками научно-методологической группы Отдела хранения основных фондов РГБ, а затем сверены и описаны мною [7]. Книги из личной коллекции О.М. Бодянского были обнаружены также в Государственной публичной исторической библиотеке [3], в Музее А.С. Пушкина, Государственном историческом музее, Славянском фонде Библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург), в коллекции И.А. Репина (1841–1908) [8], а также в восстановленном за последние годы фонде «Библиотека Бестужевских курсов» в составе Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фрагмент библиотеки Бодянского сохранился в части собрания профессора Санкт-Петербургского университета И.А. Шляпкина, страстного коллекционера, целенаправленно собиравшего книги из распроданных библиотек знаменитых деятелей [13. С. 249].

Что же объединяет данные книги, хранящиеся в библиотеках разных городов России? На всех книгах имеются владельческие надписи, показывающие безусловную принадлежность библиотеке О.М. Бодянского. И подобные книги обнаруживаются до сих пор. Так, в октябре 2018 г. состоялся II научно-методический семинар «Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения», на котором с докладом о владельческих записях в библиотеке славистов М.П. и Н.М. Петровских выступила заведующая сектором Славянского фонда ОФО Библиотеки Российской академии

наук М.В. Колмакова. Выяснилось, что в их библиотеке есть книга с владельческой надписью О.М. Бодянского. Елена Залковна Панченко (главный библиограф библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН) после доклада М.В. Колмаковой сообщила, что и в их библиотеке хранится 13 книг из библиотеки О.М. Бодянского. Это книги на русском, немецком, сербско-хорватском, польском и латинском языках. Большинство из них – с дарственными и владельческими надписями, на всех – круглые и (или) овальные печати. Ниже я приведу краткую характеристику этих книг.

Одна из тринадцати книг, автором которой является сам О.М. Бодянский, содержит дарственную надпись выдающемуся ученому, историку и археографу, профессору Императорского Московского университета М.А. Коркунову («О времени происхождения славянских письмен». Соч. О. Бодянского. Москва: Унив. Тип., 1855) с владельческой надписью на обложке. Дарственная надпись на издательской обложке следующая: «Михаилу Андреевичу Коркунову – сочинитель. 30 генв. 1855 г., Москва». Михаил Андреевич Коркунов, преподавал в Московском университете всеобщую историю, географию и арабский язык, служил в Археографической комиссии Министерства народного просвещения. М.А. Коркунов и О.М. Бодянский были коллегами по Московскому университету, общались по вопросам всеобщей истории, а также истории славянских языков и культур.

Выдающимся современником О.М. Бодянского был писатель Александр Фомич Вельтман. Среди книг О.М. Бодянского, находящихся ныне в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН, есть книга Вельтмана: «Дон. I. Место ссылки Овидия Назона. II. Митрополия Великой и Малой Руси на Дону с IV до IX века» с дарственной надписью О.М. Бодянскому. Это исследование А. Вельтмана посвящено месту южной ссылки Овидия Назона Публия. Дело в том, что этот великий изгнанник и поэт, сосланный императором Октавианом Августом в южные степи (А.С. Пушкин полагал, что в Молдавию (Бессарабию), провел последние годы жизни в городе Томы (ныне – Констанца). Вельтман много лет пытался установить, где же располагались Томы и идентичен ли этот город с румынской Констанцей. Собственные разыскания по этому поводу Вельтман основывал на сведениях о том, что Овидий был сослан в местность, называемую Азак. Писатель предположил, что Азак и Азов – одно и то же. В 1866 г. Александр Фомич опубликовал труд «Дон. I. Место ссылки Овидия». Однако впоследствии версия Вельтмана не подтвердилась, и древние Томы стали отождествлять с Констанцей. Можно предположить, что О.М. Бодянский и А.Ф. Вельтман обсуждали вопрос о месте ссылки Овидия, и следствием этих бесед стал подаренный выдающемуся слависту труд прекрасного русского писателя. Вопрос о месте ссылки Овидия в художественной форме затрагивается и в главном литературном труде Вельтмана – «Страннике» [14], конечно, известном О.М. Бодянскому.

«Книга, глаголемая Большой чертеж, изданная по поручению Императорского Общества истории и древностей российских действительным членом Общества Г.И. Спасским.» – это объяснительный текст к генеральной карте Московского государства. Причем, сама карта не сохранилась, и о ней исследователи могли судить только по объяснению. Дискуссионным являлся в 1846 г. и является донныне вопрос о времени составления карты (эпоха Ивана Грозного или Федора Иоанновича?). По мнению Огородникова, «Книга, глаголемая Большой Чертеж», является географической хроникой, к которой не был приложен хронологический указатель и в которой первоначальный слой географических указаний закрыт многочисленными поправками и дополнениями, несколькими редакциями, дополняющими друг друга. На форзаце книги – владельческая запись

О. Бодянского, а в конце книги, на переплете, наклейка «Клочков» свидетельствует о том, что некоторое время книга находилась у книгопродавца, букиниста, библиофила, собирателя В.И. Клочкова, одного из основателей Кружка любителей русских изящных изданий, внучатого племянника А.Ф. Смирдина.

На обложке следующей книги из библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН «Синодальное слово Нерсеса Ламбронского» содержится дарственная надпись Бодянскому от переводчика Никиты Осиповича Эмина (1815–1890), известного литератора, русско-армянского ученого, историка и филолога. Н. Эмин перевел на русский язык и прокомментировал «Всеобщую историю Степаноса Таронского, Асохика по прозванию», писателя XI в. Дарственная надпись подтверждает возможность знакомства Н.О. Эмина и О.М. Бодянского. Возможно, их объединил интерес к вопросу «единения армянской церкви с греческою». Кроме того, на титульном листе круглая печать: «Библиотека В.Г. Дружинина». В.Г. Дружинин – выдающийся русский историк, библиофил, исследовал вопросы раскола на Дону в конце XVII в., собрал уникальную библиотеку, в которой и находилась эта книга из коллекции О.М. Бодянского. Затем книга попала в Историко-археографический институт, о чем свидетельствует штамп. Библиотека В.Г. Дружинина, который являлся заместителем председателя Археографической комиссии, хранилась в ее помещении, где и осталась после ареста В.Г. Дружинина. Затем, на основе Института книги, документа и письма (ИКДП) и преобразованной в Историко-археографический институт Археографической комиссии, в 1936 г. был создан Институт истории – тогда Ленинградское отделение Института истории АН СССР [15]. Е.З. Панченко писала: «Библиотека Санкт-Петербургского института истории – преемница библиотеки Археографической комиссии, с которой были тесно связаны профессиональная деятельность и судьба В.Г. Дружинина» [15. С. 63]. Исследовательница указала, что «в помещении Археографической комиссии хранилась и личная библиотека Василия Григорьевича, значительная часть которой после его ареста осталась сначала в библиотеке Историко-археографического института (ИАИ), созданного на месте упраздненной Археографической комиссии, а затем перешла в фонд учрежденного в 1936 г. Ленинградского отделения Института истории» [15. С. 64]. Библиотека В.Г. Дружинина была огромной – 40 тысяч экземпляров. В настоящее время в библиотеке Института истории находится примерно 8,5 тысяч книг, принадлежавших В.Г. Дружинину (из них – примерно четыре тысячи составляют книги, остальные – брошюры и оттиски» [15. С. 65].

На владельческой обложке книги из личной коллекции О.М. Бодянского: «Подробности о погребении архиепископа Леонида Угрешского архимандрита Пимена» мы видим дарственную надпись Осипу Максимовичу. Вероятнее всего, эту надпись сделал сам автор – Дмитрий Дмитриевич Благово (1827–1897), мемуарист, историк, поэт, принадлежавший к старинному дворянскому роду. Драматические обстоятельства личной жизни вынудили Д.Д. Благово покинуть свет и принять постриг. В 1867–1880 гг. он был послушником Николо-Угрешского монастыря, а затем, в этом же монастыре, постригся в монахи под именем Пимена. Благово посвятил свой труд подробностям погребения архиепископа Леонида Угрешского. Ко времени написания этого труда Пимен был рукоположен в сан архимандрита.

«Правая грамота по вотчинному делу, в 1559 году производившемуся: Для обучающихся российскому практическому судопроизводству в Императорском Московском университете» связана с глубоким интересом О.М. Бодянского к истории Руси эпохи Ивана Грозного и Федора Иоанновича. В данном случае

в книге шла речь о спорных вопросах землевладения и межевания во второй половине XVI в. На обороте обложки владельческая запись Бодянского, на форзаце экслибрис библиотеки Н.П. Лихачёва работы выдающегося художника Н.Е. Макаренко². Н.П. Лихачёв (1862–1936) – выдающийся русский и советский историк, коллекционер, библиофил, источниковед. Кроме книг, собирал рукописи, византийские и древнерусские монеты, печати, иконы. В 1918 г., намереваясь спасти свою уникальную коллекцию, передал ее Петроградскому археологическому институту. В этом институте был создан Палеографический кабинет, преобразованный в 1925 г. в Музей палеографии АН СССР. В 1925–1930 гг. Н.П. Лихачёва назначили директором этого музея. С 1930 г. – это Музей книги, документа, письма АН СССР. В 1930 г. Н.П. Лихачёв был арестован по так называемому Академическому делу и отправлен в ссылку в Астрахань. Его уникальные коллекции конфисковали и передали в Государственный Эрмитаж, Русский музей, Библиотеку Академии наук и т.д. [16]. Е.З. Панченко указала: «Библиотеки Н.П. Лихачёва и А.А. Сиверса оказались в фонде библиотеки СПб ИИ (Института истории. – Л.А.) также вследствие репрессий, которым подверглись ученые в связи с академическим делом» [17. С. 84–85]. Библиотеки Н.П. Лихачёва (1862–1936) и А.А. Сиверса (1866–1954) – это «самые крупные дореволюционные частные собрания, вошедшие в состав библиотеки Санкт-Петербургского филиала Института российской истории». Оба «лишились своих библиотек в результате репрессий» [17. С. 84]. Что касается Н.П. Лихачёва, то после его ареста собранная коллекционером огромная библиотека стала основой для создания в системе Академии наук ИКД. Однако состав этой библиотеки был слишком обширным даже для такого учреждения. Поэтому серьезную часть собрания «рассредоточили по другим академическим библиотекам». А в 1936 г. все три собрания (Н.П. Лихачёва, В.Г. Дружинина, А.А. Сиверса) соединились в одной библиотеке «созданного на базе ИАИ и ИДКП Ленинградского отделения истории (с 1999 г. – СПб ФИРИ)» [17. С. 84].

В книге О.М. Бодянского «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам = *Zbiór dawnych dyplomatow i aktow miast Mińskiej gubernii, ...*» опубликованы документы на русском, польском и латинском языках. На обороте форзаца владельческая запись Бодянского («О. Бодянского. 1848 г. Москва»). Древние акты и грамоты городов Минской губернии интересовали Бодянского в связи с его историческими разысканиями, касавшимися культуры и истории славянских народов – в частности, белорусского, сформировавшегося на пересечении культур Руси, Литвы и Польши.

Среди книг О.М. Бодянского из библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН есть две на немецком языке. Первая из них – «*Anecdoten zur Lebensgeschichte des Ritters und Reichs-Fürsten Potemkin Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm, anitzo Taurien genannt, Kartaliniens, Kacheti, Avchasiens und Cuban; desgleichen der Reise der Kaiserin Katharina der Zweyten nach der Krimm; und einem Anhang über tatarisch-scythische Alterthümer, in Bemerkungen auf einer Reise von den Professoren Gmelin und Pallas*» – посвящена князю Г.А. Потемкину-Таврическому. Под «анекдотами» подразумеваются подробности жизни и деятельности «рыцаря и имперского князя Потемкина». Приводится краткое этнографическое описание жителей Крыма (крымских татар), а также тавров, кавказцев, хакетинцев, абхазцев и кубанцев. Кроме того, в книге рассматривается

² Николай Емельянович Макаренко – художник, искусствовед, историк. Окончил художественную школу Б. Штиглица и Археологический институт в Санкт-Петербурге, был сотрудником Археологической комиссии Московского археологического общества по обследованию архитектурных памятников. Среди прочего занимался и книжными экслибрисами.

путешествие императрицы Екатерины II по Крыму. В приложениях рассказывает о жизни татаро-скифских племен. Авторы книги — профессора Гмелин и Паллас; они же написали замечания и комментарии о путешествии Екатерины II по Крыму и о деятельности Г.А. Потемкина по освоению новых территорий Российской империи. Речь идет о профессоре Самуиле (Самуэле) Георге Готлибе Гмелине (Гмелине-младшем), немецком путешественнике и натуралисте на русской службе, академике Императорской Академии наук, племяннике И.Г. Гмелина (Гмелина-старшего). Его соавтор — Петер (Петр Симеон Паллас — немецкий ученый, естествоиспытатель и путешественник, состоявший на русской службе, один из основателей биогеографической и экологической наук. И Гмелин, и Паллас исследовали природу Крыма, Кавказа и Кубани — и из собственного интереса, и по поручению Екатерины II и князя Г.А. Потемкина. Соответственно, эта книга могла интересовать Бодянского как памятник блистательной эпохи Екатерины II, содержащий глубокие и интересные исторические сведения, касавшиеся освоения Крыма.

Автором следующей немецкой книги, принадлежавшей О.М. Бодянскому, «Geschichtliche Darstellung des großen allgemeinen Concils zu Trient /Nach den Quellen bearbeitet von Dr. Jakob Marian Göschl» является Якоб Мариан Гёшль (1798—1852). Эта книга посвящена Тридентскому собору, XIX Вселенскому собору католической церкви, открывшемуся по инициативе папы Павла III 13 декабря 1545 года в Тренте (Тридене). Это был один из значимых соборов Католической церкви, посвященных Контрреформации, являлся ее отправной точкой. На обороте издательской обложки, кроме владельческой записи О.М. Бодянского, присутствует запись В.Г. Дружинина с датой «I/V 1884». Эта запись указывает, возможно, что именно в это время книга из личной библиотеки Бодянского была приобретена В.Г. Дружининым.

Две книги на сербско-хорватском языке были вывезены О.М. Бодянским, вероятно, из Загреба и Вены. Одна из них принадлежит сербскому просветителю и культурному деятелю, реформатору сербского литературного языка и алфавита Вуку Караджичу, с которым О.М. Бодянский тесно общался и переписывался: «Додатак к санктпетербургским сравнительным рјецницима свју језика и нарјечја с особитим огледима бугарског језика / Написао Вук Стевановић».

Речь идет о выдающемся произведении Вука Караджича, состоящем из двух частей [18]. В первой части представлены краткие сведения о словаре Екатерины II [19]. Караджич привел перевод всех 273 слов из этого словаря и двенадцати порядковых числительных (русских, иллирийских, сербских и болгарских). Во второй части Караджичем представлены образцы болгарского языка, отмечены его характерные особенности: например, наличие постпозитивного артикля и утрата склонения. Караджич перечислил болгарский алфавит, привел некоторые сербские звуки и их графические соответствия, а также перевод из Евангелия от Луки, молитвы «Отче наш», Притчи о самарянине, Притчи о блудном сыне на болгарский язык и, в конце своего труда, поместил 27 болгарских народных песен. В послесловии книги Караджич сопоставил болгарские народные песни с сербскими и показал, что болгарский — не наречие сербского, а самостоятельный язык. Эта работа Караджича была очень важна для О.М. Бодянского и для начального периода развития русской славистики в целом.

Следующая книга на сербско-хорватском из библиотеки Бодянского касается вопроса союза между Хорватией, Словенией и Венгрией, а также их взаимодействия (социально-культурного и политического) — «Kakov bi imao biti savez medju kraljevinom Hrvatskom i Slavonijom i kraljevinom Ugarskom s obzirom na medjusobne njihove одношaje». («Каким бы мог быть союз между королевством

Хорватским и Славонией (Словенией) и королевством Венгерским с учетом отношений между ними») видного идеолога иллиризма Людевита Гая. На обложке книги дарственная надпись Бодянскому. Автор этой дарственной надписи неизвестен (возможно, сам Людевит Гай, дважды посещавший Россию).

Далее мы находим среди книг О.М. Бодянского, хранящихся ныне в собрании Института истории РАН в Санкт-Петербурге, одну на латыни. Речь идет о следующем издании «*Bitowt, N. De Horatio cive ad gradum magistri philosophiae rite legitimeque obtinendum disputavit Nicolaus Bitowt.*» («О Горации гражданине на степень магистра философии должным образом написанная и законным путем обретенная работа»).

И, наконец, последняя, тринадцатая книга — это «Регламент о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской...», титульный лист отсутствует. На форзаце мы видим владельческую надпись О. Бодянского и наклейку книгопродавца А.А. Астапова. Эта книга, представляющая собой яркое историческое свидетельство эпохи дворцовых переворотов в Российской империи (издана в 1740 г.), посвящена устройству Адмиралтейской коллегии.

Что касается Афанасия Афанасьевича Астапова (1840–1917), то этот замечательный антиквар и букинист был хорошо известен в Москве второй половины XIX в. Ему не только удалось развернуть широкую книжную торговлю, но и стать одним из учредителей Московского библиографического кружка, устав которого был утвержден 31 июля 1890 г. Впоследствии кружок был преобразован в Русское Библиографическое общество. Книга из личной коллекции О.М. Бодянского попала к Астапову, в его московскую лавку на Никольской улице, а затем, после Октябрьской революции и Гражданской войны (вероятно, уже в 1930-е гг.) стала частью библиотеки Академии, о чем свидетельствуют штампы на первом листе книги.

Итак, исследование сохранившихся фрагментов личной библиотеки О.М. Бодянского — важная задача современной славистики. Личная библиотека Бодянского сформировалась во многом благодаря тесным связям ученого с деятелями национального возрождения славянских стран. Она и поныне является, даже будучи разрозненным, памятником начального периода развития русской славистической науки и русской культуры второй половины XIX столетия. Дальнейший поиск книг из личной библиотеки О.М. Бодянского даст возможность зафиксировать и сохранить собранные им книги, в частности, издания славянских будителей, из тиражей которых остались, возможно, считанные, а быть может, и вовсе уникальные экземпляры.

Описание книг из личной библиотеки О.М. Бодянского:

1. СПбИИ I 201

Бодянский, Осип Максимович (1808–1877). О времени происхождения славянских письмен / Соч. О. Бодянского. Москва: Унив. тип., 1855.— [4], III, [3], 381, [3]. СХV. [5]с.; 26 см. Снимки к сочинению.... [19] л.: факс.; 41 см.

На издательской обложке — дарственная запись: «Михаилу Андреевичу Коркову — сочинитель. 30-го генв. 1855 г. Москва».

На обороте издательской обложки экслибрисы: «Библиотека Археографической комиссии Министерства народного просвещения»; «Библиотека Археографической комиссии».

На шмуцтитуле прямоугольная печать: «Ленингр. отд. инст. истории. Библиотека».

2. СПБии IIIг 2025

Вельтман, Александр Фомич (1800–1870). Дон. I. Место ссылки Овидия Назона. II. Митрополия Великой и Малой Руси на Дону с IV до IX века / [Соч.]. А. Вельтмана. Москва: В Унив. тип. (Катков и К°), 1866. [2]. 92. XIV с.; 27 см.

На титульном листе дарственная запись: «Осипу Максимовичу Бодянскому с искренним уважением преданный А. Вельтман».

3. СПБии I 765

Книга, глаголемая Большой чертеж, изданная по поручению Императорского Общества истории и древностей российских действительным членом Общества Г.И. Спасским. Москва: В Унив. тип., 1846. XXVII. 327 с.; 22 см.

На обороте обложки владельческая запись: «Из биб. О. Бодянского».

На титульном листе печать: «Ленингр. Отд. Инст. истории. Библиотека».

В конце книги на переплете наклейка: «Книжная торговля В.И. Ключкова. С.-Петербург, Литейный пр. № 53».

4. СПБии IV 3334

Нерсес Ламбронский (1153–1198). Синодальное слово Нерсеса Ламбронского архиепископа Тарсийского, произнесенное на соборе, созванном в апреле 1179 года в Ром-Кла, в Коликии, в патриаршествование Григория IV, по случаю возникшего в то время вопроса о единении армянской церкви с греческою / Пер. с арм. Н. Эмин. Москва: В Унив. тип. (Катков и К°), 1865. [4]. 67 с.; 24 см.

На издательской обложке дарственная запись: «О.М. Бодянскому от переводчика».

На титульном листе круглая печать: «Библиотека В.Г. Дружинина» и штамп: «Б-ка Истор. Археогр. Инст.».

5. СПБии IIIг 6107

Пимен (Благово Дмитрий Дмитриевич, 1827–1897).

Подробности о погребении архиепископа Леонида Угрешского архимандрита Пимена. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 8 с.; 24 см.

На издательской обложке дарственная запись: «Его Пр-ву Осипу Максимовичу Бодянскому» и печать: «Ленингр. Отд. Институт истории. Библиотека».

6. СПБии IIIг 244

Правая грамота по вотчинному делу, в 1559 годе производившемуся: Для обучающихся российскому практическому судопроизводству в Императорском Московском университете. Москва: В Унив. Тип., 1830. 43 с., 1 л. табл.; 24 см. На обороте обложки владельческая запись: «О. Бодянского 16/XI 1844. Москва».

На титульном листе печать: «Институт книги, документа, письма АН СССР».

На форзаце экслибрис: «Из книг Н.П. Лихачева».

7. СПБии IIIг 8770

Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам = Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast Mińskiej gubernii, Минск: В Губ. тип., 1848. [2]. XLVIII. 402 с.; 27 см. Текст на рус., лат. и пол. яз.

На форзаце владельческая запись: «О. Бодянского. 1848 г. Москва».

На титульном листе печать: «Институт книги, документа, письма АН СССР».
8. СПбИИ IIIг 7034

Anecdoten zur Lebensgeschichte des Ritters und Reichs-Fürsten Potemkin: Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm, anitzo Taurien genannt, Kartaliniens, Kacheti, Avchasiens und Cuban; desgleichen der Reise der Kaiserin Katharina der Zweyten nach der Krimm; und einem Anhang über tatarisch-scythische Alterthümer, in Bemerkungen auf einer Reise von den Professoren Gmelin und Pallas.— Freistadt am Rhein: [s.n.]. 1792. [2]. 282 s., 5 л. ил; 8°.

На форзаце владельческая запись: «О. Бодянского. 12/ III 1850. Москва».

На титульном листе печать: «Ленингр. отд. инст. истории. Библиотека».

9. СПбИИ К 997

Göschl, Jakob Marian (1798–1852).

Geschichtliche Darstellung des großen allgemeinen Concils zu Trient /Nach den Quellen bearbeitet von Dr. Jakob Marian Göschl,— Regensburg: G.J. Manz, 1840. 8°. Abth. 1. 1840. [8]. 349. [3] s.

На форзаце владельческая запись: «О. Бодянского. 9/VI 1844. Москва»; ниже: «В. Дружинина 1/V 1884».

На титульном листе печати: «Библиотека В.Г. Дружинина» и «Б-ка Истор. Археогр. Инст.».

10. СПбИИ Ха 510

Караџић, Вук Стефановић (1787–1864). Додатак к санктпетербургским сравнительным рјечницима свију језика и нарјечија с особитим огледима бугарског језика / Написао Вук Стевановић. У Бечу: [s.n.], 1822. 54 с.; 8°.

На форзаце владельческая запись: «І. Бодянского. От Караджича. 1840 1/2. Новый Сад.».

На титульном листе печать: «Ленингр. отд. Инст. истории. Библиотека».

11. СПбИИ Ха 190

Kakov bi imao biti savez medju kraljevinom Hrvatskom i Slavonijom i kraljevinom Ugarskom s obzirom na medjusobne njihove odnošaje. U Zagrebu: Tiskom Dra. Ljudevita Gaja, 1861. 24 с.; 20 см.

На обложке дарственная запись: «Г. Бодянскому в Москве».

12. СПбИИ IV 24874

Bitowt, Nicolaus. De Horatio cive ad gradum magistri philosophiae rite legitimeque obtinendum disputavit Nicolaus Bitowt.— Mosquae: typis Universitatis Caesariae, 1844. 54 [т.е. 55] s.; 24 см.

На обороте издательской обложки владельческая запись: «О. Бодянского. VI 1844 Москва».

На титульном листе печать: «Ленингр. отд. Инст. истории. Библиотека».

13. СПбИИ XI 39

Регламент о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской... СПб.: печ. при Адмиралтейской коллегии в Морск. акад. тип., 1740. [274] с. Ч. 1–2. Экз. без тит. листа.

На форзаце владельческая запись: «О. Бодянского. 22/VI 47. Москва» и наклейка: «Книгопродавец Афанасий Афанасьевич Астапов. Москва, Никольская улица».

На 1 листе печати: «Ленингр. Отд. Инст. истории. Библиотека»; «Академия наук. Инст. книги, документа, письма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сафонова Н.И. Личные библиотеки в собрании отдела редких книг и рукописей научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета. М., 1973. Вып. 1.
2. Пашаева Н.М. Славянская библиотека О.М. Бодянского // Советское славяноведение. 1982. № 1.
3. Пашаева Н.М. Библиотека О.М. Бодянского // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993.
4. Аристова Л.Ю. Концепция учебной библиотеки на примере «славянской» библиотеки О.М. Бодянского // Вісник Одеського Національного Університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2008. Т. 13. Вип. 8;
5. Аристова Л.Ю. Осип Максимович Бодянский как источниковед исследователь славянских языков. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
6. Мельниченко М.О. Первые шаги О.М. Бодянского по созданию Славянской библиотеки // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения. Сборник статей. М., 2009.
7. Аристова Л.Ю. Фрагмент книжного собрания О.М. Бодянского в Российской Государственной библиотеке // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009.
8. Аристова Л.Ю. Книги О.М. Бодянского в коллекции И.А. Репина (фонды Отдела редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской // Вторые Репинские чтения: сборник материалов. Астрахань, 2014.
9. Аристова Л.Ю. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского: Каталог / Под ред. В.П. Гудкова. М., 2000.
10. Пашаева Н.М. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог // Славяноведение. 2002. № 3.
11. Сиесс-Кишиовский С. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского: Каталог: Из собрания научной библиотеки МГУ // Славяноведение. 2003. № 5.
12. Poljakov F. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог Л.Ю. Аристовой // Wiener slavistisches Jahrbuch. Band 49/2003. Wien, 2004.
13. Сапожникова О.С. Славистическая коллекция в мемориальном собрании И.А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения // Вестник Альянс-архе. М.; СПб., 2015. Вып. 12.
14. Вельтман А.Ф. Странник. М., 1978.
15. Панченко Е.З. Книги В.Г. Дружинина в фонде библиотеки СПб ИИ РАН // Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): материалы научных чтений 5 февр. 2010 г. СПб., 2010.
16. Панченко Е.З. Владельческие знаки библиотеки Лихачевых // Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева (1862–1936). СПб., 2014.
17. Панченко Е.З. Книжные собрания историков в библиотеке СПб ФИРИ: судьба коллекций Н.П. Лихачева, В.Г. Дружинина, А.А. Сиверса // Судьба библиотек дореволюционной России. 20–30-е гг. XX в.: конференция 1–3 октября 1996 г.: тезисы сообщений. РНБ. СПб., 1996.
18. Сербская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в.— 1878 г.) в фондах ГПИБ России / Сост. Н.М. Пашаева; ред. Н.Ф. Чернышева. М., 1996.
19. Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., 1787. Ч. 1; СПб., 1789. Ч. 2.

Я. ВИШНЯКОВ, А. ТИМОФЕЕВ, Г. МИЛОРАДОВИЧ. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2018. 492 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0008121-6

К достоинствам рассматриваемой монографии относится ее несомненная научная актуальность. Уже из первых строк предисловия следует, что авторы внимательно следят за тем, как уже долгое время «историки ломают копья вокруг событий тех лет, не соглашаясь друг с другом даже по вопросу о причинах этой войны» (с. 6). Острота полемики, разгоревшейся в связи со столетней годовщиной начала Первой мировой войны, не спадала до прошлого года, годовщины ее завершения. По-видимому, главным мотивом, побудившим Я. Вишнякова, А. Тимофеева и Г. Милорадовича взяться за перо, стало желание дать отпор «современным западным исследователям», которые «провозглашают Сербию, а вместе с ней и Россию прямыми виновниками гибели млн людей в 1914–1918 гг.» (с. 6). Сколь похвально стремление разоблачить «прямые фальсификации», столь досадно, что отсутствует указание — каких именно «современных западных исследователей» надлежит считать фальсификаторами. Ведь, как известно, далеко не все они являются таковыми.

Ответом ревизионистам от историографии стал анализ как «российской политики в Балканском регионе и ее влияния на политические ориентиры Королевства Сербия», так и «внутриполитического положения Сербии» на рубеже веков и в 1914–1915 гг. Этому посвящена первая глава «Накануне великих потрясений», в которой не только подробнейшим образом реконструируются

основные сюжеты политической истории 1878–1914 гг. («Дипломатическая активность России и Сербии», «Взаимодействие военных и политических элит Сербии в 1903–1912 гг. и образование организации “Черная рука”», «Балканские войны 1912–1913 гг.»), но и рассматривается «проблема способа включения традиционного сербского общества в европейскую модель социально-экономического и политического развития» (с. 52). Авторы пришли к выводу, что «сложные процессы формирования новых политических и социально-экономических институтов сопровождалась рядом специфических особенностей» (с. 60). Каких именно? Ответ столь же софистичирован, сколь не проста для осмысления социокультурная проблематика: «Практически все высшие слои чиновничьей и военной элиты формирующегося сербского государства, являясь выходцами из сельской среды, обеспечивали своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач государства, сколько весьма важную и устойчивую связь между центром и провинцией, внося в политику свою партикулярную, в данном случае архаичную, «семейную» мотивацию, которую они олицетворяли с служением общегосударственным целям» (с. 61).

Вторая глава «Сербский фронт Первой мировой войны», состоящая из двух параграфов, начинается с Сараевского убийства, а продолжается Июльским кризисом и боевыми действиями, в которых

принимала участие Сербия и ее вооруженные силы в 1914–1915 гг. Описание перечисленного, как и всех сюжетов, затронутых в книге, отличается нарочитой детальностью. Она, с одной стороны, дает полное представление об описываемых событиях, а, с другой, отвлекает от подлинно важных подробностей, которые были самостоятельно установлены авторами, а не почерпнуты из историографии. Например, читатель не потерял бы многого, не узнав, что гробы Франца Фердинанда и его супруги во время отпевания стояли на разных уровнях (с. 165).

Внимание к деталям полностью оправдано, когда речь идет об определении подлинной численности сербской армии на Салоникском фронте, которой посвящен 2-й параграф второй главы. Особую значимость решению этой исследовательской задачи придает тот факт, что удалось убедительно опровергнуть оценки тех представителей пост/социалистической югославской историографии, кто находился «в плену собственных идеологических представлений или зависел от общественно-политической конъюнктуры» (с. 19). Полученный результат – вклад в решение «более широкой и сложной исторической проблемы сербских потерь в Первой мировой войне» (с. 203).

Третья глава «Русская помощь Сербии в 1914–1915 гг.» описывает военное-дипломатическое и материально-техническое сотрудничество Петрограда и Белграда, а также пребывание российских моряков, артиллеристов и военных медиков на сербском фронте в 1914–1915 гг. В четвертой главе «Сербия и русская революция 1917 г.» прослеживается, как события в России влияли на политику сербских правящих кругов, лишившихся в лице царизма главного защитника интересов Сербии на международной арене: «Потеря покровительства России и необходимость переориентации на Англию и Францию заставила сербское королевское правительство пойти на компромисс с хорватами и словенцами» (с. 288). Убедительность повествования не может умалить даже тот достойный сожаления факт, что авторы не обратились к работе А.Л. Шемякина, посвященной рассматриваемым в главе событиям (Фебруарска револуција 1917. у Русији, Никола Пашић и Крфска декларација // Србија и Руска

револуција 1917. Нове теме и изазovi. Београд, 2017; Февральская революция 1917 г., Никола Пашич и Корфская декларация // Русский сборник. М., 2017. Кн. XXII (1917 г.)). В целом, научное наследие покойного коллеги, профессиональные интересы которого в хронологическом и тематическом отношении во многом совпадают с содержанием рецензируемой монографии, могло быть использовано гораздо более активно. Хотя бы так же, как и изрядно устаревшие, но обильно цитируемые работы Ю.А. Писарева.

Пятая глава «Сербский добровольческий корпус в России в 1916–1917 гг.» акцентирует внимание на «непримиримой политической и идеологической междуособице сербов, хорватов и словенцев», служивших в нем. По мнению авторов, указанные противоречия «обнаружили природу недуга, который предопределил участь не только его самого, но и будущую печальную судьбу Югославии, уже тогда послужив недвусмысленным предостережением печальных перспектив общего государства югославян и его армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал» (с. 335.). Мне не в первый раз приходится выражать свое несогласие с данным утверждением. В сборнике статей «Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории» (М., 2015) Я.В. Вишняков впервые преподнес корпус в качестве «микромира», картину которого он экстраполирует на взаимоотношения югославянских народов на всем протяжении «короткого» XX в. В настоящем тексте уместно будет процитировать собственную рецензию на статью коллеги «Армия без государства. Сербский добровольческий корпус в России 1916–1917 гг.»: «Сербский корпус – далеко не абсолютная модель Югославии – куда более сложного организма. Его участь нельзя считать предопределенной, так как ее обусловила совокупность взаимозависимых объективных и субъективных факторов. Установление закономерностей их воздействия, приведшего к «развалу», требует привлечения более значительного массива источников, чем представленные документы, демонстрирующие нежелание пленных хорватов и словенцев присягать на верность королю Петру Карагеоргиевичу

в 1916–1917 гг.» (Славянский альманах 2016. М., 2016. Вып. 3–4. С. 452.).

Шестая глава «Зафронтовые отряды русской и сербской армии в 1916–1917 гг.» посвящена интереснейшей теме – «военно-партизанским действиям в Сербии и России во время Первой мировой войны». Седьмая, названная «Путь на родину», рассказывает о том, что пережили военнопленные-югославы во время Гражданской войны в России, оценивает распространение среди них революционных идей, а также прослеживает пути их возвращения в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В последнем разделе перечислены «Могилы и памятники русских солдат Первой мировой войны в Сербии».

В заключение подчеркну, что высказанные замечания не умаляют научного значения монографии. Ее главным

достоинством можно считать источниковую фундированность, достигнутую ценой многолетней работы по изучению историографии и введению в оборот новых архивных материалов. Красноречиво перечисление в «Библиографическом списке» девяти (!) российских и сербских архивов. С точки зрения композиции монография воплощает собой гармоничный баланс между сюжетами известными, но обязательными для изложения «широкому кругу читателей», и прежде не изученными проблемами, обращение к которым позволило заполнить существенные лакуны в истории отношений России и Сербии, а также их участия в Первой мировой войне.

© 2020 г. А.А. Силкин
alexander.silkin.as@gmail.com

Г.Н. ГЕОРГИЕВ. Българо-албански политически отношения (1908–1915). София, 2019. 468 с.

Г.Н. ГЕОРГИЕВ. Болгаро-албанские политические отношения (1908–1915)

DOI: 10.31857/S0869544X0008122-7

В 2019 г. в Софии вышла книга болгарского исследователя, сотрудника Института исторических исследований БАН и Македонского научного института Георгия Георгиева, посвященная болгаро-албанским политическим отношениям в 1908–1915 гг. Георгиев — не первый болгарский автор, обращающийся к данной теме, однако вводимый им в научный оборот обширный комплекс ранее не публиковавшихся источников болгарского происхождения позволяет по-новому взглянуть на недостаточно изученные ранее страницы взаимоотношений между двумя балканскими народами и государствами в начале XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают крайне динамичный и насыщенный событиями период в истории Балканского полуострова от Младотурецкой революции до вступления Болгарии в Первую мировую войну. Как указывает автор, именно этот политически турбулентный период, когда болгарский и албанский национальные вопросы оказались связаны тугим узлом, стал основополагающим для современной истории болгаро-албанских политических отношений (с. 416).

Г.Н. Георгиев отмечает, что Младотурецкая революция, как и последовавший за ней режим младотурок, впервые сформировали потенциал болгаро-албанского сотрудничества, который, как с сожалением отмечает автор, так и не был использован до конца. Так, например, уже с первой главы, посвященной проектам болгаро-албанского

соглашения в 1908–1912 гг., автор заставляет задуматься о том, что известный нам сценарий Балканских войн, инициированных Балканским союзом, сердцевиной которого было болгаро-сербское соглашение 1912 г., не был безальтернативным. Г.Н. Георгиев, в частности, ссылается на «особо секретное» письмо штаба болгарской армии, направленное 4 декабря 1908 г. (по ст. ст.) в Министерство иностранных дел и исповеданий, в котором предлагалось при выборе вероятного союзника для предстоящей войны против Турции остановиться не на сербах, а на албанцах. Подписавшие письмо военный министр генерал Д. Николаев и начальник штаба армии генерал А. Назлымов, чуть ранее участвовавшие в составлении оперативного плана войны против Сербии, угрозу со стороны которой, по их мнению, следовало элиминировать до решающей схватки за Македонию, настоятельно рекомендовали министру иностранных дел Стефану Паприкову приступить к дипломатической подготовке болгаро-албанского политического союза, имевшего бы как антитурецкую, так и антисербскую и антигреческую направленность (с. 19–20). Ответ от С. Паприкова пришел лишь в марте 1909 г., и он был отрицательным. Подробно развернутые главой дипломатического ведомства объяснения невозможности болгаро-албанского союза, по мысли Г.Н. Георгиева, символизировали «не только очередное расхождение между военной и политической элитой болгарского государства, но и глубокий

раскол в обществе по вопросу о роли албанского фактора в македонском вопросе» (с. 21). По мнению автора, каким бы рискованным ни представлялся союз с неорганизованным албанским движением, он все же мог предоставить Болгарии дополнительную страховку в преддверии решающей борьбы за Македонию, тогда как ставка политического руководства Болгарии исключительно на классическую дипломатию, договорные отношения с традиционными партнерами и арбитраж русского императора имела своим завершением национальную катастрофу для болгар.

Справедливости ради следует отметить, что Г.Н. Георгиев уделил внимание в том числе и анализу готовности самого албанского общества к эвентуальному союзу с Болгарией в 1911–1912 гг. Вывод его и здесь неутешителен — если не брать в расчет активность крайне узкой прослойки национально ориентированной албанской интеллигенции, преимущественно из христиан, и локальное сотрудничество албанских и болгарских чет в юго-западной Македонии в 1908–1912 гг., никаких реальных потребностей в союзе с Болгарией накануне Балканских войн не было ни у населения эллинофильской православной Албании, ни у албанских католиков северной части страны, ни тем более у албанских мусульман, требовавших лишь восстановление традиционных привилегий и не помышлявших ни о разрушении Османской империи, ни о разрыве со своим верховным падишахом-халифом в Стамбуле (с. 52–57). Иными словами, албанское классическое национальное движение, на сотрудничество с которым рассчитывали болгарские военные, революционеры и политики, если и существовало в начале XX в., то лишь в самом зачаточном состоянии. Контакты, переговоры и даже договоренности болгар с его немногочисленными представителями широко освещались в прессе, будоражили воображение болгарской общественности, но практически не имели никакого отзвука в самой Албании, находившейся во власти совсем других сил, далеких от принципов и логики национального возрождения.

Повествование Г.Н. Георгиева поэтому наводит читателя на мысль, возможно и вопреки замыслу самого автора, о том, что сотрудничество между такими разными и далекими друг от друга субъектами

балканской политики, как албанцы и болгары, могло быть лишь вынужденным, временным и тактическим, вызванным некой общей внешней угрозой. Такие конъюнктурные обстоятельства действительно сложились после Первой балканской войны, когда в результате успехов сербской армии ею была оккупирована значительная территория, населенная албанцами и болгарами. Оказавшись друзьями по несчастью, болгары и албанцы начали искать пути сближения. Наибольшую инициативу в этом, как и ранее, проявили болгарские военные и руководство Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО) (с. 92–93, 103–104), тесно сотрудничавшей к тому моменту с болгарской армией и военной разведкой. Сформированное в Валоне (Влэре) временное правительство Албании во главе с Исмаилом Кемалем также зондировало возможность албано-болгарского сближения и координации действий в отношении Сербии (с. 99–102, 107–111). Однако, как указывает Г.Н. Георгиев, политическое руководство Болгарии в лице русофильских кабинетов Ивана Гешова и Стояна Данева вновь отказалось проявить гибкость, не желая разыгрывать неизвестную и ненадежную албанскую карту и до последнего надеясь на силу международных договоров, подписанных с официальными союзниками (с. 99, 104, 112, 118–119, 418). Попытка болгарских военных и революционеров использовать албанский фактор хотя бы для организации дополнительной диверсии против Сербии и Греции так же не увенчалась успехом (с. 112–113, 117). Кроме того и Сербия, заблаговременно заручившись поддержкой лидера Центральной Албании Эссада-паша Топтани, сумела устранить угрозу болгаро-албанского союза и обезопасить свой тыл (с. 105–106, 170). В итоге во Вторую балканскую войну Болгария вступила без дипломатической подготовки и без единого союзника.

Спустя три месяца ситуация почти зеркально повторилась с мощным албанским восстанием против Сербии, которому на этот раз не в силах была уже прийти на помощь поверженная и обессиленная Болгария. История подготовки и проведения осеннего восстания 1913 г. в Косове и западной Македонии подтверждает, что албанцы и болгары слышали, но не слушали друг друга, действуя параллельно, но все же

каждый сам по себе. Г.Н. Георгиев, в частности, убедительно доказывает непричастность официальной Болгарии к восстанию ни в материальном, ни в организационном плане. Так, например, даже командированный в Албанию из Софии под видом корреспондента болгарский разведчик майор Димитр Атанасов, в задачи которого входило ознакомление болгарского правительства с ходом восстания, прибыл на место назначения уже к его завершению (с. 158).

Иначе дело обстояло с остававшимися в юго-западной Македонии и Албании четниками и воеводами ВМОРО, которые не раздумывая примкнули к восстанию, поднятому албанцами, и смогли мобилизовать часть болгарского населения. Г.Н. Георгиев убедительно опровергает утвердившееся в историографии представление о восстании, как вторжении на сербскую территорию заранее подготовленных албанских отрядов, возглавляемых австро-венгерскими и болгарскими военными специалистами. Приводимые им свидетельства убеждают читателя в обратном — восстание оказалось преждевременным, неподготовленным и стихийным, а участниками его стало прежде всего местное албанское и болгарское население, не готовое смириться с «чуждым, одинаково неприемлемым для обоих национальных общностей, агрессивным и враждебным к ним режимом» (с. 139). Болгарские крестьяне совместно с албанцами приняли участие в овладении Дебром, Стругой и Охридом, а в сформированных на освобожденных территориях повстанческих органах власти болгары были представлены наравне с албанцами (с. 142—152).

Вместе с тем Г.Н. Георгиев признает, что совместные действия в период восстания не могли искоренить «вековой антагонизм между болгарами и албанцами в Западной Македонии». В частности, он привел неединичные свидетельства розни между ними, проявлявшейся по ходу восстания. Так, в Дебрском районе албанские вожаки с недоверием смотрели на местных болгарских крестьян, воспринимая их как близких к сербам гяуров. В юго-западной Македонии после отступления сербских войск различные банды из албанских сел принялись за грабежи и бесчинства по отношению к своим болгарским соседям, сводя с ними старые счеты, а пришлые албанские отряды отказались

подчиняться болгарскому революционному руководству. В то же время, после возвращения сербской власти в Дебр многие болгарские крестьяне из окрестных сел приняли участие в разграблении албанских кварталов города (с. 165—168, 194, 205). Признание же автором расхождения политических задач восстания у албанцев и болгар (с. 164—165, 168) и вовсе превращает их сотрудничество во временную и неустойчивую конструкцию.

Тем не менее, восстание придало ускорение переговорам официальной Болгарии как с правительством Исмаила Кемалья, так и с турецкими властями. Принципиально новым фактором стало включение в переговорный процесс ВМОРО, которая отныне выступала посредником и даже локомотивом в контактах официальной Софии с албанскими и турецкими властями. Г.Н. Георгиев подробно освещает переговоры между ВМОРО и Младотурецким комитетом, которые осенью 1913 г. завершили подписанием секретного соглашения о координации подрывной деятельности двух организаций в Македонии (с. 217—227). Целью совместной борьбы было провозглашено достижение автономии Македонии «на основе принципа национальностей» и под протекцией великих держав, что можно было расценить как успех болгарской стороны. Однако платой за достижение этого компромисса стали согласие болгар на включение всей территории бывшего Салоникского вилайета в турецкую «оперативную зону» (с. 227—233) и отказ от северо-западной Македонии, которая должна была отойти в албанскую сферу влияния. De-facto, таким образом, продолжение борьбы за Македонию вновь было оплачено болгарским согласием на очередной раздел самой Македонии, на этот раз уже между Албанией, Турцией и Болгарией.

Албания заняла особое место в концепции совместной болгаро-турецкой борьбы против сербского и греческого присутствия в Македонии. В частности, план болгарского проникновения в Албанию был подробно изложен в более чем амбициозном проекте, составленном в конце 1913 г. членом ЦК ВМОРО Александром Протогеровым на имя премьер-министра Болгарии Василя Радославова. Проект предусматривал экономическое проникновение Болгарии в Албанию, колонизацию этой страны

болгарскими беженцами и переселенцами из Македонии и формирование широкой церковной и национально-культурной автономии болгар на ее восточных границах (с. 266–267). Таким образом Болгария и ВМОРО получили бы внушительную базу для подрывной деятельности в сербской Македонии. Данные, приводимые Г.Н. Георгиевым свидетельствуют в пользу того, что проект был одобрен болгарским правительством и с конца 1913 г. в основных чертах начал реализовываться.

Механизм осуществления проекта, подробно воспроизводимый Г.Н. Георгиевым, символизировал новую концепцию болгарской внешней политики, утвердившуюся после первой национальной катастрофы. Сердцевиной этой концепции стало тесное взаимодействие официальных структур Болгарского государства с ВМОРО. Так, например, кандидатура майора Димитра Атанасова, возглавившего осенью 1913 г разведывательную деятельность Болгарии в Албании, была предложена Центральным комитетом ВМОРО и утверждена Военным министерством Болгарии. Д. Атанасов, пользовавшийся авторитетом среди революционных активистов, являлся к тому же еще и боевым товарищем и единомышленником А. Протогеровова, выступавшего в 1913–1914 гг. главным связующим звеном ЦК ВМОРО с болгарским правительством и дворцом. Контакты Д. Атанасова с Министерством иностранных дел Болгарии и ВМОРО осуществлялись через его близкого приятеля Симеона Радева, занимавшего в то время должность болгарского посланника в Бухаресте (с. 267–268). В сравнительно сжатые сроки Д. Атанасов при помощи активистов ВМОРО и местного болгарского населения сумел обустроить в восточной части Албании два секретных канала связи с Македонией – через Поградец по направлению к Охридскому району и через Голо Брдо по направлению к Дебрскому району. Под его руководством были сформированы и так называемые пограничные пункты, в задачи которых входил сбор разведывательной информации, а в перспективе и организация диверсионных акций на территории Македонии (с. 270). Апогеем болгарской активности в Албании в короткий промежуток времени между Охридско-Дебрским восстанием и Первой мировой войной стала деятельность специально направленной

из Болгарии «церковно-школьной миссии», которая, по согласованию с албанскими властями, должна была подготовить открытие в Албании болгарской экзархийской митрополии, располагавшей сетью школ и общин, прежде всего на границе с Македонией. Г.Н. Георгиев убедительно иллюстрирует тот факт, что все кандидаты на участие в этой ответственной миссии были подобраны или одобрены ВМОРО и только после этого утверждены болгарским правительством. В Албании участники миссии действовали в тесном взаимодействии с болгарским посланником Т. Павловым и воеводой ВМОРО Гр. Ошавковым, исполняя при этом возложенные на них революционной организацией задачи по установлению контактов с албанскими национально ориентированными активистами (с. 361–366, 420).

Особого внимания заслуживает завершающая часть работы Г.Н. Георгиева, посвященная главным образом международному аспекту албанского вопроса. Автор справедливо подчеркивает, что Болгария в 1913–1914 гг. являлась единственным, если не считать Австро-Венгрию, балканским государством, выступающим в поддержку албанского национального движения и рассчитывающим на укрепление албанской национальной государственности (с. 331–374). Особые надежды в этом плане возлагались на перспективы албанской национальной консолидации, которая, казалось бы, должна была последовать за избранием на албанский престол нейтральной кандидатуры Вильгельма Вида. Однако и болгарский фактор, и национально ориентированные силы внутри Албании, и поддержка со стороны Австро-Венгрии оказались слишком слабыми, чтобы удержать молодое государство от хаоса и анархии. Деструктивные факторы оказались более влиятельными и успешными. К последним Г.Н. Георгиев уверенно относит политику младотурок в Албании.

Младотурецкий комитет, который в описанный период *de-facto* слился с турецким государственным аппаратом, являлся формальным союзником ВМОРО. Секретное соглашение двух революционных организаций предполагало совместную работу болгар и турок в Албании, которую следовало привлечь к ревизии Бухарестского договора 1913 г. Однако на практике пути двух союзников разошлись едва начавшись.

Младотурки готовы были воспринимать Албанию исключительно как форпост Османской империи на Адриатике, а в перспективе и как базу для потенциальной реставрации турецких владений в Румелии, поэтому отвергали любую возможность концентрации власти в Албании в руках национально ориентированных сил, отдавая предпочтение албанцам-туркофилам традиционного толка. Такая позиция была созвучна устремлениям Сербского королевства, так же не заинтересованного в формировании монолитного албанского национального государства на своих южных границах. В итоге политика Сербии и Турции, сравнительно быстро пришедших к взаимопониманию по Албании (с. 332, 352–353, 355–357), нашла общую точку соприкосновения в фигуре одиозного Эссада-паши Топтани, который благодаря финансовой и военной помощи со стороны Белграда и Стамбула смог претендовать на лидерство в стране.

Г.Н. Георгиев детально реконструирует фактическое сотрудничество Сербии и Турции в Албании, которое достигло апогея в период народного восстания против князя Вида. Белград и Стамбул в одинаковой степени оказывали помощь мусульманским повстанцам, которые действовали под турецкими знаменами, пели турецкий гимн и демонстративно заявляли, что не признают «никакой Албании» (с. 369–373, 389). По предварительной договоренности, сербские власти обеспечивали беспрепятственный транзит младотурецких активистов через Македонию в Албанию, снабжая их необходимыми документами. Младотурецкий комитет в Скопье активно сотрудничал с сербскими властями в вопросе пополнения повстанческого лагеря сербскими гражданами мусульманского вероисповедания (с. 390). Болгарская разведка доносила о том, что сербские и младотурецкие полевые командиры в Албании действовали плечом к плечу (с. 390–391). Удивительное единство при посредничестве сербов было достигнуто и в отношениях между мусульманскими повстанцами и православными эпиротами на юге Албании (с. 391–392). Лишними в данной мозаике оказались лишь болгары, положение которых в Албании к июлю 1914 г. стало критическим. На встрече с охридским окружным начальником Й. Кирковичем и командиром сербского пограничного полка

в Струге Ж. Митровичем в конце июня 1914 г. «верховный комендант» албанских повстанцев-туркофилов Кямил Хаджи Феца прямо заявил, что союзнические отношения между Младотурецким комитетом и ВМОРО были временными и неискренними в силу неискоренимой «ненависти между двумя народами» и памяти турок о «болгарских варварствах» в отношении мусульман. На этой и последующих встречах между местными младотурецкими и сербскими силами фактически был заключен антиболгарский пакт, предусматривающий полную ликвидацию болгарского присутствия в Албании (с. 392–393).

Малочисленная болгарская колония в Албании оказалась перед угрозой гибели. Ее скудные боевые силы, которые готовились к действиям в Македонии, в итоге были брошены на защиту режима князя Вида и проявили себя в героической, но обреченной обороне Берата от эпиротов и повстанцев-туркофилов (с. 388–389, 393). В течение июля и августа 1914 г., прежде чем вихри начинающейся Первой мировой войны вновь перетасовали карты албанской колоды, болгарские добровольцы вместе с представителями церковно-школьной миссии и последними болгарскими беженцами покинули Албанию, что символизировало крах болгарской политики на албанском направлении. Лишь интенсивные переговоры Болгарии с центральноевропейскими державами летом 1915 г. об условиях вступления в войну вновь возродили интерес официальной Софии к этому государству. Начинаясь новый период в истории болгаро-албанских отношений, теперь уже под знаком борьбы за персональную унию Болгарии и Албании, отражавшую «давнюю династическую мечту царя Фердинанда» (с. 407–411), но еще менее связанную с реальными условиями в Албании и возможностями Болгарии, чем прежние проекты.

Стоит обратить внимание на тот факт, что для отечественных специалистов книга безусловно будет интересна богатым фактологическим материалом, позволяющим внести дополнительную лепту в изучение истории становления албанской государственности, внутривнутриполитической борьбы в Албании и международных отношений в регионе Западных Балкан в 1912–1915 гг.

Трансформационные революции: начало и итоги

15 октября 2019 г. в Институте славяноведения РАН прошла научная конференция «Идейно-политические противостояния в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1989–2019 гг.: дилеммы и решения (к 30-летию трансформационных революций)». Многосоставность названия отнюдь не случайна, поскольку призвана в некоторой степени отразить и многосоставность проблематики как на страновом и региональном, так и на общеевропейском и даже глобальном уровнях. Некоторые процессы, охарактеризованные в докладах, указывают на это с достаточной определенностью, выявляя тот момент, что не только перестройка в СССР, но и различные варианты революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы привели к реформативному общеевропейскому и даже общемировому цивилизационному пространству. Многие события 30-летней давности, значимость которых постоянно находилась в поле зрения Отдела современной истории Института славяноведения, до сих пор определяют ход и текущей истории.

На конференции было представлено более 30 докладов, пятая часть которых характеризовалась общерегиональным подходом, они прозвучали на пленарном заседании. Остальные доклады можно разделить примерно поровну: половина посвящалась проблематике стран Вишеградской группы (при этом половина из них – Польше как одной из наиболее проблемных стран), а вторая – странам Юго-Восточной Европы.

Открыл конференцию директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров*, обратившийся к ее участникам с приветственным словом. Затем *К.В. Никифоров* выступил с докладом, в котором речь шла об особенностях трансформации в странах региона и, в частности, о соотношении демократических и националистических начал во время переходного трансформационного периода. Был сделан вывод, что национализм чаще всего выходит на авансцену при демократических изменениях, когда демократические идеи уже пробивают себе дорогу, но еще не получили должного развития, не победили окончательно и не укоренились. Национализм в этом случае использует новые возможности, появившиеся в том числе и благодаря процессам демократизации. Это, на взгляд докладчика, является одной из очевидных закономерностей демократических трансформаций, во время которых всегда существует реальная опасность роста национализма. В докладе был также сделан вывод о том, что для полноценного перехода к новому демократическому устройству одного революционного потрясения, особенно в более отсталых странах, часто бывает недостаточно. Вторые революции были призваны довести до конца то, что не было доделано «бархатными революциями», а также они были нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в ходе постсоциалистической трансформации. Таким образом, по мнению докладчика, и первые и вторые революции – явления одного порядка. Их нужно рассматривать как один процесс, объединив понятием «трансформационные революции». Именно такое определение и было вынесено в название конференции. *И.С. Яжборовская* (ФНИСЦ РАН, Ин-т социологии РАН) отметила важность проблематики соотношения общего и особенного в трансформационных и посттрансформационных процессах в странах региона. *Л.Н. Шишелина* (Ин-т Европы РАН) обратила внимание на то, что «бархатные» революции были не первыми попытками свержения тоталитарных режимов для Венгрии, Чехословакии и Польши. Новая плеяда оппозиционеров, учитывая трагический исход первых опытов, подходила к неизбежности реформ комплексно, стараясь предусмотреть последствия неизбежно подступавшей смены элит, ориентиров, возможностей. Вишеградская группа воплотила представления о центрально-европейской интеграции в новых геополитических реальностях. Ее успеху способствовал как опыт предыдущего «оппозиционного взаимодействия» пришедших к власти в этих странах элит, так и поддержка западного сообщества. *А.Ф. Дырина* (ИНИОН РАН)

представила восточное партнерство как программу сотрудничества ЕС с шестью постсоветскими государствами (Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной) с учетом позиции стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Участие в программе создало иллюзию первого шага на пути в ЕС, однако ключевые его политики, включая канцлера ФРГ А. Меркель, заявляют, что существующий механизм сотрудничества не является инструментом по его расширению.

Что касается докладов по отдельным странам, то здесь правомерно подчеркнуть следующий момент: конференция проходила в ходе обсуждения результатов только что состоявшихся выборов в Польше, и все ее участники отметили тенденцию закрепления позиций партии «Право и Справедливость» (далее – ПиС), что и подтвердили итоги выборов. Данный вывод подкреплялся в самых различных ракурсах и форматах. Так, *О.Б. Немецкий* (ИСЛ РАН) проанализировал программные установок организаций польских националистов по отношению к европейской интеграции, провел типологизацию политических сил, занимающих положение справа от правящей партии ПиС. Помимо собственно польских факторов усиления крайне правого фланга докладчик отметил также особое значение регионального центральноевропейского и более широкого общеевропейского контекстов, по-своему влияющих на настроения и идеологические предпочтения польского общества. Рост популярности национализма в Польше предстает закономерным результатом не столько внутренних процессов в стране, сколько ее интеграции в западное сообщество. *В.В. Волобуев* (ИСЛ РАН) охарактеризовал влияние римско-католической церкви на внутреннюю и внешнюю политику Польши, начиная с майского договора 1989 г., заключенного правительством и епископатом, и заканчивая ролью церкви в парламентских выборах 2019 г. В докладе раскрыто взаимодействие церкви и партий, опирающихся на социальное учение костела, в особенности партии ПиС, отмечена уникальность их взаимодействия не только на региональном, но и общеевропейском уровне. Было подчеркнуто значение личности и взглядов Иоанна Павла II для текущей политики Польши, что не устраняет споров и конфликтов внутри польского католицизма. *О.Ю. Михалев* (Воронежский госуниверситет) проследил эволюцию взглядов находящейся с 2015 г. у власти в Польше партии ПиС на роль и место страны в ЕС. С момента образования в 2001 г. эта партия позиционировала себя как умеренно евроскептическая партия, ставящая во главу угла сохранение суверенитета и отстаивание национальных интересов Польши. После 2015 г. наметилось осложнение отношений с Брюсселем из-за обвинений Польши в нарушении европейских демократических норм, сопровождения Варшавы планам Еврокомиссии по расселению беженцев в странах ЕС по квотам, нежелания переходить на евро, конфронтации с председателем Евросовета Д. Туском. Но в утилитарном плане ПиС использует вытекающие из членства в ЕС возможности для повышения конкурентоспособности польской экономики и поднятия уровня жизни в стране. Выборы 2019 г. в целом не изменили данного расклада сил. *П.Г. Черёмушкин* (Московский государственный лингвистический университет) подчеркнул, что идеологической установкой победившей на выборах 2015 г. партии ПиС явился призыв полностью освободиться не только от негативного наследия социалистического прошлого, но и от приобретенных за последние двадцать лет либеральных ценностей. Но партия повторила свой успех на выборах 2019 г., проходивших как раз в ходе работы конференции. *Р.В. Савенков* (Воронежский госуниверситет) проанализировал «практику публичного оспаривания» в современной Польше, которая включает в себя эпизодические публичные действия; их участники предъявляют коллективные требования и координируют усилия для достижения общих интересов. При этом одной из сторон спора является правительство. Субъектами протеста являются общественные группы и политические партии, выдвигающие в ходе электорального процесса кандидатов на выборные должности и находящиеся в оппозиции к другим участникам выборов. В числе таких движений: Комитет в защиту демократии, Движение учителей и т.п., оппозиционные политические партии – «Гражданская платформа», СДЛС, новые левые, оспаривающие решения правящей партии ПиС, регулярно побеждающей на выборах, включая выборы 2019 г. *Л.Е. Горизонтов* (НИУ «Высшая школа экономики») отметил, что с 2015 г. миграционная политика Польши существенно трансформируется правящей партией ПиС с учетом кризисных явлений в ЕС и на Украине. Датированный июнем 2019 г. проект новой концепции ориентирован на максимальное использование польских трудовых ресурсов (включая реэмигрантов), привлечение на временной основе украинцев и белорусов, противодействие афроазиатизации. Критики этой стратегии сосредоточили свое внимание на ее исламофобии и жестком требовании ассимиляции желающих переселиться в Польшу.

О.Г. Волотов и *С.О. Волотов* (Ин-т экономики РАН) отметили, в частности, что в венгерской торгово-экономической политике все более явно проявляется крен в сторону Востока, где ведется активный поиск новых инвесторов и рынков сбыта для своей продукции. *Б.И. Желицки* (ИСЛ РАН), характеризуя миграционную политику Брюсселя, подчеркнул, что Дублинская миграционная система предписывала принимать прибывающих и нуждающихся в помощи мигрантов в той первой

стране, куда ступила нога легального мигранта. Но это невозможно было реализовать, в первую очередь в Венгрии, куда через Сербию мигранты прибывали на южные границы страны и требовали пропуска в более развитые страны Европы. Венгерское правительство, в отличие от растерявшейся Еврокомиссии, возвел перед потоками миграции преграду, чтобы отвести в сторону от внешней границы ЕС потоки нелегальной миграции. Вследствие этого Будапешт выступает за сдерживание массовой миграции, оказывая мигрантам при необходимости соответствующую помощь и поддержку на их родине.

Проблематике Чехии были посвящены четыре доклада. *Ю.А. Щербакова* (ИНИОН РАН) изложила этапы формирования новой политической системы в стране. *Э.Г. Задорожнюк* (ИСЛ РАН), анализируя один из этапов более чем 25-летней чешской политической истории как проявление чешского варианта нанополитики, подчеркнула, что выбрала этот, казалось бы, модный термин для обозначения особенности стиля политической жизни страны: ориентацию на прагматизм и консенсус. Особенно наглядно это проявилось в ходе выработки в 1998–2001 гг. Оппозиционного договора и Патента толерантности между идеологически непримиримыми Чешской социал-демократической и Гражданской демократической партиями, а также в их своеобразной «реплике» в 2017–2019 гг., когда в модернизированном виде снова использовался стиль решения острых проблем в формате нанополитики. *В.В. Трухачев* (РГГУ) осветил споры между чешскими политическими партиями о том, как надо выстраивать отношения с Россией после 2014 г. При этом в ходе предвыборной кампании 2017 г. коммунисты и националисты из партии «Свобода и прямая демократия» прямо выступили за отмену антироссийских санкций, а представители правоцентристских сил (Гражданско-демократическая партия, ТОП 09, христианские демократы и партия «Старосты и независимые») настаивали на их ужесточении. В рядах правящей коалиции АНГ и социал-демократов, а также «Партии пиратов», существуют разные мнения относительно подходов к России, а заявления А. Бабиша и вовсе полны противоречий. В целом, чешская политическая элита поддерживает антироссийские меры ЕС, и за такие партии голосуют большинство чехов, в то же время переизбранный в 2018 г. этим же большинством на второй срок президент М. Земан неоднократно призывал к отмене санкций. *Г.П. Мельников* (ИСЛ РАН) указал на значимость процессов меняющейся рецепции таких национально ориентированных политиков, как Ян Гус, Карл IV, Я.А. Коменский, Т.Г. Масарик. Считается, что Гус и гусизм, опередив на столетие Реформацию в Германии, все же оторвал историко-культурное развитие Чешского королевства от общеевропейского контекста. Карл IV теперь позиционируется как крупнейший исторический деятель Чехии. Я.А. Коменского более оценивают как философа и «пророка» глобализации. «Бум» Масарика, начавшийся сразу после «бархатной» революции, к 2018 г. сменился определенным скептицизмом и разочарованием в его деятельности. *В.В. Никитин* (ИСЛ РАН) подчеркнул, что после 17 ноября 1989 г. в Словакии были созданы основы демократического государства. Правительством В. Мечьяра удалось многое, за исключением решения проблемы качества жизни населения: здесь Словакия уступала показателям Словацкой Социалистической Республики конца 1980-х годов. Все же уровень жизни в стране начал расти, хотя с приходом к власти либералов (М. Дзуринда) в 1998 г. он упал снова. Сегодня роль «бархатной/нежной» революции в стране трактуется по-разному. Так, Народная партия «Наша Словакия» указывает на тот факт, что «бархатную/нежную» революцию нельзя оценивать исключительно положительно с точки зрения среднестатистического словака; эту позицию разделяют представители и некоторых других политических партий. *Л.Ф. Широкова* (ИСЛ РАН) проанализировала изменения в новых общественно-политических и экономических условиях и всей литературной «надстройке»: в странах региона разорялись и закрывались одни издательства и возникали новые, зачастую, особенно в начале 1990-х годов, искавшие коммерческие выгоды за счет тиражирования массовой литературы. Иным становился сам статус писателя в изменившемся обществе, его престиж и социальная значимость. В литературной жизни Словакии определяющим моментом стал раскол между «Обществом словацких писателей» с его национально-патриотическими устремлениями и «Ассоциацией организаций словацких писателей», ориентирующейся на общеевропейские пути развития. Тема 1989 г. была представлена в произведениях разных жанров, прежде всего – в публицистике, мемуарах, эссе. В образной форме она воплощена и в современной художественной прозе и сегодня.

Л.Н. Шанишева (ИНИОН РАН) в своем докладе особо выделила роль союза западногерманских политиков и предпринимателей в принятии решения относительно объединения Германии, их практики внедрения институциональных изменений в ходе приватизации собственности ГДР, возникновения здесь новых партий и движений. Это было зафиксировано в Договоре об объединении Германии (1990 г.). Опыт трансформации Восточной Германии обращает особое внимание на динамику изменений общественного сознания в экономических и политических преобразованиях, а также специфику становления политической элиты при смене системы.

А.С. Стыкалин (ИСЛ РАН) отметил, что после 1989 г. имели место общность стратегических целей новых политических элит Венгрии и Румынии, их стремления интегрироваться в европейские и евроатлантические структуры. Создавались определенные предпосылки для частичного решения спорных вопросов, что проявилось в подписанном Румынией и Венгрией 16 сентября 1996 г. Договоре о взаимопонимании, сотрудничестве и добрососедстве, в котором стороны подтвердили отсутствие каких-либо территориальных споров и продемонстрировали готовность к конструктивному сотрудничеству. Все же проблемы венгров, проживающих в Трансильвании, не нашли удовлетворяющего обе стороны решения, а имеющий давнюю историю вопрос о статусе и политических правах венгероязычного населения Румынии продолжал оказывать влияние на отношения между двумя государствами из-за позиции официального Бухареста, не допускающего центробежных тенденций, угрожающих целостности страны. В то же время это не стало препятствием на пути к взаимовыгодному сотрудничеству соседних стран, причем их вступление в ЕС только ускорило этот процесс. Однако это не исключает периодического возникновения конфликтных ситуаций и «войн» исторической памяти, особенно в связи с теми или иными юбилейными датами (как, например, в связи со 100-летием присоединения Трансильвании к Румынии, отмеченным 1 декабря 2018 г.). *Т.Г. Биткова* (ИНИОН РАН) охарактеризовала особенности внешнеполитического курса Румынии, сводящегося к поддержке ее участия в евро-атлантических структурах и ЕС. Ее президент К. Йоханнис, несмотря на более обтекаемую риторику, продолжает этот курс с учетом нарастающих трений между США и ЕС. В заочном представительном сообщении непосредственного свидетеля румынской декабрьской революции 1989 г. журналиста *Н.Н. Морозова* (ТАСС) было показано, что вопреки первоначальной эйфории многих активных участников тех событий постреволюционная Румыния в реальности превратилась для всех политиков в арену борьбы за власть со всеми вытекающими из этой власти выгодами. Однако отношение к декабрьской революции меняется. Громогласные требования рассказать «правду о революции» уже мало кого обманывают: все понимают, что важна не правда, а группировка, к которой ты принадлежишь или которую поддерживаешь. Поэтому споры о революции перекочевали из академических сфер в кабинеты прокуратуры и в залы суда. Ряду ее лидеров, в том числе 89-летнему экс-президенту И. Илиеску, предъявлено обвинение в преступлениях против «человечности», допущенных в борьбе со своими конкурентами за власть.

Н.А. Подчасов (РИСИ) подчеркнул, что кандидат Болгарской социалистической партии лишь в 2016 г. победил на президентских выборах, что дало ей возможность выйти из кризиса. Однако БСП проиграла очередные парламентские (2017 г.) и европейские (2019 г.) выборы. После этого ее председатель К. Нинова подала в отставку, но уже через неделю отозвала ее ввиду предстоящих муниципальных выборов. Такое поведение лидера партии отражает общую растерянность, царящую на данный момент в рядах социалистов. Таким образом, спустя тридцать лет после перехода Болгарии к демократическому правлению бывшая коммунистическая партия все еще находится в поиске собственной роли в изменившихся политических условиях.

Н.С. Пилко (ИСЛ РАН) связала проведение многопартийных выборов в Словении в апреле 1990 г. с завершением эры социализма в республике. При этом программы политических партий были практически идентичны, в них перечислялись проблемы, но не предлагались пути их решения. К концу 1990-х годов ситуация выправилась, хотя гонка за достижением европейских стандартов не всегда способствовала позитивному развитию экономики страны. Все же бесспорным остается тот факт, что Словения являлась той республикой, которая сумела преодолеть распад Югославии с наименьшими потерями. *А.А. Пивоваренко* (ИСЛ РАН) обрисовал контуры концепции «примирения» в современном хорватском обществе. *Г.Н. Энгельгардт* (ИСЛ РАН) предложил новую трактовку термина «стабильность» применительно к Балканам, обозначая им режим, получающий в обмен на лояльность ЕС свободу рук во внутренней политике и внешнюю легитимацию. При этом в рамках взаимоотношений Брюсселя с балканскими государствами характерно преобладание геополитических интересов над внутренними проблемами стран и демократизацией, что влечет за собой ставку на «ответственного лидера», способного обеспечить решение приоритетных для ЕС региональных проблем, зачастую неприемлемыми для населения административными методами. Эта схема рассмотрена на примере Черногории, где с 1997 г. сформировался и закрепился режим личной власти М. Джукановича. В Сербии примечателен переход от полицентричной фрагментированной парламентской модели к лидерской системе безотносительно к конкретной правящей партии (от З. Джинджича в 2000–2003 гг., через главу Демократической партии Б. Тадича в 2008–2012 гг. до власти главы Сербской прогрессивной партии А. Вучича с 2012 г.), причем ключевой при оказании им поддержки со стороны ЕС считается его готовность к уступкам по проблеме Косова. *Я.Н. Смирнов* (ИСЛ РАН) отметил сложность процессов взаимопонимания между Россией и Черногорией, особенно в период 1997–1999 гг.; с тех пор трудности в этом плане лишь усугубляются. *А.Б. Едемский* (ИСЛ РАН) подчеркнул, что с учетом предыдущих кризисов в регионе, М. Джилас наблюдал события 1989 г. как неизбежный задержавшийся процесс.

По мнению докладчика, логически непротиворечивым завершением выражения взглядов Джиласа на историю стала его книга «Падение нового класса. История о саморазрушении коммунизма» (1994), в которую автор включил часть из опубликованных им ранее работ и несколько специально написанных новых текстов. Она приобрела известность во всех странах региона. Был зачитан и поступивший доклад *М. Корженевской-Вишневецкой* (Ин-т политологии и международных отношений Ягеллонского ун-та). Описав продвижение Сербии по пути евроинтеграции на настоящий момент, исследовательница отмечает неизбежность выдвижения Брюсселем в качестве дальнейших условий признания независимости Косова и отказа от поддержки Республики Сербской. В докладе рассмотрен политический кризис в Сербии 2018–2019 гг. с учетом такого фактора, как слабость оппозиции («Союз за Серию»), ее разнородность и отсутствие у нее единой программы. Ей присущ «большой, чем у А. Вучича» национализм, прежде всего по косовскому вопросу.

Примечательно включение в тематику конференций докладов по Греции и Турции. Действительно, эти страны в последнее время все в большей мере задают тональность решению задач не только регионального, но и общекионтинентального формата (проблема выхода из экономического кризиса в Греции, миграционная политика Турции и пр.). *А.К. Александрова* (ИСЛ РАН) подчеркнула, что падение коммунистических режимов и переход балканских стран к рыночной экономике означал окончание изоляции Греции от НАТО, ЕС, ВТО и других международных организаций, давал стране возможность взять на себя ведущую роль в развитии переходного процесса в регионе. Если ранее Греция была «балканским государством в ЕС», то теперь она стала «европейским государством на Балканах». В экономическом отношении Греция – не без помощи ЕС – быстро смогла стать «локомотивом» на Балканах, однако ее политическое влияние было серьезно поколеблено в результате занятой позиции в споре о наименовании БЮРМ, а также во время Югославских войн. Именно эти факторы наиболее серьезно сдерживали интеграционные процессы на Балканах на протяжении почти трех десятилетий. После финансово-экономического кризиса 2009 г. роль Греции на Балканах радикально изменилась; стало очевидно, что стране не хватает ресурсов. И хотя финансово-экономический кризис стал катализатором роста евроскептических настроений не только в самой Греции, но и на Балканах в целом, общее для региона стремление к евроинтеграции, за некоторыми исключениями, сохраняется. *И.М. Мамедов* (ИСЛ РАН) отметил, что Турция следовала и следует собственному курсу во внешней политике в большом евразийском регионе, в котором Балканы занимали уникальное место. В период военных действий и миротворчества в 1991–2001 гг. НАТО во главе с Соединенными Штатами были главными игроками в регионе. Турция реализовывала свою политику в рамках НАТО, но проводила ее в половинчатой форме. На этапе послевоенного восстановления и евро-атлантической интеграции в начале 2000-х годов доминирующей силой в регионе стал ЕС. Турция поддерживала интеграцию Балкан в западные институты, хотя ЕС приостановил многие ее инициативы. Во второй половине 2000-х годов Турция стала следовать новому курсу, основу которого составили как двустороннее сотрудничество, так и ее многосторонние, сугубо балканские инициативы.

Прошедшая конференция – очередная в серии научных форумов, организованных Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, посвященных разным годовщинам революционных событий конца 1980-х годов. Первая из них – «Восточная Европа и СССР на историческом переломе: проблемы изменения общественного строя и органичного включения в международное сообщество» состоялась в далеком 1991 г. (по ее материалам был издан сборник статей «Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития». М., 1992. Его авторы – российские ученые, а также исследователи из Австрии, США, ФРГ, Швеции). Шаг за шагом специалисты Отдела и их коллеги продвигались к пониманию процессов 5-летней, 10-летней, 20-летней и, наконец, 30-летней давности, выпуская сборники трудов по материалам конференций, посвященных указанным датам (см. Восточная Европа на историческом переломе. Очерки революционных преобразований. 1989–1990 гг. М., 1991; Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995; Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие. М., 2001; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: двадцать лет спустя. М., 2011). Нынешний научный форум внес свой весомый вклад в трактовку и интерпретацию того, что получило универсальное название «трансформационные революции», расширив горизонты видения их причин и следствий.

© 2020 г. Э.Г. Задорожнюк
elzador46@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0008123-8

К юбилею Григория Куприяновича Венедиктова

13 ноября 2019 г. отмечает свой 90-летний юбилей Григорий Куприянович Венедиктов — один из старейших сотрудников Института славяноведения РАН, выдающийся российский болгарист, доктор филологических наук, почетный доктор Софийского университета им. Климента Охридского, иностранный член Болгарской академии наук.

Григорий Куприянович начал свою научную деятельность в 1956 г. в должности младшего научного сотрудника Института славяноведения АН СССР, и с тех пор его научная биография была неразрывно связана с Институтом. Григорий Куприянович — автор около трех сотен научных работ, в том числе книг «Из истории современного болгарского литературного языка» (София, 1981), «Болгарский литературный язык эпохи Возрождения» (М., 1990), «Българистични студии» (София, 1990), «Исследования по лингвистической болгаристике» (М., 2009). Заслуженное признание в научных кругах заслужила также и научно-организационная и редакторская деятельность Григория Куприяновича, включающая в себя как организацию многочисленных конференций, редактирование книг своих коллег, так и постоянную работу в составе редакционных коллегий и советов журнала «Славяноведение», ряда выпусков серийного издания «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», серийного издания «Славянское и балканское языкознание», болгарских журналов «Български език» и «Език и литература». Все виды научной деятельности Григория Куприяновича несут на себе отпечаток его замечательной личности, сочетающей высочайшую квалификацию специалиста и ответственность ученого с привлекательными человеческими качествами — неизменной доброжелательностью, уважением к позиции научного оппонента, готовностью всегда прийти на помощь в любой научной работе.

Заслуги Григория Куприяновича Венедиктова были отмечены целым рядом академических и правительственных наград, в том числе одной из высших государственных наград Болгарии — орденом «Мадарски коник».

Сердечно поздравляем Григория Куприяновича со славным юбилеем и желают ему долгих лет жизни в живом общении с любящими и почитающими его коллегами и продолжения участия в научной жизни Института.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Григорию Куприяновичу здоровья и творческих успехов.

К 70-летию Александра Викторовича Гуры

Александр Викторович Гура вырос в Вологде, в филологической семье, и по окончании школы поступил в Московский государственный университет на филологический факультет. Почти сразу же он записался в семинар Н.И. Толстого и вместе с несколькими своими однокурсниками, теперь известными филологами, такими, как А.Ф. Журавлев, О.А. Терновская, О.А. Седакова, составил первый круг учеников Н.И. Толстого и его последователей в изучении языка на фоне и в контексте традиционной народной культуры. Этнолингвистикой это направление стало называться позже, а в то время, в конце 1960-х – начале 1970-х годов, это был просто учебный семинар по сравнительной славянской лексикологии и семасиологии. Н.И. Толстой был научным руководителем и курсовых работ А.В. Гуры, и его дипломной работы, и его кандидатской диссертации.

В 1970-е и 1980-е годы Александр Викторович был неизменным участником организованных Толстым экспедиций в Полесье; его полевые материалы, хранящиеся в Полесском архиве Института славяноведения, представляют собой образцовые и в содержательном, и в языковом отношении записи полесской речи по самым разным темам народной обрядности и верований. Но более всего в экспедициях он интересовался тремя темами – языком и символикой традиционного свадебного обряда, верованиями о животных и птицах и народным сонником, т.е. прогностической символикой сновидений. Этим трем темам он остался верен и во все последующие десятилетия, им посвящены его главные труды. Исключительная последовательность, обстоятельность и настойчивость в погружении в народную традицию и в добывании уникальных для лингвистики и этнографии сведений позволили ему не только собрать богатейший корпус записей, составивших основу его собственных исследований и исследований его коллег, но и сформировать свое этнолингвистическое «мировоззрение» и понимание глубинных основ славянской народной культуры.

Изучение языка и символики традиционного славянского свадебного обряда началось для А.В. Гуры с курсовой работы о терминологии севернорусской свадьбы. Еще студентом он выступил на конференции в Тарту с докладом «Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда», опубликованным в 1972 г. За этим последовала целая серия публикаций, в которых эмпирическая база его трудов постепенно расширялась до общеславянских масштабов. А.В. Гура не только изучил обширнейшую лингвистическую и этнографическую литературу о свадьбе на всех славянских языках, но и объехал все славянские страны и поработал во всех основных архивах, добывая новый материал или дополняя и уточняя уже известный. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» практически все статьи, относящиеся к обширной свадебной теме, написаны им. Венцом исследований славянской свадьбы явилась опубликованная в 2012 г. фундаментальная монография А.В. Гуры «Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика». До сих пор работ такого масштаба и такой глубины в славистике не было. Это поистине комpendиум славянской свадьбы, ее терминологии, символики и структуры, который на долгие годы станет незаменимым источником для лингвистов, фольклористов и этнографов.

Параллельно с изучением свадебного обряда А.В. Гура занимался символикой животных в славянской народной традиции. Первыми публикациями на эту тему были статьи 1978 и 1984 г. о зайце и ласке в серийном издании Института славяноведения «Славянский и балканский фольклор», сразу же обратившие на себя внимание специалистов. А в 1997 г. вышла из печати монография «Символика животных в славянской народной традиции», вызвавшая огромный отклик во всех славянских странах и в 2005 г. опубликованная в Белграде в переводе на сербский язык. Эта книга стала поистине классическим трудом, без ссылок на нее не обходится ни одна славистическая публикация на тему наивной зоологии, символики и мифологии животных.

Третья из излюбленных и постоянных тем Александра Викторовича – символика сновидений в славянской народной традиции – пока еще не увенчалась обобщающей монографией, но подспудно такая монография создается на основе, как и в двух предыдущих случаях, обстоятельных исследований общеславянского масштаба. В отличие от предыдущих трудов, в данной теме, помимо традиционного фольклорно-этнографического материала, присутствует особый аспект – взаимодействие народных верований о сновидениях с книжной традицией рукописных и печатных сонников, имевших широкое хождение в народе. В одной из его первых публикаций по данной теме представлен полевой материал из полесского села Речица Волынской области Украины, откуда видно, что он интересовался снами еще в полесских экспедициях. А недавно в институтском сборнике «Образ человека в языке и культуре» (М., 2018) была опубликована его статья «Регламентация поведения человека в связи со сновидениями».

Разумеется, А.В. Гура занимался и занимается и многими другими темами. Достаточно обратиться к словарю «Славянские древности», где ему принадлежат не только статьи о свадьбе, животных и сновидениях, но и такие статьи, как Борона, Война, Лунные пятна, Семейные обряды, Торг, купля, продажа, Шура и др. (всего лично и в соавторстве им написано для «Славянских древностей» 149 статей); он публикует и работы о ткачестве, о заговорах, о конфликтных ситуациях в народной традиции, о фольклорных параллелях к гоголевскому Вию и т.д. И все-таки по своему складу А.В. Гура – ученый избранных крупных тем и фундаментальных исследований, приближающихся по своему жанру к компендиуму, т.е. исчерпывающему представлению избранной предметной области в предельно структурированном виде и с полным охватом эмпирических данных. В этом с ним не может сравниться никто из современных исследователей-славистов. Но его никак нельзя назвать просто эмпириком – в каждой его работе предлагается глубоко продуманная концепция изучаемого материала, реконструируются те признаки и мотивы, которые лежат в основе наивного восприятия мира народным сознанием.

А.В. Гура стал одним из самых верных и самых последовательных учеников Н.И. Толстого, воплотившим замыслы и идеи своего учителя в серию замечательных трудов, ставших классикой современной славянской этнолингвистики.

А.В. Гура продолжает активно и напряженно работать, ездить в экспедиции (в Польшу, Словению), участвовать в коллективных трудах, выступать на конференциях и при этом не оставляет своих постоянных тем. Институт славяноведения, в котором он проработал более сорока лет, может по праву гордиться таким замечательным ученым.

Коллеги и друзья поздравляют Александра Викторовича с юбилеем и желают ему здоровья, вдохновения и долгих лет творчества.

© 2020 г. С.М. Толстая
smtolstaya@yandex.ru

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Александру Викторовичу здоровья и творческих успехов.

Памяти Светланы Александровны Шерлаимовой (1927–2019)

18 октября 2019 г. покинула этот мир Светлана Александровна Шерлаимова, наша дорогая коллега, посвятившая всю свою жизнь изучению и популяризации чешской литературы в России.

Научная деятельность Светланы Александровны была тесно связана с ИСл РАН. После окончания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в далеком 1954 г. она начала работать в тогдашнем, только начинавшем свое становление Институте славяноведения и балканистики АН СССР, и прошла здесь путь от младшего до главного научного сотрудника. Долгие годы, начиная с 1975 г., она возглавляла созданное ею литературное подразделение Института, которое с той поры и вплоть до наших дней занимается проблемами современного развития литератур региона. Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы – ее детище, которое помнит и развивает традиции своего основателя и его ближайших сподвижников и коллег, наших учителей – В.А. Хорева, Г.Я. Ильиной, Ю.В. Богданова и др.

С.А. Шерлаимовой написано несколько сотен научных трудов, в их числе монографии «Станислав Костка Нейман» (1959), «Иржи Волькер и новые пути чешской поэзии XX века» (1965), «Витезслав Незвал» (1967), «Чешская поэзия XX века. 20–30-е годы» (1973), «Литература “Пражской весны”: до и после» (2002), последние из них – «Милан Кундера и его романная философия» (2014). Ее перу принадлежат и многочисленные обобщающие главы по истории чешской литературы после 1945 г. в коллективных трудах Института: «Очерки по истории чешской литературы XIX–XX веков» (1963), «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (1995, 2001), «Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении. Центральная и Юго-Восточная Европа» (2006), а также большое число статей, посвященных проблемам современного романа, чешской поэзии и драматургии, теории литературы и сравнительного литературоведения.

Научной основательностью и вместе с тем несомненным артистизмом отличались выступления С.А. Шерлаимовой на конференциях, проходивших на разных площадках, в том числе и на таких представительных форумах, как Международный съезд славистов и Всемирный конгресс богемистов-литературоведов в Праге, где ее доклады каждый раз пользовались заслуженным успехом.

Монография о Милане Кундере, написанная С.А. Шерлаимовой в 2014 г., благодаря сочетанию в ней научной глубины с эссеистической яркостью вызвала большой интерес как у специалистов и широкого круга читателей в нашей стране, так и у зарубежной научной общественности; она представила эту книгу и на Конгрессе богемистов-литературоведов во время своего последнего визита в столь любимую ею Прагу. Вплоть до самого своего ухода Светлана Александровна работала над новой монографией, посвященной жизни и творчеству чешского драматурга и политика Вацлава Гавела. В 2018 г. в сборнике «Вектор *non-fiction* в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы» вышла ее последняя статья «Вацлав Гавел в чешской мемуарной литературе и документалистике», основанная на собранных материалах и – как это было характерно для автора – на личных впечатлениях и личном отношении к избранной теме, к чешской литературе, к самой Чехии.

Всем, кто знал и помнит Светлану Александровну, будет недоставать ее энергии, оптимизма, научной взыскательности, ее личного обаяния, ее звонкого голоса в стенах родного Института...

© 2019 г. Л.Ф. Широкова
shirocco@mail.ru

ARTICLES

<i>Borisenok E. Yu.</i> (Moscow). To the notion of «Ukrainisation»	3
<i>Durđević B.</i> (Belgrade). First attempts of exporting the Yugoslav system of self-management (1954–1956)	16
<i>Shakhin Yu. V.</i> (Sevastopol). National policy of Yugoslavia and the Slovenian resistance to the cultural integration in the second half of the 1950s	32
<i>Engelhardt G. N.</i> (Moscow). Letters of Serbian Patriarch Pavle to Patriarch Alexy II in October 1993	42

THE CONCEPT OF WILL/FREEDOM IN SLAVIC CULTURES

<i>Filatova N. M.</i> (Moscow). Polish historiography on voluntary cooperation with the Russian authorities in the «epoch of national oppression»	49
<i>Yablokov Ye. A.</i> (Moscow). The formula of «love» of Ivan Turgenev: freedom and coercion	54
<i>Chepelevskaia T. I.</i> (Moscow). School curricula of Anton Martin Slomšek and the problem of confessional and cultural identification of Slovenians in the nineteenth century	57
<i>Kurenayaya N. M.</i> (Moscow). National identity in poetry of Janka Kupala	61
<i>Zlydneva N. V.</i> (Moscow). Avant-garde «in fetters» of freedom: Suprematism of Kazimir Malevics and Zenithism of Lubomir Micić	64
<i>Krasovec A. N.</i> (Moscow). Declaration of dictatorship of «Nichevokiness» in the collection of manifestos «Dog Box» (1922)	67
<i>Semenova A. V.</i> (Moscow). Contemporary Kassubian homili as prescriptive speech act	71

ESSAYS

<i>Matveev O. V.</i> (Krasnodar). The Caucasian period in the life and work of the Belorussian educator Ivan D. Gorbachevsky	74
<i>Perevoshchikov D. V.</i> (Izhevsk). <i>From the history of the stay of Hungarian prisoners of war in Udmurtia in 1943–1949</i>	83
<i>Taranets S.</i> (Kiev). Field archeographic studies of the Old Believers at the M. V. Lomonosov Moscow State University in the period of the 1960s–1990s	89

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Kolmakova M. V., Chernyshenko D. Yu.</i> (Saint Petersburg). Slovenian studies from Jan Baudouin de Courtenay's personal library in the Department of Slavic Literature of the Russian Academy of Sciences Library	101
<i>Aristova L. Yu.</i> (Moscow). A fragment from the personal library of Osip M. Bodyansky in the Library of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences	110

РЕЦЕНЗИИ

<i>Silkin A. A.</i> Я. Вишняков, А. Тимофеев, Г. Милорадович. На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917	120
<i>Labauri D. O.</i> Г. Н. Георгиев. Българо-албански политически отношения (1908–1915)	123

SCHOLARLY LIFE

<i>Zadorozhnyuk E. G.</i> Transformational revolutions: the beginning and outcome	128
---	-----

JUBILEES

To the jubilee of Grigory Kupriyanovich Venedektov	133
<i>Tolstaya S. M.</i> To the jubilee of Aleksandr Viktorovich Gura	134

OBITUARIES

<i>Shirokova L. F.</i> In memoriam of Svetlana Aleksandrovna Sherlaimova (1927–2019)	136
--	-----

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).